

Валентина ЛАЗЕБНИК

Нескучный Екатеринослав

Владимиръ МАШУКОВЪ

Воспоминанія о городѣ Екатеринославѣ

(1887—1910 г.г.).

Дніпро
2021

УДК 82-94
Л17

Серія «Придніпровська старина»
започаткована у 2021 році
Автор проекту **І. Б. Гусаров**

ВИДАННЯ ЗДІЙСНЕНО ЗА ПІДТРИМКИ
ПРОГРАМИ «КУЛЬТУРНА СТОЛИЦЯ»

КУСТ
КУЛЬТУРНА СТОЛИЦЯ

Департамент
гуманітарної політики

В книгу об'єднані два літературних джерела. Це збірка статей відомого історика, завідувачем відділу Дніпропетровського Національного історичного музею ім. Дм. Яворницького Валентини Лазебник і репринтне видання книги краєведа-любителя кінця XIX – початку XX століть Володимира Машукова «Віспоминання про місто Катеринослав (1887–1910 рр.)» (перше видання 1910 р.). Обидва джерела розповідають про одне і те ж час історії Катеринослава і чудово доповнюють одне одного. Книга ілюстрована фотографіями з колекції Національного історичного музею ім. Дм. Яворницького і розрахована на широке коло читачів.

Жодна частина цього видання не може бути відтворена або скопійована в будь-якій формі без попереднього письмового дозволу правозасадника

ISBN 978-966-934-324-6

© В. І. Лазебник, 2021
© І. Б. Гусаров, 2021
© Журфонд, 2021

От издателя

СКУЧНО НЕ БУДЕТ!

Данное издание претендует на оригинальность как по форме, так и по содержанию. Под единой обложкой помещены рассказы двух авторов об одном и том же периоде существования Екатеринослава. Но они подходят к истории города совершенно с разных сторон. Именно поэтому книги прекрасно дополняют одна другую.

Первая (собственно «Нескучный Екатеринослав») — представляет собой цикл статей, написанных заведующей отделом научных исследований и экспозиций истории Украины XIV — начала XX столетий Днепропетровского национального исторического музея им. Дм. Яворницкого Валентиной Лазебник для газеты «Комсомольская правда» в 2005—2006 годах. Эти публикации вызвали живой интерес и самые теплые отклики читающей публики. Уже тогда у нас возникла мысль, что будучи собраны вместе в виде книги, они произведут еще лучший эффект и доставят людям большое удовольствие. Не станем перечислять причины, по которым осуществить задуманное удалось лишь пятнадцать лет спустя. Важно, что сегодня, наконец, мы можем наверстать упущенное и предложить читателю увлекательный экскурс на 110—150 лет назад в наш город конца XIX — начала XX веков.

Сделаем лишь пару-тройку предварительных замечаний. Первое. Конечно, тексты адаптированы к книжному формату, но их «газетное прошлое» намеренно сохранено нами на страницах издания. Внимательный читатель обнаружит его в особенностях стиля, заголовках, содержании примечаний. Целью было максимально облегчить повествование, придав ему оттенок непринужденной хроники, коей оно (повествование) по сути и является. Мы не сильно озабочивались последовательностью расположения отдельных глав, почти сохранив порядок, в котором статьи появлялись в «Комсомолке». Хотелось, чтобы книга воспринималась не как симфония с ее серьезным и порой тяжеловесным развитием музыкальной темы, а как сюита — череда танцевальных мелодий в порядке, подсказанном вдохновением.

Вторая часть нашего издания представляет собой репринтное (в стиле дореформенной орфографии, без дополнительной корректуры) воспроизведение известной в свое время книги Владимира Дмитриевича Машукова «Воспоминания о городе Екатеринославе (1887—1910 г.г.)». Относительно всего, что касается личности Машукова и его книги мы адресуем читателя ко второй части.

Здесь скажем лишь о том, что, насколько нам известно, «Воспоминания...» выходили единственный раз в 1910 году и с тех пор не переиздавались. Подготовку к новому изданию, видимо в середине 2000-х годов, осуществил талантливый библиограф Евгений Саминский, работавший тогда в отделе редкой книги библиотеки Днепропетровского национального университета им. Олеса Гончара. Он написал предисловие и примечания к книге Владимира Машукова, которые впоследствии были опубликованы в издании «Первые книги Екатеринослава» (Евгений Саминский, 2018 г.). Однако издать «Воспоминания...» Евгению Матвеевичу помешала безвременная кончина (в возрасте 52 лет, в 2008 году). Предисловие и примечания Саминского к книге Машукова вошли в наше издание с разрешения его матери Валерии Ивановны.

И последнее. В чем секрет уже упомянутой в начале статьи «комплементарности» книг Валентины Лазебник и Владимира Машукова? Заметьте, что наша современница делает упор на бытовую, повседневную сторону жизни екатеринославцев: их нравы, традиции, радости и горести, достижения и ошибки. Со своей стороны Машуков с трогательной тщательностью краеведа-любителя (военного по профессии!) описывает городскую инфраструктуру: улицы, площади, парки, магазины, транспорт, пейзажи, ландшафты и многое другое.

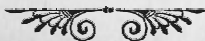
Что же остается доброжелательному читателю, желающему обеспечить успех нашей книге? Приложить определенные интеллектуальные усилия и «переселить» персонажей Валентины Лазебник в городской интерьер Владимира Машукова. И тогда, поверьте, — скучно не будет!

Валентина ЛАЗЕБНИК

Нескучный Екатеринослав

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	3
Об авторе	7
Предисловие очевидца (Пар. Милушин)	8
Новелла I «За гласных голосовали шарами»	11
Новелла II «Кабаки делились на разряды»	16
Новелла III «А в ресторане, а в ресторане!»	21
Новелла IV «Древнейшая профессия жила и процветала»	25
Новелла V «Держимордам приходилось туго»	33
Новелла VI «Рекламу подвергали полицейской цензуре»	40
Новелла VII «Политика потеснила науку»	44
Новелла VIII «Это страшное слово ЛОТО!»	49
Новелла IX «За год – озеро водки!»	56
Новелла X «Когда «родилась» елочка?»	61
Новелла XI «Новогодние утехи... и утраты»	65
Новелла XII «Горожан причесывали иностранцы»	71
Новелла XIII «Когда все дело в ШЛЯПЕ!»	77
Новелла XIV «На женские штаны кидались с лютой злобой»	84
Новелла XV «Скачки – даже для крестьян»	91
Новелла XVI «Дешево, да сердито!..»	98
Новелла XVII «Шопингомания – дитя былых столетий»	103
Новелла XVIII «Горожане тонули в лужах»	107
Новелла XIX «Царство белой акации»	111
Предисловие Евгения Саминского	116
В. Машуков «Воспоминания о городе Екатеринославе (1887–1910 г.г.)»	121
Указатель топонимов к книге В. Д. Машукова «Воспоминания о городе Екатеринославе (1887–1910 г.г.)»	214

Об авторе

Лазебник Валентина Ивановна — украинский историк, краевед, публицист, общественный деятель, член Национального общества краеведов Украины и Украинского центра развития музейного дела. Заведующая научно-исследовательским и экспозиционным отделом истории Украины XIV—нач. XX ст. Днепропетровского национального исторического музея имени Д. И. Яворницкого.

Исследователь и популяризатор истории Екатеринослава XVIII—нач. XX ст., в первую очередь негласно запрещенных в советское время страниц истории местного самоуправления — Городской Думы и Управы, их деятелей; истории так называемых «социальных отношений» — частной и повседневной жизни людей старого города; института Почетного гражданства; иностранного инвестирования в экономику нового промышленного центра мирового значения — города Екатеринослава.

Член городской комиссии по наименованию (переименованию) улиц, площадей, проулков, скверов города. В вопросе популяризации истории города постоянно и активно сотрудничает в средствах массовой информации.

Автор и соавтор монографий и книг: «Озерка наша» (2001 г.); «Дніпропетровськ: минуле і сучасне» (2001 р.); «Дніпропетровськ на рубежі тисячоліть» (2001 р.); «Дніпропетровськ: віхи історії» (2001 р.); «Історія міста Дніпропетровська» (2006 р.); «Діячі державної влади та самоврядування Дніпропетровської області» (2009 р.); «Неизвестная Екатеринославщина: исторические очерки» (2012 г.); «Сталь у степу. Погляд з України. Історичні нариси» (українською та французькою мовами) (2017 р.); «Почесні громадяни міста Катеринослава. 1868—1917» (2020 р.) и «Європейський слід в історії залізної гарячки Катеринослава» у альманаху «На зламі епох» № 4; «Міський голова: Від Катеринослава до Дніпра 1787—2020» (2021 р.).

Нагороди, звання, знаки отличия: Орден Княгини Ольги III ст. (2009 г.), Почетная гражданка города Днепра (2020 г.), Грамоты, Благодарности, Почетные знаки премьер-министра Украины (2016 г.), Министерства культуры Украины (2000 и 2005 г.г.), Днепропетровской областной и Днепропетровской городской власти.

Предисловие очевидца

ПО ДЕЛУ ЗАЕЗЖЕМУ...

В июне 1885 года московский купец П. Милушин¹⁾ вместе с кумом Кузьмой Лукьянычем приехал в Екатеринослав на ярмарку «обещавши собственной супруге записывать всякие происшествия недозволенные аккуратно». Записи Милушина под названием «Заезжее дело» дошли до наших дней. Фрагменты этих заметок (максимально сохранив особенности оригинала!) мы предлагаем читателям.

О мосте железнодорожном

«Как это мы до Синельникова ехали, – в подробностях не упомяну; морило страсть! В Синельникове прочухались и даже умылись. А на станции Нижнеднепровск, ошарашамши по две рюмочки и закусивши оные раками местного произведения, стали на заднюю площадку, чтобы, значит, со страхом и трепетом днепровский мост переехать. Ну и мост: от удивленья и страха многие даже икать начали. И как это трезвый человек такое выдумать мог? Случилось нам, опосля Нижегородской, в мыслях своих мосты строить, но только те короче будут, и – самое главное – на белых слонах держатся».

О готелях

«Остановившись в номере, целый день, до самого вечера, проспали. Проснувшись, огляделись и даже плюнули: упокойчик – козлу негде прыгнуть: две скамеечки стоят, на манер тех, на которых ребят в панционах секут и которые быдто кровати, потому на них спать надо; столик утвержден, лохань для умовения; стульев – нету... цена – целковый. Плюнуть-то плюнули, но только не благополучно: по случаю тесноты я, например, в лицо куму, а он – совершенно мне наоборот. Вследствие того, как взаимно оплевали, обижаться друг на друга одначе не стали».

О пожарах

«Напимшись чаю, вздумали по малости развлечься. Сичас это вопрос; куды? – А где, говорит, почуднее...

¹⁾ Имя «заезжего купчины» достоверно уточнить не удастся. В одном из источников встречается «Пар. Милушин». Возможно, Парфентий, либо Парамон.

– Господин половой! Где у вас етута?... что, как, в каком направлении?

– По теперешнему времени, – говорит, – в продолжении дня, публика наша по пожарам развлекается, и пожары у нас всякие: с утра незначительные – для простого народа; к полдню – позабористей – для среднего классу; а к вечеру – с разными ужасами и разговорами – для чистой публики. Сегодня, одначе, – говорит, – все уже кончились».

О проспекте

«Вышли на бульвар, думаем: куда-нибудь придем. ...Сели мы на линейку вроде тех катафалок, на которых в прочих городах мертвых возят; сели и поехали.

А ехали все бульваром, а бульвар этот скрозь весь город идет; а город Екатеринослав хушь и не больно велик, но длинный. И по всему этому бульвару будки стоят, а в будках дамский пол зельской (*род искусственной минералки, сельтерская – Ред.*), табаком, апельсинами и туфлями торговлю производит. И столько в этом городе, на этом самом бульваре и везде этой самой зельской воды, что даже сказывают, которые богатые – чай пьют на оной.

Когда стали подъезжать, поворот налево сделали и сичас носы зажали: полагали так, что для буфету лимбургские сыры изготовляют, оказалось, одначе, дохлая кошка».

О городском саде и летнем театре

«Прозывается сад сей «Шато-де-Флер», хорош он не дуже, кеатр в нем того хуже, а в буфете кроме вчерашней колбасы да прошлогодней селедки ничего не видать. Заправляет всем делом сам «режиссер»: он и водку наливает, он и на кеатре играет. Молодец! Можно чести приписать! И человек совершенно коммерческий: идет, например, игра, сам он на манер барина и даже жениться собирается. Вдруг из буфету известие – «господин один напил, наел, – марш без расчета. ...таперь вона в публике сидит, в пятом ряду, и даже виду не дает, что два двугривенных за ним»... Сичас г. Александровский игру свою бросает, кругом, в публику, к тому господину... а которые при нем актеры «держи» кричат. За неволю закричишь! Потому ежели эдак всякий, так и жалования получать не из чего будет.

Погоуливают в «Шато-де-Флер» и барышни, которые для развлечения... Да, устройство столичное».

О вечерних улицах

«Вышли мы из саду и даже задохнулись: уже оченно пыльно; так пыльно, ровно-бы кто тебе лопатой эту самую пыль пушает. Сели на извозчик и слова, от пыли, сказать не можем... Перекусили в трактире

«Коммерческом» и домой пошли пешком и страсть было как напугались: подымут сторожа свист, – словно-бы скрозь строй нас. А свистят здесь потому, что подозрительный человек, полагают, свисту боится и будет дома сидеть. Сильно свистят и об заборы палками колотят. А на всяком углу собак, без всяких ошейников, множество и оные собаки нас, московских гостей, за лытки иногда хватывали, и одежду московского изделия рвали; мы же, продолжая путь, только шепотом ругались, ибо неизвестны суть на каком положении и от кого собаки те в граде сем содержатся».

О театрах

«В прочие дни, промежду делов, побывали в прочих кеатрах и увеселениях. Садовый кеатр г. Черкасова – так, комнатка небольшая; игра идет такая, что стараются больше с пением, но только у многих, заместо пения, один шип выходит. Буфеты отменные; в ценах играют на повышение.

Уж очень много, здесь, во всех кеатрах, блох! Наша московская блоха больше спальною любит; редко-редко когда с хозяйкой на бал какой выедет... А здешняя блоха, вишь, к искусству призвание имеет. Здорово, анафема, под музыку прыгает».

О ярмарке и пьянстве

«Про ярмарку здешнюю уж и не писать – плюнь дело! Торгуют, преимущественно, волами. Вол, по нашему московскому делу никуда, окромя как на говядину, не годится, а здесь на нем ездят, но только езда эта пустая.

Пьют здесь, в Екатеринославе, быдто и потише нашего, но только, все-таки, порядочно. Выпимши – ругаются с воздержанием, и в эфтом случае Москва верх возьмет. Шкандалы хоша и бывают, но шкандалы такие, что нам, московским гостям, и смотреть противно: ни тебе зеркального боя, ни скулосовращения... Протоколы, одначе, и здесь писать умеют. А развозят пьяных по домам, все одно как и у нас, на извошиках, но только такция (*такса – Ред.*) здесь другая: берут как бы за троих седаков».

О разном

«Еда здесь христианская, говяжья, только без навару. По праздникам не торгуют и в кабаки с передних дверей не пушают. Каланча – одна, храмов в городе – три, кеатров – четыре, гостиниц – пятнадцать, портерных – пятьдесят, кабаков – не счесть, в прочих местах еще не бывали. Жители роста средняго, ходят больше в шляпах. Бойко торгуют квасом и подсолнечным семем. Женский пол красив, только редкая полноту имеет. А все потому, что пища без навару!»

Новелла I

**ЗА ГЛАСНЫХ
ГОЛОСОВАЛИ ШАРАМИ***Избирали только избранные*

Выборы гласных (депутатов) в Екатеринославскую городскую думу на каждые четыре года, всегда считались моментом историческим. Они были событием волнующим и лихорадящим весь город. Избиратели и рядовые обыватели, заинтересованные в деятельности Городского Управления, нервничали и представляли отличный материал для исторических зарисовок.

Перед выборами наступал период беспощадной критики деятельности Городской Думы, городского головы и Городской Управы. Критиковали за то, что не сделано, а если и сделано, то не так, как было бы желательно. При этом выражалось огульное недовольство без указания конкретных случаев. Но никто из «охальников» не заду-

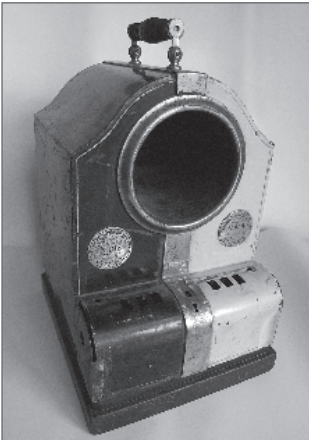

мывался над причинами градостроительных проволочек. А причин было немало: отсутствие денег в городской казне, кредитов по смете, благоприятной погоды, недостаток времени, задержка вопросов в комиссиях, хозяйственные или технические соображения...

Вспоминали и о несовершенстве существующего Городового Положения, согласно которому избирательные права имела лишь незначительная часть городских жителей – собственники недвижимого имущества стоимостью не ниже 1500 рублей, а также содержатели торгово-промышленных заведений первой или второй гильдии. Таковых в Екатеринославе в 1892 году насчитывалось всего 558 человек! Права голоса были лишены мелкие домовладельцы, торговцы, чиновники, приказчики, женщины, евреи, духовные лица. Вот и получалось, что при населении города в 113 тысяч человек к избирательным урнам допускалось едва ли 0,5% граждан.

Направо — «за», налево — «против»

Эти 558 избирателей и выбирали гласных в Городскую Думу в количестве 47 человек, а те из своего состава избирали городского голову. Как правило, на выборы в зал заседаний Думы являлась едва ли половина избирателей. Им предлагали взять по шару и

Аппарат для тайного голосования

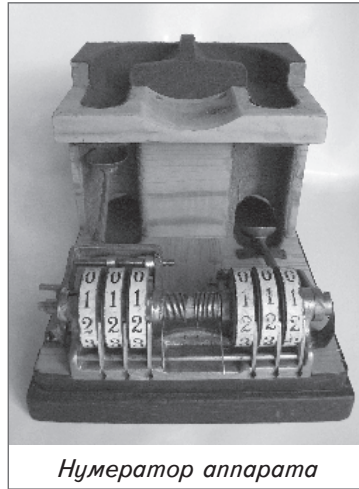
положить в правое (белое) или левое (черное) отделение урны после оглашения фамилии кандидата из избирательной записки. При этом шар направо означал «за», налево – «против». Тайна волеизъявления вроде бы и соблюдалась, т. е. куда именно падал шар, никто не видел. Но поскольку голосовали привселюдно, достаточно было самого глухого шепотка, или предварительно пущенного явно пристрастного слова, чтобы он упал туда, куда бы ему падать совсем не следовало.

Желающих быть гласными набиралось до 100 человек из числа тут же присутствующих. Каждого нужно было на месте проголосовать, или, как тогда говорили, баллотировать. Поэтому выборы проходили от 4 до 6 дней подряд – пока не набиралось необходимое количество депутатов. Список избранных гласных утверждался губернатором и печатался во всех

местных газетах. И тут же «общественное мнение» взрывалось бурей протестов по поводу допущенных злоупотреблений на выборах и нападка на лиц, прошедших во власть.

«Черный пиар» поручили полиции

Выборы 1897 года проходили особенно бурно. Губернатора Александра Баторского буквально забрасывали жалобами различные лица местного общества. Справедливыми они были, или нет – судить трудно. Возможной причиной могла стать весьма активная деятельность предыдущего состава Думы и Управы, которая многим не понравилась. В письме к губернатору некто Андрей Черемуха писал: «Много тысяч человек умоляет своего нового главу губернии избавить местное, более чем стотысячное, население от сподвижников и вредных заправил». Речь шла о членах управы Федоре Мирошниченко и Михаиле Парфентьеве. Что же оставалось делать губернатору в данной ситуации? Собрать точные и верные сведения об их образовании, общественном положении, занятиях, средствах к существованию, а также о нравственных качествах, способностях к исполнению депутатских обязанностей и репутации их в местном обществе. И кому же поручить столь деликатное задание, как ни полицейскому ведомству? Полицеймейстер с ответом не задержался, и вскоре на стол губернатору легли две характеристики с грифом «Секретно».

Нумератор аппарата

Усердие и честность — не товар

Из донесений мы узнаем, что Федор Никифорович Мирошниченко, исполняющий обязанности заведующего торговым отделением Управы – купец 2-й гильдии, возраста 57 лет. Научившись слегка писать и считать, он 20 лет работал в железной лавке М. Алексеенко, где оставил по себе добрую память. Затем он открыл свою торговлю «красным товаром» (*текстиль, ткани, мануфактура – Ред.*), которым торгует и ныне. В данное время его имущество оценивается от 120 до 150 тысяч рублей. За время служения в Управе отличался

усердием и честным отношением к делу. Но благодаря грубости, необразованности и, в особенности, наклонности к выжиманию из торговых людей и арендаторов возможно большего количества денег, нажил среди городских обывателей массу врагов. Вывод полицейского рапорта гласил: «По своим способностям, развитию и нравственным качествам может с достоинством исполнять обязанности лавочника или приказчика, но отнюдь не члена Городской Управы». Видно здорово досадил Федор Никифорович торговому люду, если плебейское лобби заставило избирателей с треском забаллотировать его на выборах. Ну, не нужны народу его честность и усердие!

Парфентьева сгубила интрижка

Еще больше «опустила» полиция Михаила Парфентьева. Купеческий сын, 30 лет, живет на средства матери. Образование – пять классов реального училища. С увлечением хватался за различные коммунальные отрасли – мощение улиц, водопровод, электрическое освещение, озеленение. При этом не избег ошибок.

Одной из таких «ошибок» являлась начатая им порубка Фабровских бульваров в 1895 году. Заросшие, тенистые бульвары были прекрасны, но деревья уже устарели, набрав возраст до 50 лет. Из-за упреков, насмешек и негодования обывателей порубку приходилось вести ночами. Уже через несколько лет молодые деревья поднялись и дали тень, а о Парфентьеве – забыли.

Но тогда точку в его карьере поставила характеристика нравственных качеств, данная полицмейстером: «22 ноября 1894 года отравилась крестьянка Курской губернии Мария Калугина, 18 лет, которую больше года навещал и помогал деньгами гласный Парфентьев, но жениться не пожелал, что и послужило причиной ее самоубийства».

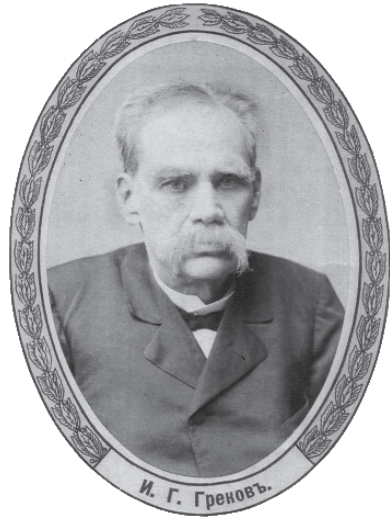
Как и Мирошниченко, активный, деятельный, хотя и вызывающе самоуверенный Парфентьев не был избран ни гласным, ни членом Управы.

Грекова «прокатили» на трамвае

Досталось в 1897-м и городскому голове Ивану Гавриловичу Грекову. В письме на имя губернатора местные жители заявляли: «Сердечно благодарим за неутверждение Мирошниченко и Парфентьева, но это были боковые корни, а самый же главный корень зла у нас – городской голова Греков и помощники его Стройников и ар-

хитектор Скоробогатов. Этим троим следовало бы выбросить, этим только и возможно освежить Управу». Жалобщики обвинили Грекова во взятке в 50 тысяч рублей от общества по постройке электрического трамвая. На самом деле это была не взятка, а залоговые деньги, полученные Управой, согласно договору о строительстве.

Между тем, современники характеризовали Ивана Грекова как человека большого практического ума и независимого положения. В годы его правления в городе был открыт Высшее горное училище, устроены новые бульвары, построены скотобойни, улучшились и расширились базары, был пущен электрический трамвай. Бюджет города с 400 тысяч рублей в 1892 году достиг 862 тысяч – в 1901-м. Однако от незаслуженных огорчений во время скандальных выборов Греков начал болеть и через два года оставил пост городского головы.

*Иван Гаврилович Греков –
городской голова 1891–1899 г.г.*

Город рвался за рамки

Обобщая сказанное, отметим, что на самом деле причины недовольства горожан были глубже упреков в адрес отдельных лиц. В конце XIX века ситуация была такова, что благоустройство города, при тех ограниченных средствах, которыми он располагал, просто не поспевало за жизнью. Екатеринослав нужно было освободить от непосильных расходов на содержание полиции и войск, уменьшить налоги в пользу казны и земств, предоставить городским властям право самим изыскивать источники доходов и кредитов. Тогда Городская Дума и Управа были бы на высоте, так как в подавляющем большинстве туда избирались лучшие люди города.

Новелла II

КАБАКИ ДЕЛИЛИСЬ НА РАЗРЯДЫ

«Кроме поглых и солдатства»

Первые трактиры (*торговое заведение в городах для нужд проезжающих по тракту – Ред.*) появились в Екатеринославе в начале 1790-х годов, во время строительства города. Вопрос, сколько подобных заведений нужно растущему губернскому центру, изначально решался на самом высоком уровне. Поскольку наши обстоятельные предки ничего не любили пускать на самотек, количество трактиров являлось предметом особой заботы властей.

В 1792 году наместник края предложил Городской Думе обсудить «сколько в городе Екатеринославе должно состоять трактиров и гербергов (*заведение рангом ниже трактира, распивочная – Ред.*)». Дума отвечала, что «Екатеринослав по новосозиданию есть ныне не весьма в многолюдном обзаселении, но все-таки небезнужно быть в нем 4 трактирам и 8 гербергам». 23 марта 1793 года было учреждено

Трактир середины XIX века

четыре номера трактиров. Что представлял из себя каждый «номер» мы узнаем из Высочайшего Указа, которым было повелено: «Для удовольствования всякого звания людей, кроме подлых и солдатства, быть в городе гербергам и трактирам четырех номеров, а именно:

– в первом содержать стол, ночлег и продавать вейновую (*изготавливалась из скисшего фруктового, в основном виноградного, вина – Ред.*) водку, виноградные вина, аглицкое пиво, полпива легкое, кофей, чай, шоколад и курительный табак;

– во втором – содержать стол без ночлега, и продавать вейновую водку, виноградные вина, аглицкое пиво, полпива легкое, кофей, чай и курительный табак;

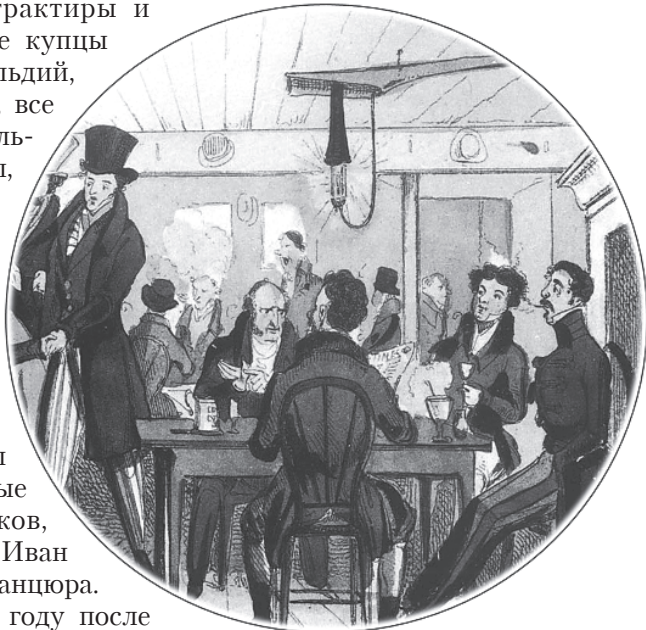
– в третьем – иметь один ночлег без стола, а притом держать чай, кофей, шоколад, и курительный табак и кроме водок прочие дозволенные пития;

– в четвертом – без стола и ночлега, продавать только чай, кофей, шоколад, курительный табак, и кроме водок прочие дозволенные пития».

Таким образом, второй номер соответствовал современному понятию ресторана.

Губернатор сменил номера

Содержали трактиры и герберги местные купцы 1-й, 2-й и 3-й гильдий, и, что интересно, все они, как свидетельствуют документы, были гласными Городской Думы. Первый городской голова Иван Шевелев как раз и содержал трактир под № 2. Другие трактиры содержали гласные Степан Четвериков, Федор Лебедев, Иван Руднев, Ефим Танцюра. Впрочем, в 1779 году после

обсуждения в Думе учреждены были всего четыре трактира (1 – первого, 2 – второго и 1 – третьего номеров) «до умножения народного и усмотрения необходимой нужды». К концу XVIII столетия их было уже семь, и количество продолжало расти. Причем многие купцы предпочитали иметь трактиры только 4-го номера. Отсутствие же в городе трактиров под первым номером, в котором позволялось иметь для «проезжающих и приходящих благородных людей стол и ночлег», беспокоило губернатора. Поэтому появляется новое положение: «Для общественной выгоды и для пользы казенной назначить, сколько именно должно быть в здешнем городе трактиров и каких номеров, т. к. при их излишестве по необильной торговле могут происходить всякие неблагопристойности и злоупотребления, как то: впускание в герберги подлых людей и продажа непозволительным образом питей». В 1798 году по распоряжению губернатора были уничтожены все трактиры 3-го и 4-го номеров, а оставлены только три трактира 1-го и 2-го номеров.

Кому «Европейский», кому «Дальний Восток»

Трудно поверить, но число трактиров не возросло и в первой половине XIX века. Это были трактиры на Вольной почтовой станции, в заезжем дворе купца Тихова (ныне новое здание по ул. Вячеслава Липинского, 4), где в 1820 году останавливался А. С. Пушкин, и готель «Морица» на набережной. Главным предметом конкуренции хозяев трактиров были обеды. Особенно хорошо готовили в «Морице». Здесь останавливался знаменитый военврач Н. И. Пирогов, проездом в Крым, к театру военных действий. Здесь же устраивали литературные обеды екатеринославские Пиквики.

В 1880-е годы число готелей с ресторанами доходило уже до полутора десятков. Лучшим считался открытый в 1886 году «Hotel D'Еурога» («Европейский») на углу главного проспекта и Яковлевского сквера (ныне угол про-

спекта Дм. Яворницкого и улицы Ю. Словацкого). Роскошные номера, хороший ресторан, где подавали блюда французской кухни и вина из собственных погребов.

Но большая часть ресторанов была сосредоточена в местах торговых, людных – близ вокзала, пристаней, базаров. Так, на Озерной площади и прилегающих к ней улицах располагались сразу шесть заведений: «Аполло», «Наследников Ф. Ф. Боте», «Выше-Порт», «Дальний Восток», «Кронштадт», «Петербург». На Базарной (ныне улица Святослава Храброго) – «Орел» и «Париж». Впрочем, это были рестораны для непритязательной публики, в основном мещанского сословия – мелких торговцев и лавочников, случайных посетителей. Меню их составляли селедки, бутерброды, горячие соусы, жаркие, рыбное, сладкое, чай, столовые вина.

Роскошный обед – за «трешку»

Большинство готелей процветало исключительно благодаря ресторанам. Причем лучшими были рестораны при центральных гостиницах. Содержали подобные заведения, в основном, немцы, турки и греки. Привилегированное положение занимали хозяева заведений первого и второго разряда. Чтобы начать ресторанный бизнес, требовался немалый капитал. Но даже для того, чтобы открыть трактир третьего разряда с продажей крепких напитков, требовалось несколько тысяч рублей. Кроме того, чтобы открыть ресторан, нужно было получить разрешение Городской Управы и полиции.¹⁾

¹⁾ К примеру, 13 сентября 1908 года в Управу поступило прошение от подданного Германии Эмиля Ивановича Нейс. В нем он писал: «Желая содержать с 1 января 1909 г. первоклассную гостиницу и ресторан «Франция» по проспекту в доме Карпаса № 71, покорнейше прошу выдать мне установленное свидетельство на право открытия этого заведения». Ниже – приписка следующего содержания: «Я, нижеподписавшийся, даю сию расписку Управе на основании ст. 19 Высочайше утвержденного 8 июня 1893 г. Положения о трактирном промысле, в том, что по настоящее время не подвергался взысканиям, которые по закону лишают меня права содержать заведение трактирного промысла, о разрешении которого подано мною настоящее прошение в Городскую Управу». К Прощению было приложено свидетельство Городского Полицейского управления о том, что «со стороны сего Управления не встречается препятствий к содержанию Э. И. Нейс гостиницы с рестораном».

Самый ощутимый доход владельцам ресторанов приносили вина и фрукты, которые стоили здесь в 4–5 раз дороже, чем в магазинах. Обед в перворазрядных ресторанах стоил от 75 копеек до 3 рублей, а завтрак – от 40 копеек до 1 рубля 25 копеек.

Разумеется, сбор с заведений трактирного промысла занимал важное место в статьях дохода городской казны, и его доля с каждым годом увеличивалась, превышая доход от торговли и промышленности. Так, если в 1893 году город получил с трактирного промысла 18 349 рублей, то в 1911-м эта сумма составила уже 34 371 рубль, т. е. почти вдвое больше.

Святые тоже пьют вино

Помимо приятных моментов, посетители доставляли трактиро-промышленникам и много хлопот. Так, в 1914 году рестораторы отмечали увеличение случаев употребления эфира. Но больше всего вредили репутации заведения распространившиеся случаи самоубийств в трактирах, что мгновенно попадало на страницы газет. Журналисты называли рестораны «пульсом общественной жизни» – «нет убийств, драм, преступности в обществе, нет их и в ресторане».

В том же 1914 году под названием «Всякое бывает» местный журналист описал следующий случай, произошедший в гостинице «Пассаж» на углу Проспекта и улицы Провиантской (ныне Пастера). «Через главный вход гостиницы забрались в ресторан два контролера железной дороги и приехавший издалека батюшка, и пошла гулять губерния. Швейцар пробовал было усовещивать батюшку:

– Помилуйте, разве не пристало вам, батюшка, так вести себя? Ведь вы должны служить примером для паствы.

Так куда там: батюшка вышел из себя и наговорил швейцару массу грубостей.

– Нахал, не пускает в ресторан!

Скоро из номера ресторана, занятого батюшкой и контролерами, понеслось под звуки пианино: – «Де ты бродыш, моя доля». Да, всякое бывает».

А вот, один из ресторанных анекдотов начала прошлого века:

«Участь посетителя, заказавшего скромный ужин.

– Человек, сколько раз вы еще пройдете мимо меня, пока принесете бифштекс!..

– Мне некогда считать, потрудитесь сами заняться этим».

Новелла III

«А В РЕСТОРАНЕ, А В РЕСТОРАНЕ!..»

Мужья и жены гуляли порознь

Посетителями первоклассных ресторанов в Екатеринославе были гильдейские купцы, богатые мещане, а также высшего ранга чиновники Министерства внутренних дел, юстиции, финансов, путей сообщения. Собственных увеселительных мест они, как правило, не имели. Именно они в начале XX века изобрели новый вид празднеств – банкеты, отличавшийся тем, что его участники очень много и красиво говорили.

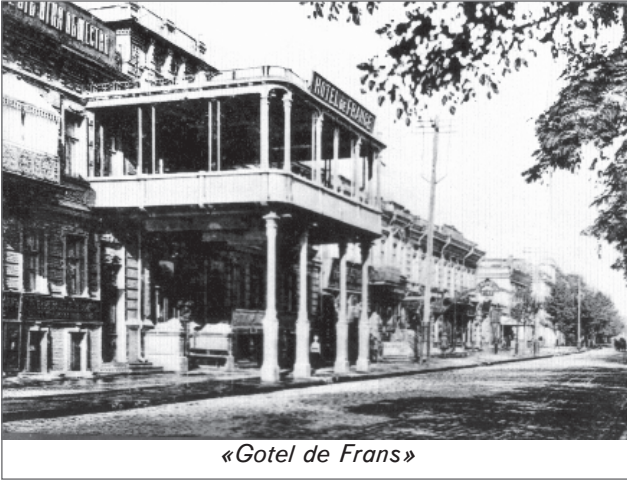
9 марта 1911 года состав Екатеринославского окружного суда, прокурорского надзора и местной адвокатуры чествовали председателя суда С. В. Карчевского по случаю исполнившегося 25-летия его служебной деятельности. После чествования юбиляра в здании суда коллеги обратились к нему с просьбой разделить хлеб-соль в «Европе» (на проспекте, в доме Трифонова). В 10 часов вечера здесь собралось свыше 70 человек. Большой зал ресторана был эффектно декорирован живыми цветами и гирляндами. Сам Карчевский приехал на банкет в сопровождении С. С. Бычихина и А. И. Ланшина, которые явились к нему на квартиру с приглашением. Встречал их военный оркестр Симферопольского полка, игравший затем в продолжение всего банкета, затянувшегося до пяти часов утра. Как сообщала пресса, «во время ужина было произнесено множество речей, тостов и спичей, отметивших редкие душевные качества и строгое отношение к себе юбиляра».

Одновременно в Английском клубе жены чинов судебного ведомства чествовали супругу Карчевского Ольгу Ивановну, которая разделила с мужем весь 25-летний путь судебной деятельности. Чествование носило строго корпоративный характер.

В ресторанах палили духи

Те, кто побогаче, обедал и ужинал в ресторане «Франция». Реклама ресторана сообщала о ежедневно получаемых свежих продуктах – живые омары, устрицы царские, Московские цыплята, Английский барашек, настоящее Мюнхенское пиво, вина из собственных

«Gotel de Frans»

заграничных садов. Во время обеда и ужина здесь играл итальянский квинтет «Кармен Лювье-ра». Очень лестно было подняться по коврам и ужинать в белых залах с зеркалами. «Для хорошего воздуха» здесь постоянно жгли на жаровне не один флакон доро-
гого духов. Чеканное серебро, хрусталь, необыкновенный китайский фарфор – где одна тарелка для десерта по двенадцать рублей. Зернистая икра в серебряных ведерках, мозги горячие из костей для тартинок – самое нежное блюдо. Французский белянжевин – груша по пять целковых штука. Такое море всего, такие деликатесы в обстановке!

А там-то, в конторе-то... счетик-то... баланц-то уж нанизываем Агафон Митрич, нанизываем без всякого снисхождения. Да по тарифу-то, самому уважаемому, да за хрусталь, да за сервизы, да за духи, да за...
...Всю ночь у парадного входа в ресторан стояли извозчики в ожидании подгулявших клиентов. Лишь «Континенталь» имел свои конюшни, где лошади могли отдохнуть, а кучерам предлагали бутерброды и разносили по стакану пива. При закрытии ресторана умолкала музыка, и всякий торопился домой. Хозяин коротко обнимал знакомых, других дружески трепал по плечу, дамам целовал руки.

А там-то, в конторе-то... счетик-то... баланц-то уж нанизываем Агафон Митрич, нанизываем без всякого снисхождения. Да по тарифу-то, самому уважаемому, да за хрусталь, да за сервизы, да за духи, да за...

...Всю ночь у парадного входа в ресторан стояли извозчики в ожидании подгулявших клиентов. Лишь «Континенталь» имел свои конюшни, где лошади могли отдохнуть, а кучерам предлагали бутерброды и разносили по стакану пива. При закрытии ресторана умолкала музыка, и всякий торопился домой. Хозяин коротко обнимал знакомых, других дружески трепал по плечу, дамам целовал руки.

Заказы принимал метрготель

С конца XIX века для жителей Екатеринослава ресторан становится столь же привычным и необходимым атрибутом жизни, как

парикмахерская, баня или аптека. Вот как тогда описывали ресторан его завсегдатаи.

«Первым посетителя встречал швейцар, который с почтением раскланивался. На его лице было написано, что именно вас он и ожидал увидеть. Это обыкновенно бывал видный мужчина в ливрее, с расчесанными надвое бакенбардами. Он передавал вас другим служающим, которые вели вас по мягкому ковру в гардероб. Там занимались вашим разоблачением так ловко, что вы не замечали, как оказывались без пальто, без шляпы. Далее вас встречал на пороге зала величественный метрдотель. С видом серьезнейшим он сопровождал вас по залу: «Где вам будет удобно?» Наконец место выбрано. Сели.словно из-под земли явились два официанта. Они не смеют вступать в разговоры, а только ожидают распоряжения метрдотеля, а тот воркующим голосом, употребляя французские названия вин и закусок, выясняет, что вы будете есть и пить. Наконец, неслышно для вас, он дает распоряжения официантам. Метрдотель оставляет вас, чтобы через минуту вновь появиться и проверить, все ли в порядке. Два официанта стоят поодаль, неотступно следят за каждым вашим движением. Вы потянулись за солью — официант уже здесь с солонкой. По знаку метрдотеля одни блюда заменяются другими. Нас везде поражала ловкость официантов и память метрдотеля, который не смел забыть или перепутать, что вы заказали. В конце обеда или ужина метрдотель незаметно клал на край стола счет на подносе и уходил».

Официантов мазали горчицей

Обслуживали посетителей в ресторанах только мужчины. В большинстве первоклассных заведений лакеями и официантами были преимущественно татары. Объясняют это тем, что им по законам мусульманской религии нельзя употреблять алкоголь. Возможно, когда-то этот принцип давал результаты, но с течением времени ежедневное общение с алкогольными напитками оказалось сильнее заветов Магомета, и держать татар стало просто традицией. В дорогих ресторанах официанты носили черный фрак, жилет, брюки, а

также крахмальную манишку, манжеты, стоячий воротничок и черный бантик. Нитяные белые перчатки и перекинутая через руку салфетка, которой они протирали тарелки и бокалы, дополняли костюм. В ресторанах рангом пониже под жилет подвязывали белый накрахмаленный фартук. Каждый работник имел нагрудный номерной знак.

Чаевые были основным (а во многих заведениях и единственным!) источником заработка, поэтому официанты были принуждены терпеть выходки пьяных посетителей, зачастую их бивших, мазавших горчицей и всячески над ними измывавшихся. Особенно любили это делать загулявшие купцы.

«Человек», а именно так обращались посетители к официанту, говорил о своей работе следующее: «И вся-то жизнь моя – как услужение на чужих пирах... И вся-то жизнь – как один ресторан. Словно пируют кругом изо дня в день, а ты мотаешься с блюдом и подносами и смотришь за поглощением напитков и еды. И всю-то жизнь в ушах польки и вальсы, и звон стекла и посуды, и стук ножицков. И пальцы, которыми подзывают...»

Ночные гуляки потеснили пассажиров

Распоряжение о закрытии ресторанов в 11 часов вечера в связи с началом Первой мировой войны изменило характер ночной жизни в Екатеринославе. С 11 часов проспект, обычно столь оживленный до поздней ночи, превращался в пустыню. Не горели приветливо огоньки на верандах кафе, черными пятнами смотрели окна ресторанов. Но уже вскоре начинали работать извозчики. Длинными вереницами мчались они по направлению к вокзалу. Это екатеринославцы, привыкшие полуночничать, отправлялись досидеть остаток ночи до положенного часа в привокзальном буфете первого класса, где к полуночи все столики были уже заняты. Здесь все посетители Руппанера (владелец лучших кафе города) и «Ренессанса» пьют скверный кофе, не менее скверный чай, едят весьма сомнительные бутерброды, обмениваются последними новостями, неизвестно откуда получаемыми. Буфетчик не имел оснований жаловаться на плохие дела. Со дня открытия Екатерининской железной дороги буфет не торговал так бойко, как в эти дни. В претензии только пассажиры, которым некуда приткнуться, так как все столики заняты публикой, превратившей вокзал в ночной ресторан. Но кто и когда обращал внимание на претензии пассажиров?..

Новелла IV

ДРЕВНЕЙШАЯ ПРОФЕССИЯ ЖИЛА И ПОБЕЖДАЛА

Проституция была бичом Екатеринослава

Первые упоминания о публичных домах в Екатеринославе удалось найти в источниках начала 1860-х годов, но они существовали и раньше. Уже с 1851 года власти начали составлять списки публичных домов и публичных женщин. Тогда на территории богоугодных заведений Приказа общественно-

го призрения (ныне больница им. Мечникова) в здании Смирительного дома располагалось отделение, где лечили женщин, присланных из городских публичных домов. Старший врач заведений П. Н. Бойченко в своем отчете указал на поражающий рост заболевших сифилисом в 1860-е годы – на 1864 год их было 23 osoby.

В 1865 году в городе было 7 публичных домов, где работало 50 «жриц любви».

Публичные дома имели коммерческий характер и относились к учреждениям общественного здоровья. Это было профессиональное ремесло, которое воспринималось властями как «терпимое зло».

В 1889 году в Екатеринославе насчитывалось 10 легальных публичных домов, в которых содержалось 156 проституток, в 1891-м – 3 дома (51 проститутка), в 1893-м – 7 домов (108 проституток). Всего за 1889-93 годы полицией зарегистрировано 530 женщин в публичных домах и 261 одиночная проститутка.

Первая Всеобщая Перепись населения 1897 года зарегистрировала в Екатеринославе 146 женщин, главным занятием которых была проституция. Из них русских – 101, украинок – 18, польки – 3, немка – 1, еврейки – 23.¹⁾

«На панель» сдавали экзамены

Разрешение на открытие публичного дома давала местная полиция. Эти дома должны быть отдалены от церквей, учебных и общественных заведений. Владельцы обязаны предоставить женщинам

комнаты, освещение, отопление, одежду, сытный и здоровый стол и проч.

Под публичные дома в городе был отведен специальный район – Кирпичная площадь, получившая название от ютившихся на склоне Жандармской (ныне Долгой) балки кирпичных заводов. Чтобы попасть сюда с главного

Заменительный билет и смотровая книжка проститутки

проспекта идем по улице Управской (ныне Исполкомовская), пересекаем Большую Базарную (ныне проспект Святослава Храброго) и улицу Кирпичную. К 1910 году здесь было сосредоточено пять публичных домов. Их содержатели Гринбаум, Перлина, Бабаи и Шейнфельд считали себя отнюдь не последними людьми в обществе.

¹⁾ Всего в Российской империи в начале XX века было 1019 публичных домов, где содержалось 11965 проституток и 293 притона, где работали проститутки-одиночки. В Киеве в 1874 году было 29 публичных заведений, в которых работало 354 женщины.

Петербург и Саратов имели по 32 публичных дома, по 27 – Владивосток и Томск. В Москве был всего один публичный дом. Таким образом, Екатеринослав был не на последнем месте.

Хозяйки сами вербовали женщин, обучали ремеслу и по своему опыту не уступали профессиональным фельдшерцам.

Крестьянки и мещанки, незамужние женщины и сироты, половину которых составляла бывшая прислуга – модистки, швеи, прачки, кухарки, горничные – вот социальный состав екатеринославских публичных женщин. Чтобы стать легальной проституткой, совершеннолетней девушке (21 год) необходимо было «сдать экзамен» в полиции на знание весьма простых «Правил для проституток», в частности запрещавших зазывать клиентов. Это давало право на получение «Заменительного билета» и Смотровой книжки, т. н. «желтого билета» для отметок о состоянии здоровья, своеобразного удостоверения, временно заменяющего паспорт. Эти документы «желтобилетница» обязана была всегда иметь при себе. Кажущаяся легкость и «прибыльность» заработков, внешне веселая жизнь с обилием развлечений и приводили девушек на Кирпичную площадь.

Работали дома с 9–10 часов вечера до поздней ночи. Плата за вход (в зависимости от «звездности» заведения) – от 3 до 10 рублей, и от 50 копеек до 1–2 рублей. Средняя зарплата женщины – 30 рублей в месяц.

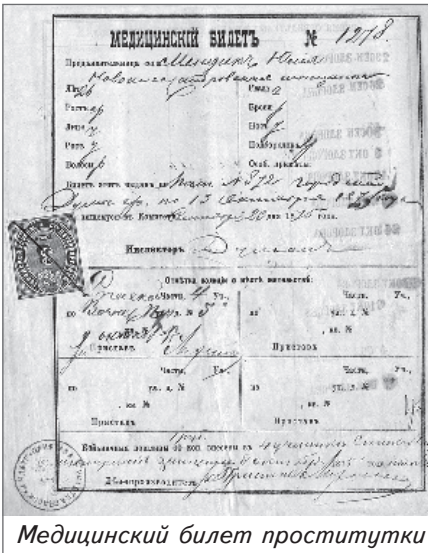
Третье место в Европе!

Может город и не обращал внимания на это зло, но рост заболеваемости «на венерические болезни» заставлял принимать необходимые меры.

Поступая на работу в публичные дома, девушки, как правило, не знали, что уже на первом году работы им почти гарантировано заражение каким-либо венерическим заболеванием. Не помогали ни «Правила», ни посещение домов терпимости уездным городским и военными врачами дважды в неделю. Для многих женщин болезнь имела печальный конец. Местные газеты пестрели сообщениями: «В доме терпимости Перлиной отравилась карболовой кислотой зараженная сифилисом проститутка Демидова», «Выпила карболовой кислоты в доме терпимости на Кирпичной площади Анна Макаренко, 22 года». Более всего эти сообщения доставляли хлопот полиции, а также Городской Думе, ее медицинской и юридической комиссиям. А тут еще в 1897 году в Петербурге на Первом общероссийском съезде по выработке мер против эпидемии сифилиса выяснилось, что по заболеваемости сифилисом Екатеринослав вышел на первое место в России, а в Европе его опережают лишь Лондон и Париж! Лондон тогда отменил регламентацию проституции, а в Париже

одна проститутка, работая в винном погребе, за 5 месяцев, согласно материалам съезда, заразила 500 людей! Когда об этом неприятном, но очень впечатляющем факте стало известно екатеринославскому губернатору, хозяйки публичных домов дрогнули, – а вдруг их заведения закроют? Однако губернатор, хотя и потребовал от Городской Думы, медицинского общества и санитарно-полицейского комитета экстренных мер, дома терпимости не тронул: полномочий для запрещения проституции он не имел.

Заразу разносили нелегалки

Медицинский билет проститутки

По данным Екатеринославского медицинского общества в 1889 году заболевших сифилисом в городе было 466, а в 1893-м – уже 658. А всего за эти годы заболело 2615 человек (1806 мужчин, 728 женщин, 81 ребенок). Как было доказано, основным источником заболевания являлась не столько легальная, сколько тайная проституция. По данным городской полиции, за 1889–93 годы по подозрению в тайной проституции в Екатеринославе была задержана 331 женщина, и множество лиц подозревавшихся в сутенерстве.²⁾

²⁾ Вот краткая зарисовка из екатеринославской печати, позволяющая понять, каким образом пополнялась армия публичных женщин: «Харитина Шкилева, крестьянка с. Кринички Екатеринославского уезда, 19 лет, в поисках места прислуги в Екатеринославе, обратилась к известной в городе факторше Ите Райчиц. Та согласилась с готовностью, причем выговорила себе гонорар за труды в размере 5 рублей. На следующий день она отвела девушку в публичный дом на Кирпичную площадь. Там в приеме отказали как несовершеннолетней. И тогда Райчиц отвела Харитину в тайный притон разврата А. Аврутис, что на Петербургской ул. в д. №29. Здесь и застал их нагрянувший с обыском околоточный надзиратель сыского отделения полиции. Девушку освободили, а Райчиц и Аврутис привлекли к ответственности».

Мелкие гостиницы, меблированные комнаты, дома для свиданий находились в центре города – на улице Упорной (ныне Глинки), Иорданской (ныне Коцюбинского), Харьковской и смежных с ними улицах. Местами промысла нелегальных проституток становились также гостиницы вблизи железнодорожного вокзала. Предпринимаемые полицией меры против «притонов разврата» результатов практически не давали. Их содержатели прибегали к всевозможным ухищрениям, чтобы ускользнуть от стражей закона. Они попадались лишь благодаря «случайностям», кстати сказать, весьма редким. Еще бы! Ведь притоны ничем не выделялись среди обычного типа обывательских квартир, помещавшихся в приличных домах на центральных улицах. А их содержатели обыкновенно имели другой род занятий, служащий им ширмой. Однако хроника доносит до нас и сведения об успешных полицейских операциях.

Одним борделем стало меньше

2 мая 1911 года приставу 4-й полицейской части удалось раскрыть один из притонов по ул. Каретной (ныне Челюскина) в доме №7 в квартире З. Иоффе. В момент прихода пристава в одной из комнат квартиры находилась проститутка Василиса Варавина. По словам хозяйки квартиры, Варавина просто снимала у нее комнату. Однако дознанием было установлено, что зимой за принятие «в штат» несовершеннолетней девушки был закрыт один из публичных домов. 20 проституток остались «без крыши» и некоторые из них переехали прямо к Иоффе. Та обеспечила каждую девушку кокетливо обставленной комнатухой, снабдила нарядными платьицами и положила «оклад» по 30 целковых в месяц. Со своей стороны девицы обязывались во всякое время суток наряжаться и ездить к клиентам с «комиссионерами». Из этих поездок каждая должна была привозить Иоффе не менее 10 рублей, из которых 4 рубля доставалось комиссионерам. Таким образом, бандерша имела с каждой девушки от 200 до 300 рублей чистого дохода ежемесячно.

Через тех же комиссионеров, Иоффе организовывала и прием клиентов на дому. Для этого девушкам предлагалось сообщать свои домашние адреса и принимать посетителей «на своей территории». Разумеется, столь широко поставленный бизнес приносил Иоффе баснословный доход и, по слухам, она собиралась расширять дело, открыв «филиал» в Александровске (ныне Запорожье).

Гетер агресовали на свалку

Однако, закрывая подпольные притоны, власти были бессильны в борьбе с легальными публичными домами. В феврале 1913 года на имя губернатора поступила коллективная жалоба домовладельцев Кирпичной площади и прилегающих улиц: «Наличность домов терпимости в центре города, – говорится в письме, – при бесстыдном поведении находящихся в них женщин среди белого дня, на глазах окружающих жителей, сопряжена с непотребством и соблазном, оскорбляет честь наших жен и детей и действует на растущую учащуюся молодежь развращающим образом и поэтому обращаемся о переносе этих домов на окраину города». Однако земельная комиссия Городской Управы сделала заключение, что все улицы города перед Управой равны и отдавать какую-либо из них в жертву домам терпимости Управа не может. Но, учитывая дух этих учреждений, «наиболее подходящим местом для них была бы городская свалка». Впрочем, комиссия предложила допустить существование публичных домов на Набережной улице (ныне Сичеславская набережная). Это мнение, с условием усилить надзор за домами терпимости, было поддержано частью членов Городской Думы. Другие настаивали на том, чтобы дома закрыть вообще и расширить доступ населения в больницы. В итоге обсуждения было решено ходатайствовать перед губернатором о скорейшем упразднении публичных домов, а пока просто «изгнать» их в другие районы города, усилив контроль над ними. А также расширить сеть больниц для лечения, ассигновать деньги Обществу защиты женщин, ввести курс гигиены в учебных заведениях, перенести дома на Набережную улицу или предложить их владельцам подыскать для бизнеса другие места на окраинах города.

Притон в купеческом доме

В выполнение решений внесла коррективы Первая мировая война, когда легальные публичные дома были закрыты указом правительства. Это, однако, не означало упразднения проституции. Только теперь из тайной она стала открытой. Не останавливали проституток даже штрафы в 100 рублей, какими наказывала их полиция. Публичные дома, содержащиеся «втайне» от властей были, тем не менее, хорошо известны горожанам. Особенно много их было на улицах, прилегающих к Успенской площади. Один из вертепов, как утверждают старожилы, находился в доме №5. Местные жители в

Дом Пчелкина. 1980 год

шутку называли его «у бога за пазухой». Должно быть, из-за соседства с Успенской церковью и синагогой. Построен дом был в 1898 году и принадлежал купцу первой гильдии, городскому голове Екатеринослава (1868 г.), гласному городской думы (1885–1904 г.г.) Давыду Васильевичу Пчелкину. Об этом свидетельствуют до сих пор сохранившиеся на фронте ворот литеры «ДП», увековечившие имя и фамилию владельца. Однако видимо кто-то из недавних хозяев особняка пошел на поводу у людской молвы, расшифровывающей аббревиатуру как «Дом Публичный» и около 2000 года предпринял попытку стесать эту историческую деталь с фасада дома.

Жриц любви лишали права голоса

Новая власть сразу признала проституцию социальной аномалией.³⁾ В 1919 году была создана комиссия по борьбе с ней при комиссариате здравоохранения, а затем – межведомственный комитет с отделами в губерниях. В Екатеринославе действовал Совет с президентом во главе и планами работы. Он заседал раз в две недели, что свидетельствует об актуальности проблемы. В целом, в начале 1920-х годов большевики достаточно терпимо относились к проституткам, видя в них жертвы голода, женской безработицы и т. п. Но уже в 1928 году проститутки наряду с самогонщиками и профессиональ-

ными нищими были лишены избирательных прав, а значит и продовольственных книжек.

Благодаря деятельности Совета по борьбе с проституцией в 1923 году в Екатеринославе было открыто первое специальное лечебное заведение – Центральный венерологический диспансер на углу улиц Артема (ныне Сечевых Стрельцов) и Шевченко и семь венпунктов в различных районах города. В 1924–1925 годы эти лечебные учреждения посетило 95 592 человека. Сколько из них было проституток – неизвестно, ведь их регистрация в то время уже не велась. А в 1930 году в СССР проституция, как распространенное социальное явление официально была ликвидирована. Надолго ли? Выдающиеся авторитеты медицины и психологии конца XIX – начала XX столетия на этот вопрос отвечали известными словами профессора Вениамина Михайловича Тарновского: «Уничтожьте пролетариат, распустите армии, сделайте образование доступным в более короткий срок, дайте возможность всем желающим вступить в брак, гарантируйте им спокойствие в семейной жизни и убедите всех жить нравственно, честно, по закону христианскому и тогда... тогда – все-таки будет проституция».

³⁾ Проституция в России стала преследоваться с XVII века. Однако во времена Елизаветы Петровны и Екатерины II наряду с запретами в городах отводились особые районы для устройства «вольных домов». В XIX веке запрет проституции был включен в Свод Законов Российской империи. Однако в «Примечаниях» к нему говорилось об «образовании врачебно-полицейских комитетов, осуществляющих надзор за женщинами, промышленными развратом».

В 1843 году министром внутренних дел были утверждены «Правила о порядке надзора за проституцией», т. е. она была объявлена терпимой. В 1851 году циркуляр М/ЗД предлагал всем губернаторам «безотлагательно составить полные и верные списки проституирующих женщин и обязать их врачебному освидетельствованию и бесплатному лечению».

Противоречие между фактической терпимостью к проституции и ее категорическим законодательным запретом не позволило Госсовету в 1868 году утвердить меры надзора за проституцией законодательным путем. Однако, на местном уровне, в т. ч. в Екатеринославе, действовала целая система распоряжений и циркуляров, регламентирующая «запрещенную» проституцию. Проституция была подчинена ведению начальника полиции. За розыск нелегальных проститутков и их принудительную регистрацию отвечал штат специальных агентов.

Новелла V

«ДЕРЖИМОРДАМ» ПРИХОДИЛОСЬ ТУГО

Хороших полицейских не бывает

История екатеринославской полиции начиналась одновременно с историей города, в последней четверти XVIII века. Во все времена своего существования ведомство было несвободно от злоупотреблений и мздоимства. С начала XIX столетия полиция фактически организовывала и контролировала жизнь весьма непростого в криминальном отношении губернского центра, но в глазах горожан она всегда работала плохо. Разумеется, когда предоставленные права чрезвычайно обширны, обязанности серьезны и разнообразны, а материальное обеспечение весьма незавидно, трудно постоянно оставаться «рыцарем без страха и упрека». Однако вряд ли кто из обывателей был способен возвыситься до столь высоких философских обобщений.

Но, говоря объективно, как следует из дальнейшего, среди высших полицейских чинов Екатеринослава обнаруживаются люди весьма достойные, добросовестно относящиеся к своим обязанностям и имеющие несомненные заслуги перед городом и горожанами. К тому же известны случаи, когда между полицией и народом «внезапно вспыхивала» обоюдная

*Кокарда полицейского
Екатеринослава*

симпатия, появлялся общий интерес. И тогда у преступников под ногами буквально горела земля.¹⁾

Саханский брал взятки утками

Изначально административно-полицейскую власть в городе осуществлял городничий. Обычно это был выходец из дворянского сословия, как правило – военный, чина не ниже капитанского. На левом боку он носил «эполету серебряную с гербом города».

Имя первого городничего, сохраненное историческими документами 1789 года, – Саханский. С ним связано дело о порубке городского леса без ведома Городской Думы. Некто Ст. Калюжный с дозволения городничего нарубил в лесу четыре воза ольхи. При допросе выяснилось, что он расплатился с Саханским мешком овса, двумя живыми «качками» и двумя же свиными колбасами. Понес ли «коррупционер» заслуженное наказание история умалчивает.

Другим городничим, чье имя встречается в делах Городской Думы, был Д. И. Головин, назначенный 17 октября 1797 года. Этим числом датировано его письмо в Думу, где он сообщает, что «вступил в отправление той должности, о чем оная Городская Дума благоволит ведать». Однако уже 22 декабря на него поступила жалоба от мещанина Хариева, которому Головин нанес побои. Свидетельство штаб-лекаря Карла Роде гласило, что «на обоих плечах Хариева до шеи найдено 17 боевых знаков».

¹⁾ 16 марта 1912 года на стол екатеринославского губернатора легла полицейская сводка. Главным происшествием минувшего дня стал арест известного разбойника Федора Куца на станции Ларга близ австрийской границы. В феврале банда Куца совершила ряд убийств и поразительно дерзких разбойных нападений и грабежей в Екатеринославе. 7 февраля был совершен налет на контору машиностроительного завода. В погоню бросились десятки вооруженных рабочих и отряд полиции. В ожесточенной перестрелке Куц был ранен в голову. Сбросив волчью шубу и форменную фуражку министерства народного образования, Куц и члены его шайки балкой добежали до Днепра и по льду перешли реку. Наперерез грабителям галопом мчался отряд стражников в 60 человек во главе с приставом Костюченко. Но, убив двух человек и ранив нескольких, банда ушла от преследования. Контора завода обещала 1000 рублей тому, кто поймает разбойников. И вот, наконец, они схвачены. На скамье екатеринославского военного суда оказалось 54 человека, в числе которых сам атаман Куц и 17 женщин. Об этом сообщил столичный журнал «Искры».

Головина судили за рукоприкладство

Жалобу рассмотрели в тот же день. В протоколе значится: «Екатеринославский городничий господин коллежский асессор Головин здешнего мещанина Кондратия Хариева наказывал без всякого суда и следствия палочьем, который после наказания, придя в общее собрание, просил защиты; а вслед за тем, и другого мещанина Козьму Полуянова вытащил он, Головин, чрез солдата из общества, раздев до рубашки, поставил было палками наказывать». Увидев это, гласные Думы уговорили городничего отменить наказание и, возвратившись в дом Городской Думы, вынесли ему приговор. «Как Городовой магистрат и Дума обязаны сохранять в городе между жителями порядок, мир, тишину и доброе согласие, мы находим, что таковой поступок господина городничего относится к разорению города, поскольку граждане разумеют, что они не под защитой закона живут, а под самоуправием. Ибо городничий не судья, следовательно, он не может без суда никого наказывать, даже за собственную свою обиду, ежели она ему от кого произошла. А должен он исправлять свою должность с доброхотством и человеколюбием к народу, с осторожностью и кротостью». Что было дальше с самоуправцем – сведений нет, но в 1800 году он еще оставался в своей должности.

Полиция любила гостинцы

По Указу от 25 декабря 1862 года была проведена общая реформа полиции в Российской империи. Должность городничего упразднили. С начала 1863 года в Екатеринославе начали действовать «Временные правила об устройстве в городах и уездах губерний полиции». Было организовано городское полицейское управление второго разряда. В штате насчитывалось 60 сотрудников – полицмейстер, подполковник Ф. Ф. Негрескул, три пристава и их помощники, 52 городских и секретарь. Во главе каждой из трех полицейских частей – Соборной, Днепровской и Троицкой (ныне Соборный, Шевченковский и Центральный районы), – стоял пристав. 1 декабря 1897 года были созданы две новые полицейские части – Воскресенская и Александро-Невская (современные Центральный и Чечеловский районы).

Кроме охраны общественной безопасности, на полиции в значительной мере лежала инициатива в деле городского благоустройства. Но, как писал городской голова Я. Я. Савельев, – «полиция была убеждена, что не она существует для города, а город для нее».

Купечество и все, кто торговал на базарах, были ее данниками. Гостицы продуктовые, водочные, ремесленные – стали постоянным и обязательным явлением. Никто не обижался и не жаловался.

Мзду получали с юмором

Картинку полицейского быта рисует знаток провинциальных обычаев того времени В. Елагин на страницах «Губернского карнавала»:

«Карп Онуфриевич Отпетый – частный пристав полицейского управления – считал себя кумом всех зажиточных купцов в городе, даже евреев:

– Ну, здорово, борода; эк-те брюхо-то расперло! – пошутил Отпетый, давая порядочного тумака купцу в живот. Купец радостно ухмыльнулся, потрепал свой живот обеими руками и весело перемигнулся с приказчиками. Приказчики ухмыльнулись и не от одной остроты хозяина, но и от лицемерия любимого пристава, который умеет так мило пошутить, что невольно сердце ляжет к нему.

– Ну, брат, мамон мамоном, а ты развязывай мошну-то; а то ишь, говорят она у тебя с брюхо толщиной-то, лопнуть хочешь?

Как ни неприятно было хозяину такое объявление полиции, однако все-таки шутка частного взяла верх, и купец засмеялся. Кум точно почувствовал стыд и раскаяние и вытащил из конторки трехрублевый билет.

Всепоглощающий карман Карпа Онуфриевича проглотил и этот билет, и частный, распрощавшись с хозяином очень дружески, мило-стиво раскланявшись с сидельцами, отправился далее.

– Хороший человек Карп Онуфриевич, – заметил хозяин старшему приказчику, почесывая в затылке.

– Отменный человек, – поддакнул приказчик.

– Дерет только здорово, – заметил хозяин.

– Нешто-с, на то служба-с, отвечал приказчик».

Карманников ловили через прессу

С началом строительства железной дороги и вокзала, увеличением населения города, работы у полиции прибавилось. Особенно волновали население кражи, количество которых в 1883 году составило 764. К кражам присоединились уличные беспорядки и еврейские

погромы, для пресечения которых пришлось использовать войска. После этих событий был назначен новый полицмейстер – И. С. Миклашевский, а надзор за полицией был поручен старшему чиновнику по особым поручениям Загорянскому. Полицеймейстер предупреждал кражи через местную печать. Так, в 1884 году в газете «Екатеринославский листок» появилось объявление: «От Екатеринославского полицмейстера. В город Екатеринослав прибыла целая партия карманников, преднамеренная заняться опустошением чужих карманов во время представлений в цирке и театре, а также на ярмарке. Долгом считаю предупредить жителей, предостеречь их оберегать свои карманы, закрывать окна и двери домов».

За год работы Миклашевский успел сделать для населения немало и, прежде всего, усмирить грабителей, которые до этого действовали открыто и нагло. Количество краж уменьшилось до 140 в год. А за 20 дней в декабре 1884 года не произошло ни единой!

Миклашевский ввел телефоню

Организовал новый полицмейстер и ночную охрану, облавы и телефонную сеть, объединившую все полицейские части города по европейскому образцу. Кстати, для этих работ был привлечен всемирно известный изобретатель, отец российской телефонии Павел Голубицкий. За свой труд Миклашевский был награжден орденом Анны 3-й степени, и получил звание действительного статского советника.

В изложении дела «Об усилении штата Екатеринославского городского Полицейского Управления» (1885 г.) министр внутренних дел писал: «Самый город в своих пределах все более и более расширяется, бывшие пустынными окраины в настоящее время густо застроены и заселены тысячами пришельцев, большинство которых составляет самый беспокойный элемент, требующий особенного надзора полиции. Здесь непрерывно происходят драки, сопровождающиеся нередко тяжкими увечьями, здесь разврат, кражи и всякие преступные притоны, где воры и ворованное находят себе приют и укрывательство».

Поэтому, к 1912 году городское полицейское управление насчитывало уже 320 сотрудников, из которых 272 были городскими, 20 – конными стражниками. На одного полицейского в городе приходилось 688 жителей, тогда как в Москве – 245, в Лондоне – 332 и в Берлине – 415 жителей.

Полицию возглавил вояка

*Михаил Дмитриевич Феличкин.
1912 год*

Руководил ведомством весьма известный в то время полицмейстер Михаил Феличкин.

Коренной одессит, получивший образование в Ришельевской гимназии и Одесском военном училище, он служил в стрелковом полку, участвовал в русско-японской войне 1904–1905 годов. За службу был пожалован орденами св. Станислава с мечами и бантом, св. Анны «За храбрость», св. Владимира и прусского королевского ордена Красного Орла за оборону станции «Тяньцзинь» в 1900 году.

12 мая 1911 года он издал свой первый приказ, где в частности говорилось: «9 мая мне были представ-

лены чины полиции города. При этом мною замечено полное разнообразие в форме одежды, тогда как всем чинам надлежало быть в парадной форме (китель при орденах и кушак). Объезжая город, я заметил, что люди отвечают на приветствия вяло, честь отдают кое-как, острижены плохо. А городской Ник. Могров, не сменившись с поста, дозволил себе выйти в бакалейную лавку, где встретившись со своим знакомым, дал ему револьвер, из которого тот произвел один выстрел в стену. За этот поступок я увольняю Могрова от службы с 11 мая».

Династию прикрыли от воров

Неугомонному Феличкину дело было до всего. Особенно любил он работать по ночам. Внезапные посещения им городских предприятий, пекарен, ресторанов, игорных притонов, публичных домов, мест постовой службы стали обычными явлениями. После каждого «рейда» – приказ по полиции с наказаниями или поощрениями городских и нерадивых обывателей.

Особое значение придавал Феличкин охране особы губернатора: – «Буду проверять эту службу и днем и ночью, в военной форме и в

штатском, и нерадивым пощады не будет», – заявлял он. И уже 19 мая был арестован на пять суток городской №65, которого полицмейстер застал в три часа ночи спящим, сидя на скамейке у Дома губернатора, и проснувшегося лишь после того, как Феличкин снял с него фуражку.

В феврале 1913 года Михаилу Дмитриевичу была объявлена губернатором благодарность за организацию охраны порядка в дни юбилейных торжеств по случаю 300-летия династии Романовых. Способствовала этому предпринятая полицией накануне праздника обычная мера пресечения – были задержаны и заключены в каталажку известные полиции и зарегистрированные воры – всего около 50 человек. Среди них – известные «Митька Кривовяз» и «Ванька-Ванюша Шляховский».

Ни пером, ни шашкой

При Феличкине с января 1912 года в городе была открыта школа резерва для городских и околоточных надзирателей. Учились здесь три месяца – законоведению, гигиене и медицине, фехтованию. Экзамены принимал лично губернатор Якунин и преподаватели предметов.

Маршировали, отдавали честь и стреляли дробинками в цель весьма удовлетворительно, фехтовали плохо, а экзамен по словесности выдержали не все. Особенно плохо с грамотностью было у надзирателей. Вообще, среди полицейских чиновников лишь в исключительных случаях можно было встретить человека со средним образованием, не говоря уже о высшем. Наверняка и моральные принципы многих представителей низших чинов оставляли желать лучшего. В такой среде трудно удержаться от соблазнов, к которым зачастую подталкивал сам обыватель. Не удержался от них и старый служака Феличкин. Весной 1914 года против него возбудили уголовное преследование за нарушение правил хранения поступающих в управление сумм, и «обращение в свою пользу» 75 рублей, полученных из Городской Управы на угощение Георгиевских кавалеров.

Борьбу с преступностью в Екатеринославе продолжил новый полицмейстер Петр Устинович Метленко.

Новелла VI

РЕКЛАМУ ПОДВЕРГАЛИ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ЦЕНЗУРЕ

«Скупляться» приходили к депутатам

В начале прошлого века в Екатеринославе можно было купить все. Уже тогда в городе было несколько базаров и почти 2000 магазинов. В каждом доме - по несколько лавок и контор, и при каждой - вывеска.

На главной артерии города – Екатерининском проспекте – насчитывалось до сотни домов, в большинстве своем сдававшихся в аренду под торговые помещения. Можно себе представить, какое количество вывесок украшали эти дома с их многочисленными магазинами, гостиницами, правительственными и городскими учреждениями. Иной дом почти сплошь был покрыт разными вывесками, исключая окна: на них выставлялся на показ сам товар.

Если говорят, что лицо человека есть зеркало души, то с не меньшим основанием можно сказать, что вывеска – лицо торговой компании. Солидные фирмы и магазины и вывески имели внушительные, с аршинными (71 на 71 см) буквами. Купцы негласно состязались в величине массивных накладных букв, составляющих их имя и фамилию. То, что главным на вывеске была не специализация мага-

зина и не его название, а имя владельца – считалось в порядке вещей. Так и ходили горожане: за обувью – к Заморюеву, за самоварами и замками – к Толстикову и Алексеенко, за материей – к Ефановым, за чаем – к Пронину, за табаком – к Джигиту, за нотами и роялями – к Нейману, за пирожными – к Стрекозову, за мукой – к Тиссену, за фотопринадлежностями – к Повзнеру. Эти имена купцов первой и второй гильдий были хорошо известны в Екатеринославе, многие из них избирались гласными Городской Думы на протяжении многих лет.

Неграмотных заманивали «натурой»

Впрочем, как и в каждом уважающем себя провинциальном городе, были в Екатеринославе и «Американский» и «Московский» магазины, лавки «колониальных» товаров, отели, носившие названия мировых столиц. Рядом с велеречивыми вывесками встречались и лаконичные, к примеру, «Ссуды денег под залог вещей», или «Здесь стригут и бреют и кровь отворяют» (традиционно проведение кровопусканий считалось прерогативой цирюльников). Все это для тех, кто был грамотен и не затруднялся в чтении.

Но чем дальше от проспекта, тем меньше вывесок, да и сами вывески попроще: как говорили тогда – «с натурой», для тех, кто не освоил азбуку. На них красовались капуста и огурцы – над овощной лавкой, куры и цыплята, копающиеся в пыли – над «курятной», сапоги да туфли – над обувной. Но особо выделялись здесь «красные вывески», украшающие портерные, питейные дома и трактиры. На них изображался накрытый скатертью стол, с жареным картофелем на сковороде, свежепросольными огурцами в банке, астраханской селедкой и, наконец, чайником и чашками на подносе, из которых шел пар. На проспекте подобного не встретишь. Зато на Петербургской (ныне Князя Ярослава Мудрого), Базарной (ныне Святослава Храброго) подобные «диковинки» были на любом заведении, где только раздавались веселые мотивы трактирного пианино.

«Благодать» измерялась в аршинах

Как ни странно, в Екатеринославе был всего лишь один «вывесочный мастер» – по фамилии Благодатный. Над его мастерской также красовалась вывеска: «Живописец вывесок». При этом художник прилагал все свое искусство, чтобы привлечь внимание клиентов: на вывеске были изображены кисть и палитра.

Вот типичный диалог мастера с заказчиком:

– Мне бы вывесочку надо. Новый фруктовый магазин открываю!

– Какой величины вам вывеску?

– Магазин займет десять окон по линии. Так, чтобы видно было, что все они мои.

– Мы сделаем так:

крупная аршинная надпись над всеми окнами, так что и слепой разберет фамилию вашей фирмы. А в простенках изобразим корзины с фруктами: грушами, яблоками, виноградом.

– Напишите так, чтобы они были как настоящие!

– Не извольте сомневаться! Будет хорошо. Даже птицы слетятся клевать ваш виноград!

– Ну, а как цена?

– Обычная. Пять рублей с квадратного аршина.

Впрочем, цена колебалась от двух до десяти рублей за аршин. Как правило, мастер был в состоянии написать до 25 квадратных аршинов в неделю. Если речь шла об одном только тексте, без каких-либо «фигур», то ученик за то же время был в состоянии сделать от 50 до 100 квадратных аршинов.

Метленко ополчился на «наружку»

Из года в год вывески обновлялись и подчищались. Правда, зимой, во время холодов, кисть художника не бралась подновлять вывески, и поэтому ремонт по необходимости производился летом. К тому же в летнее время градоначальник напоминал, чтобы держатели и арендаторы позаботились о ремонте вывесок.

Количество наружной рекламы постоянно росло. Не успевала Городская Управа выдать разрешение на открытие заведения, как тут же с согласия домовладельца прикреплялась и вывеска. А между тем, прежде чем ее прикрепить, нужно было согласовать текст в полиции. Именно на полицию закон возлагал цензуру всех мелких объявлений, афиш и плакатов. Она же должна была следить за прочностью крепления, «дабы избежать несчастия от срыва» и за соответствием вывески полученному свидетельству.

Проезжая как-то по проспекту, полицмейстер Петр Устинович Метленко заметил много беспорядков по части вывесок – и не согласовывают, и не соответствуют, и укреплены плохо. Здесь открыли меблированные комнаты, а именуют «гостиницей», принося тем самым ущерб действительным владельцам гостиниц. «Непорядок, – решил Метленко, – надо бы и закон применить!». Так появился «Приказ о вывесках в Екатеринославе».

Слова вытесняли «живопись»

«Предписываю приставам приступать теперь же к проверке текстов вывесок, согласуется ли таковой с полученным свидетельством, а также достаточно ли крепко прикреплены таковые и на будущее время не позволять прикрепления вывесок без моего на то разрешения, для получения какого владделец вновь открывшегося предприятия должен подать во вверенное мне полицейское управление прошение с предоставлением плана вывесок, текста их и размера. Независимо от сего, при проверке вывесок обратить внимание на то, чтобы содержатели предприятий евреи на вывесках не именовались русскими именами, а если таковые окажутся, то виновных привлечь к ответственности по 1416 ст. Уложения о наказаниях».

Ну и шуму наделал этот шедевр полицейского красноречия в городе!

Не в малую копейку обошелся он купеческому сословию. Каждое торговое заведение на проспекте проверили с пристрастием. В те неблизкие времена шутить с законом мало кто отваживался. Да и зачем это процветающим на ниве торговли коммерсантам? Лучше уж еще раз сходить на поклон к Благодатному.

Радовало одно: несмотря на строгий полицейский контроль за содержанием текстов, вывески «с натурой» все чаще заменяли обычными надписями – екатеринославский люд становился грамотнее.

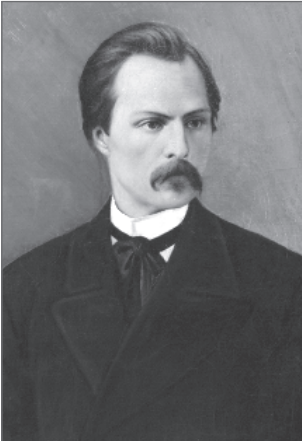

Новелла VII

ПОЛИТИКА ПОТЕСНИЛА НАУКУ

2005 год (когда была опубликована данная статья – *Ред.*) был отмечен сразу тремя громкими историческими юбилеями. Это 150-летие со дня рождения академика Дмитрия Яворницкого, 100-летие открытия здания Областного музея имени А. Поля, сегодня – Днепропетровский национальный исторический музей имени Д. Яворницкого, и, наконец, 100-летие скандального 13-го археологического съезда Российской империи, проходившего в Екатеринославе. Так получилось, что последние два события тесно переплелись между собой.

Екатеринославу доверили съезд

*Александр Николаевич
Поль*

На рубеже XIX и XX столетий наш город стал в ряд крупнейших мировых промышленно-коммерческих центров, привлек солидную долю иностранных капиталов. Наши земляки занимали видные должности в правительственных кругах. Заметные шаги делали наука и культура. Было открыто Высшее горное училище (1899 г.), создано Научное общество (1901 г.), открыт Областной музей им. Александра Поля (1902 г.), начала работу Ученая архивная комиссия (1903 г.). Именно поэтому в 1905 году Екатеринослав стал местом проведения 13-го археологического съезда Российской империи. Подготовка к нему началась еще в 1903 году. Членом Подготовительного

комитета съезда был известный ученый-археолог Дмитрий Яворницкий, затративший на это немало усилий. Тем не менее, длительная подготовительная работа едва не завершилась провалом мероприятия. Кроме революционных событий зимы и лета 1905 года в Екатеринославе, съезд под угрозу поставило национально-освободительное движение. Его главным требованием было признание за украинским языком права на общение, преподавание и печатание.

Язык мой враг твой

Накануне съезда украинские ученые подали в Подготовительный комитет следующий протест:

«...Мы узнали, что в занятиях съезда не будут участвовать представители научных сил родственной нам Галиции и Буковины. Столь непонятное и оскорбительное для нас решение комитет объясняет постановлением вообще не приглашать на съезд ученых из-за границы, в виду якобы грустного положения дел в России. Мы, нижеподписавшиеся, горячо протестуем против такого решения, как оскорбительного для нас и нашего города; вместе с тем протестуем и против тех преследований, которым подвергается в России язык и литература украинские».

Протест подписали 290 украинских ученых. Председатель комитета графиня П. Уварова не приняла этого заявления, показав враждебное отношение к депутации украинцев, которые в знак протеста отказались от участия в работе съезда. Вместо заявленных 400 участников приехало всего 59 делегатов и 184 приглашенных. Вопрос даже встал о возможном перенесении съезда в Севастополь. В дело пришлось вмешаться губернатору Александру Нейдгардту, который, срочно вернувшись из отпуска, энергично отстоял его проведение в Екатеринославе.

Музей открыли накануне

К началу съезда было приурочено освящение нового здания Областного музея им. А. Н. Поля. На церемонии освящения, состоявшейся накануне, 14 августа, почетными гостями были делегаты съезда. Присутствовали также губернские и городские общественные деятели, представители учебных, научных, культурно-просветитель-

Участники открытия Областного музея им А. Н. Поля. 1905 год

*Екатеринославский Областной музей
им. А. Н. Поля. 1905 год*

ных учреждений, местные коллекционеры, учащиеся. Епископ Симеон совершил торжественное молебствие. С приветствием к гостям обратился губернатор Нейдгарт: «Я счастлив приветствовать местный край с таким ценным приобретением. Областной музей открыт. Тепло и светло здесь. Этот свет – свет физический, но я верю, что в скором будущем отсюда начнет распространяться свет духовный, – свет просвещения на благо нашей родины».

В залах музея расположилась этнографическая выставка, а также археологические коллекции, собранные делегатами съезда и поступившие в музей по его решению. В 1905 году экспозиция насчитывала 6653 экспоната, из которых 581 относился к запорожской старине, 1920 – к этнографии, но более всего – к археологии. Музей стал лучшим учреждением культурной жизни Екатеринослава за десятилетие 1895-1905 годов.¹⁾ А 15 августа в 2 часа дня в торжественном зале Потемкинського дворца состоялось открытие съезда.

В залах музея расположилась этнографическая выставка, а также археологические коллекции, собранные делегатами съезда и поступившие в музей по его решению. В 1905 году экспозиция насчитывала 6653 экспоната, из которых 581 относился к запорожской старине, 1920 – к этнографии, но более всего – к археологии. Музей стал лучшим учреждением культурной жизни Екатеринослава за десятилетие 1895-1905 годов.¹⁾ А 15 августа в 2 часа дня в торжественном зале Потемкинського дворца состоялось открытие съезда.

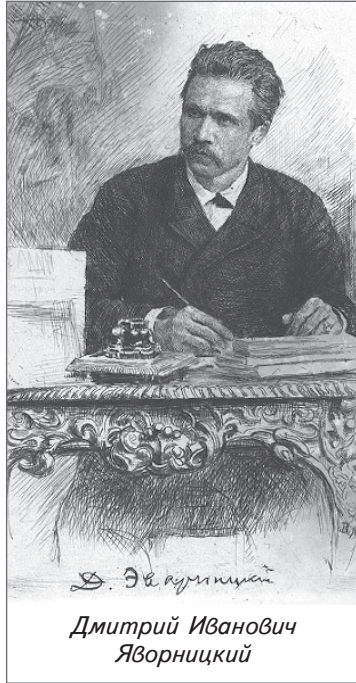
¹⁾ Вот какой по детски непосредственный отзыв об Областном музее оставила одна из его первых посетительниц украинская писательница Елена Пчилка: «Музей очень хороший и интересный. Здание музея уже немного и тесновато – столько в нем всего есть: одежды, вышиванок, оружия, церковных предметов, старинных книг и рукописей и т. д. Есть и ценный чумацкий воз, со всеми причандалами, есть и при нем фигура чумака, хорошо сделанная, есть и другие фигуры – разные «типы» (в натуральную величину) в местном убранстве, украинском и московском: очень плохо сделанные. Есть в музее и фигура шахтера в рабочей одежде: в руках кайло, на лбу укреплен лампочка. Тяжело смотреть на него! Черный, грязный. Такой вид имеют люди, которые работают под землей, глубоко-глубоко! Как бы немым укором смотрит шахтер на тех, кто ходит по белому свету.

Здесь увидела я Яворницкого. Он как-то особенно тщательно управлялся в музее, и при этом с таким желанием и умело пояснял людям, которые зашли в музей».

103 кургана и 5 докладов

Местные силы на форуме были представлены, прежде всего, Дмитрием Яворницким, – «почтенным знатоком Запорожья». Незадолго до этого он обследовал огромную территорию бывших запорожских земель, описал и собрал вещественные и предметные памятники – богослужебные книги, образа, церковную и домашнюю утварь, одежду, оружие, остатки куреней и казацких могил. В старой Сечево́й церкви с. Покровское Яворницкий нашел уникальный древний иконостас, лежавший на хорах в полном забвении. В окрестностях Подпильненской Сечи обнаружил две запорожские чайки, несколько речных пушек и mortиров, деревянный якорь от чайки.

Кроме того, Яворницкий раскопал 103 кургана. Самой драгоценной находкой оказался курган в с. Афанасьевка Новомосковского уезда. Там были найдены останки человека, сжимавшего в левой руке серебряный кувшин с ручкой в виде львиной головы. На пальце правой руки – золотое кольцо с яшмой, по всему скелету – 17 серебряных бляшек. В загробный мир покойного снабдили также щипчиками для вырывания волос, серебряной ложечкой и даже... двухколесной деревянной колесницей. В погребении обнаружены две монеты с именем кровавого маршала Золотой орды Джанибек-Хана. Всего в различных секциях съезда Яворницкий прочитал пять докладов.

*Дмитрий Иванович
Яворницкий*

Графиня оскорбила галичан

Однако 13-му археологическому съезду Российской империи не суждено было доработать до конца. 21 августа в Совет съезда поступил очередной протест, подписанный 37 участниками. Они требовали от имени съезда выразить «глубокое сожаление по поводу отсутствия среди нас зарубежных ученых», а также «послать от имени съезда телеграмму ученым-историкам Галиции и Буковины, выра-

Елена Пчилка

звив приветствие съезда и глубокое уважение их ученым трудам и крайнее сожаление по поводу их отсутствия». Протестующие требовали, чтобы их заявление было занесено в протокол. Зал поддержал подателей петиции. Однако председательствующая Уварова отклонила протест, назвав его «выходкой». Графиня заявила, что галичане «хуже иностранцев» и она не желает, чтобы на съезде читались доклады на украинском.

Заседание пришлось продолжить в закрытом режиме. При этом Д. Яворницкому все-таки удалось настоять, чтобы протест украинцев был принят к записи. «Говорили, – пишет Елена Пчилка, – что Яворницкий добился этого тем, что вышел из заседания; но его вернули и

удовлетворили его требование, – так как он был слишком необходимой силой для комитета».

На следующий день, 22 (вместо 27!) августа съезд провел свое последнее заседание.²⁾

²⁾ Самой крупной заслугой 13-го археологического съезда в области археологии стало «объяснение» Трипольской культуры, впервые открытой в Киевской губернии Викентием Хвойкой. О ее распространении в южной части Украины, в степях, где она, как выяснилось, доминировала, говорили Д. Яворницкий, В. Харламов, В. Данилович.

Новелла VIII

ЭТО СТРАШНОЕ СЛОВО «ЛОТО»!

Софья Ивановна была неповторима

Перед Первой мировой войной все виды торговли (за исключением торговли живым товаром) и отрасли промышленности в Екатеринославе пришли в некоторый упадок. И все из-за того, что местные господа нашли более быстрый и верный способ «обогащения» – игру в лото.

Эта нелепая и идиотская игра, которой раньше люди увлекались разве что когда ходили пешком под стол, почему-то особенно пришлась по вкусу екатеринославцам в 1911–12 годах. Протянув кое-как день, все екатеринославские дедушки, бабушки, папаши, мамыши, сыновья, дочери,

*Игра лото Екатеринославского
коммерческого клуба*

внуки, правнуки и вообще все, умеющие считать до ста, по вечерам спешили в многочисленные клубы и сражались там в лото до утра. Каждый лотошник, ставя последний грош ребром, конечно, питал тайную надежду на то, что авось ему подвезет счастье, и он, выиграв целое состояние, станет таким же богатым, как некая легендарная Софья Ивановна, будто бы в течение месяца выигравшая в коммерческом собрании 8000 рублей. Но надежды эти почти никогда не оправдывались, и за исключением мифической Софьи Ивановны что-то не было слышно о джентльменах и леди, которые разбогатели бы, благодаря игре в лото. Напротив, многие господа, увлекшись этой игрой, лишались своего последнего состояния и ходили по Екатеринославу, «яко благ, яко наг, яко нет ничего», горько оплакивая те прекрасные и, увы невозвратные, дни, когда у них за обедом каждый день была курица, а в кармане весело позвякивал презренный металл.

Лотошников лечили шарлатаны

Если же кто и богател от игры в лото, то разве только екатеринославские клубы, лекаря, выдающие себя за специалистов по нервным болезням, и жуликоватые аптекари.

После того, как местная публика помешалась на игре, клубы, отчисляющие с каждой ставки в свою пользу 10%, стали богатеть не по дням, а по часам. На доходы от лото один из этих клубов – «Общественное собрание» – выстроил здание, которое горожане окрестили «небоскребом», стоимостью в 1 миллион рублей на улице Клубной. Это было самое грандиозное и стильное строение во всем Екатеринославе и походило на большую самоварную конфорку. Теперь это Днепропетровская филармония по улице Воскресенской.

Бессонные ночи, проводимые екатеринославскими лотошниками и лотошницами за игрой, и постоянное нервное напряжение, которым она сопровождается, приводили к совершенно естественному расстройству нервной системы. Вот тут-то и появлялась нужда в лекарях-невропатах вроде доктора Шуллера, доктора Цирлиха или доктора Айзенштадта. По их рецептам клиент покупал в аптеках различные спермины, спермоли и проч. Доктор получал с клиента мзду за совет, с аптекаря комиссионные, сам аптекарь – 100% чистой прибыли, а «развинтившийся» лотошник – полную уверенность в том, что обзавелся действенным средством.

Клуб Общественного Собрания

«Счастливыми бывают только ночи!»

Многие из благомыслящих екатеринославцев были сильно возмущены вакханалией страстей, мошенничества и надувательства на почве поголовного увлечения игрой. Они даже боролись с этим пагубным увлечением всеми доступными средствами и, в частности, путем подачи петиций властям о запрещении игры в лото во всех клубах. Но эта борьба долго не давала практически никаких результатов. Местный журналист под псевдонимом «Иностранец Джон» писал: «Вернее всего, игра в лото прекратится только тогда, когда провалится сам Екатеринослав. А так как это случится, во всяком случае не скоро, то заправили екатеринославских клубов могут спать спокойно».

Зато не спалось ночами «инфицированным азартом» лотошникам. Местная газета провела анкету среди общественных и политических деятелей города и самих горожан с вопросом – «Самый счастливый день жизни». Завзятый местный клубмен ответил на него так: «Счастливыми бывают только ночи!». Поддержать его тогда могли многие горожане. Игроки словно бы организовались в отдельную субкультуру, породившую свой жаргон, малые формы фольклора и даже нечто подобное мистическим переживаниям.

Вещий сон лотошника

Один из екатеринославских обывателей, человек солидный, увидел сон. Приснилось ему, будто он играет в клубе в лото и получается у него «квартира» за «квартирой», а выиграть он никак не может. Сон оказался вещим, в игре получалось закрыть лишь пять чисел подряд, а шестое, последнее – ну никак! В скором времени приснился ему другой сон. Будто выигрывает он на карте с цифрой «13» и именно на этой цифре. И будто бы одновременно с ним выигрывает еще кто-то другой.

Через день он отправился в клуб. Взял две карты – на одной из них оказалось «13». Это его взволновало. Он обратился к сидевшему рядом знакомому:

– Что вы скажете, если я выиграю на этой карте, на цифре «13»?

– Скажу, – шутливо ответил ему знакомый, – что если это случится, то я позову дежурного старшину.

Сновидец засмеялся и добавил:

– И вместе со мной выиграет еще один игрок.

Игра началась. И вдруг, действительно, закрылся на чудодейственной карте ряд цифр с последней «13».

– Довольно! – произнес сновидец. И тут же на противоположном конце стола раздалось:

– Довольно!

Слышавшие предсказание были поражены. Эта история о вещем сне приобрела неслыханную популярность в лотошных кругах и долгое время передавалась из уст в уста.

Купцы и жены были заодно

Эпидемия игры в лото продолжала набирать обороты, а петиции по поводу лотошного беспредела, исходившие от всех слоев населения, усиливались и нарастали снежным комом. Жалобы были полны рассказами о том, что местные клубы производят людей, которым, в силу азарта, приходится ставить на карту не только благосостояние семьи, но и честь.

Слезная просьба поступила екатеринославскому губернатору от жен чиновников и служащих города.

«Мужья наши, как Вам известно, получают столь мизерное содержание, что еле-еле хватает при нынешней дороговизне на самую скромную жизнь. Между тем, соблазнительные развлечения их

Ресторан «Континенталь»

разоряют, и приходится голодать с маленькими детьми в холодных квартирах. В последнее время в ресторане «Континенталь» на Торговой (ныне Вячеслава Липинского) открылась какая-то игра в бильярд (*так в тексте – **Ред.***). Это зло невероятное.

Наши мужья проигрывают там до последней копейки. Были случаи, что в одну ночь из полученного жалования мужья проигрывали все, и на завтра нечем было платить за квартиру и пойти на базар. Приходится закладывать в банк все, что есть ценное, дабы просуществовать до следующей получки.

Умоляем Вас со слезами на глазах и просим, чтобы дети наши могли встретить праздник Рождества Христова не голодными, сделать зависящие от Вас распоряжения...»

Тогда же и местные купцы обратились с особым письменным ходатайством к губернатору о совершенном закрытии игры в лото в городских клубах. По их мнению, благодаря привившейся страсти обывателей к этой игре, последние в большинстве случаев лишены возможности приобретать даже самое необходимое и полезное в обыденной жизни, что крайне пагубно сказывается и на их торговле. Между тем как до введения такой игры в Екатеринославе они ничего подобного не испытывали. «В виду того, что местные клубы, благодаря игре в лото, отчисляют для благотворительных целей 30 тысяч рублей в год, мы даем обязательство губернатору с закрытием лото вносить ежегодно 30 тысяч рублей для тех же благотворительных целей».

Ставки изъяли как вещдоки

Эти ходатайства произвели сильный переполох среди заправил местных клубов. Расстроились также и содержатели многочисленных «домов свиданий», где многие екатеринославские дамы и девицы, проигравшись в лото, для того чтобы отыграться, занимались «разными пустяками» и этим способствовали процветанию этих домов. И беда грянула – полиция и лично губернатор взялись за дело.

Полицмейстер, подполковник Метленко, руководствуясь ст. 262 Устава «О мерах пресечения и предупреждения преступлений» в глухую ночь с 18 на 19 января 1914 года назначил «проверку». Ее целью было установить, насколько справедливы непрекращающиеся жалобы на царящий в местных клубах азарт. Между двумя и тремя часами ночи полицейские чины одновременно нагрянули во все местные клубы. Внезапное вторжение дало поразительный результат. Всюду полиция застала крупную игру в лото. Глазам полицейских предстала невероятная картина азарта. На столах были найдены колоссальные денежные ставки, и все деньги были изъяты как вещественные доказательства. О результатах операции составили протоколы, которые и были направлены «по принадлежности». Облава стала объектом внимания всего города, и многие склонны были думать, что последствием ее будет если не конец, то начало конца разлагающей деятельности местных игорных клубов. Однако до этого еще было ох, как далеко!

Правда, после полицейской акции было собрано особое совещание «по вопросу о борьбе с азартом при игре в лото в екатеринославских клубах».

Малоимущим карты не давать!

Проходило оно 3 февраля 1914 года в Доме губернатора Владимира Колобова и под его личным председательством. На заседании присутствовали вице-губернатор Н. А. Татищев, городской голова И. В. Способный, старшины четырех крупнейших городских клубов Английского – Н. Д. Аверкиев, Коммерческого собрания – Н. С. Папчинский, Общественного собрания – М. И. Болохов, и «Огниско» – И. Ф. Столярский, а также гласный Городской Думы купец В. В. Ефанов и полицмейстер П. У. Метленко.

Вот меры, предложенные для того, чтобы сократить азарт и предотвратить разорение малоимущих при игре в лото:

1) К игре допускаются только члены клубов, их гости и семьи. Жены и совершеннолетние дочери до замужества – по особым билетам, выданным на 1 год.

2) Несовершеннолетние и учащиеся высших, средних и низших учебных заведений в клубы не допускаются.

3) Игра должна заканчиваться не позже 1 часа ночи.

4) Играющий может купить не более 3 карт, а всех карт (на каждый клуб) должно быть не более 200.

По мнению начальства, теперь небогатое население было окончательно ограждено от тех печальных последствий игры, коими оно

страдало столь продолжительное время. Новые правила вступали в силу с 1 марта 1914 года.¹⁾

Азарт «прихлопнула» война

Вроде бы хотели как лучше – обуздать азарт и сохранить в кармане обывателя лишнюю копейку, но в результате получилось нечто иное. Число играющих хоть и значительно сократилось, но суммы проигрышей «неизлечимых» лотошников значительно возросли.

Финансовая картина обновленного лото в 1914 году рисовалась в следующем виде. Оборот среднего клуба в один вечер составлял 4000 рублей (40 туров с выдачей 100 карт). Следовательно – в один год – 1 млн 460 тыс. рублей. Из этой суммы 10% (146 тыс. рублей) поступало в качестве прибыли самому клубу, 2% (29 200 рублей) шло в пользу персонала клуба, еще 32 000 рублей в пользу «лотошных служащих». Итого, клуб вместе со штатом «съедал» 207 200 рублей, а четыре крупнейших екатеринославских клуба – 828 800 рублей. По подсчетам, на каждого городского обывателя в казну платилось 6 рублей 20 копеек «лотошного» налога. В то же время «пьяного налога» (от винной монополии) – всего 5 рублей 80 копеек. Таким образом «лотошное дело» шло впереди «пьяного» до самой Первой мировой, когда в 1915 году, как снег на голову местных клубменов, обрушился правительственный запрет на азартные игры. В том числе и на лото.²⁾

¹⁾ Запрещение игры – холодный душ для разгоряченных азартных голов, отшатнувшихся от общественных и семейных обязанностей. Может этот душ вернул их к родным пенатам? Как бы ни так! Акцизного сборщика, господина Долгова этот азарт не только не вернул в семью, а засадил в тюрьму. Арестованный за растрату казенных средств Долгов пояснил, что проиграл деньги в карты своим коллегам в горнопромышленном клубе. Его «коллеги» страшно обиделись и написали письмо в редакцию местной газеты: «Никто, никогда и нигде с ним не играл».

²⁾ Насколько тяжело отозвалось на моральном состоянии клубменов запрещение игры в годы войны, можно судить по стихотворению, написанному одним из адептов зеленого сукна:

«Было время... Мы не знали
 Ни страданий, ни печали!
 Предпочтя покою карту,
 Мы бессонными ночами
 За зелеными столами
 Поклонялись азарту...
 Где ты, прелесть шмен-де-флера (*азартная карточная игра – Ред.*)
 Счастье мирное банчка?
 А теперь лишь скорбь без меры,
 Безграничная тоска!..»

Новелла IX

ЗА ГОД – ОЗЕРО ВОДКИ!

Трезвость оставалась лишь мечтой

В начале XX века вопросу о борьбе с пьянством уделяли очень большое внимание. В законодательных учреждениях дни, когда происходили дебаты по «пьяному вопросу», считались большими днями. Однако, как можно судить по воспоминаниям современников и откликам прессы, принимаемые меры иной раз приводили к совершенно противоположному результату. К примеру, «День трезвости-1914» в Екатеринославе вылился в повальную попойку...

Около чего можно согреть руки

В 1910-е годы Государственная Дума разрабатывала «Законопроект о мерах борьбы с пьянством». 13-я статья документа запрещала торговлю спиртными напитками 94 дня в году – по воскресеньям и праздникам, в дни крестных ходов, призыва новобранцев, сельских ярмарок

и волостных сходов. Несмотря на то, что законопроект не был принят, продажа крепких напитков воспрещалась после 14 часов, во все субботние и предпраздничные дни, а за год таких набегало не менее 150.

А «монополька» тем временем продолжала свое поступательное и разрушительное движение. Наша губерния была лидером по числу шинков и других питейных заведений. Не отставал и сам Екатеринослав, где в 1860-е годы «для потребностей населения» было 13 винных погребов, 18 подвалов для складирования водки и спирта, 3 водочных завода, 12 штофных лавок, 1 портерная, 2 буфета, 152 питейных дома и 8 гостиниц с ресторанами.

Случаи так называемой «беспатентной» продажи спиртного также постоянно фиксировались в полицейских протоколах, которые исправно направлялись в акцизное ведомство. И все же основным распространителем пьянства считались шинки.

Три миллиона ведер «казенки»

3 164 944 ведра – столько водки, по официальным данным, выпито в Екатеринославской губернии в течение 1913 года! Современники подсчитали, что таким объемом жидкости можно заполнить озеро длиной 100 и шириной 58 сажен (*1 сажень - 2,1336 м – Ред.*), глубиной 2,5 аршина (*старорусский аршин – 0,7112 м – Ред.*), т. е. бассейн вполне пригодный не только для купания, но и для гребных гонок. Причем сюда совершенно не вошли «притоки» из виноградных вин, наливок, пива и иных напитков, не продаваемых в казенках.

Разлив это озеро в исходную тару, мы получим 63 298 880 бутылок. А, составив их рядышком (диаметр водочной бутылки около 7 см), сможем созерцать приветливо сверкающую цепь длиной без малого 4 431 километр. Этого бы вполне хватило, чтобы соединить северную границу России с южной в самом широком месте.

Заплатила губерния за выпитую водку (опять-таки, не считая ни вина, ни пива, ни напитков, продаваемых на комиссионных началах) 26 629 368 рублей. В серебре эта сумма весила бы 31 229 пудов, а в золоте – в тридцать раз меньше – 1 141 пуд (*1 пуд = 16 кг – Ред.*) Чтобы перевезти такие деньги в серебре, нужен товарный поезд приблизительно в 32 вагона, а в золоте – вполне достаточно 15 пар огромных круторогих чумацких волов.

В трактиры в форме не пускали

Хотя сбор с заведений трактирного промысла стоял на третьем месте среди доходных статей бюджета и постоянно увеличивался (1893 год – 18 349 рублей, 1903-й – 26 627 рублей, 1911-й – 34 371 рублей), власти относились к трактирам настороженно. Вход в них был заказан низшим воинским чинам на действительной службе (если они находились в отпуске, то не имели права заходить в шинки в форменной одежде), студентам и малолетним.

Однажды во время учебной мобилизации в городе были закрыты все питейные заведения и казенные лавки. Да так неожиданно, что горожане не смогли запастись «монополькой» в срок.

Трое на отдыхе

Но ведь изобретателем русский человек! Служащий губернской земской больницы N имел возможность добывать для своих домашних нужд денатурированный винный спирт. Но, чтобы этот спирт пили, N не слышал. Зато слышала его супруга. И в доме открывается лаборатория.

Спирт вливается в сосуд, ставится в печь и начинается выпаривание специфического запаха и вкуса. Затем в него всыпается сахар и цедра. Божественный нектар готов! Начинается повальное пьянство, люди чумеют, беснуются, а когда приходит похмелье – корчатся от боли, их тошнит и от человеческого облика остается только бесконечно грустное воспоминание.

«За час веселья сутки страдания. Да, глубоко сидит в русском человеке страсть к алкоголю, бросающая его на великие, отрицательного свойства изобретения», – так комментировал этот случай местный журналист.

Город попытались отрезвить

В 1914 году Государственный совет констатировал, что за минувшее десятилетие питейный доход в империи вырос с 500 миллионов до 1 миллиарда рублей. При таком положении, как сказал бывший министр финансов России С. Ю. Витте, остается только кричать «караул». На борьбу с пьянством было выделено 20 млн рублей, а Синод объявил начавшуюся кампанию богоугодным делом.

8 апреля с благословения преосвященного Агапита екатеринославского и мариупольского по примеру других городов в Екатеринославе устроили Праздник трезвости. Это был неслыханный в мировой истории экзамен с одним вопросом: «Выдержит ли наше население один-два дня полного воздержания от спиртных напитков?» В 12 часов дня был совершен крестный ход от Воскресенской кладбищенской церкви через Троицкую и до Покровской. Здесь в особо выстроенной палатке, украшенной национальными флагами, состоялся молебен и произнесена проповедь о вреде пьянства. После

этого несколько раз исполнили гимн «Спаси, Господи, люди Твоя!». Присутствовали начальствующие лица военного и гражданского ведомств, члены Союза Русского народа, ученики церковно-приходских школ и толпы молящихся. Во время шествия улицы усиленно патрулировались пешей и конной полицией.

В городе в течение трех дней были закрыты все питейные заведения. Прилагались беспрецедентные усилия, чтобы хоть на два-три дня отрезвить Екатеринослав.

Праздник превратился в траур

Каковы же были результаты всех этих мероприятий? По данным полицейских участков и больниц, выяснилось, что количество зарегистрированных пьяных достигло небывалой цифры – больше чем в любой обычный день. Множество их были доставлены в камеры для вытрезвления и в приемные покои клиник в бесчувственном состоянии, избитые и израненные. Несколько человек упились до смерти.

Объяснить это можно тем, что в виду трехдневного прекращения торговли вином, во всех домах были сделаны усиленные запасы спиртного. Это в свою очередь соблазнило слабых к водке лиц и дало возможность напиться сверх меры.

Так, к великому сожалению, дни трезвости вместо национального праздника стали поводом для глубокого национального траура.

И трижды прав был автор «Наивных виршей» из газеты «Русская правда» – пьянство всегда имело не только социальные, но и скрытые экономические причины:

- «– Почему у нас народ
Вырождается и мрет?
– Потому, что водку пьет.
– Водка – яд, как говорят?
– Да, смертельный, страшный яд!
– Почему у нас народ
В нищете весь век живет?
– Потому, что водку пьет.
– Поджигает, режет, бьет?
– Потому, что водку пьет.
– Кистени пускает в ход?
– Потому, что водку пьет.
– Водка – яд, как говорят?
– Да, смертельный, страшный яд!»*

Пить или не пить?

– *Продавать открыто яд
Ведь законы не велят?*
– Не велят, мой милый брат.
– *Стало, правду говорят: водка яд?*
– Смертельный яд!
– *Почему ж ее курят?*
.....
Потому-что потому,
То известно кой-кому».

Из прессы начала века

«*Погуляли*»

В доме крестьянина Щербакова собралось 18 человек гостей с целью проводить Масленицу. За ночь собравшиеся выпили около 35 бутылок водки. Больше всех пил некий Ермак, 48 лет, который все время хвастался, что всех перепьет. Наутро названный Ермак был найден около дома мертвым.

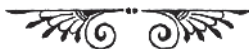
«*По пьяному делу*»

15 февраля крестьянин С. С., возвратясь домой в состоянии крайнего опьянения, увидел лежащий на столе кухонный нож. Недолго думая, С. С. схватил его и нанес себе рану в живот. На место происшествия была вызвана карета скорой помощи. Жизнь его в большой опасности.

«*Смерть от водки*»

– В 10 часов 40 минут дня карета скорой помощи была вызвана в 3-ю полицейскую часть к неизвестному рабочему. По прибытии кареты рабочий умер. Смерть последовала от злоупотребления спиртными напитками.

– В 6 часов у депо Бельгийского трамвая обнаружен труп мужчины 35 лет, умершего от чрезмерного употребления спиртных напитков.

Новелла X

КОГДА «РОДИЛАСЬ» ЕЛОЧКА?

Елку принимали постепенно

В Екатеринославе первые рождественские елки появились в начале XIX века в домах иностранцев, прежде всего немцев, число которых в городе и в губернии было значительным.¹⁾ Со временем их стали устраивать в домах знати – остальное население до поры до времени относилось к ним равнодушно. Только к концу 1830-х годов рождественская елка начинает мало-помалу завоевывать благосклонность и других слоев населения города. А вот нашим скудным лесным угодьям мода на установку елок поначалу нанесла заметный ущерб. Недели за три до Рождества, которое праздновалось

25 декабря, елки начинали привозить на екатеринославские рынки. И вскоре ими сплошь заваливали тротуары возле среднего ряда лавок Троицкого базара, находившегося на месте нынешней центральной площади Днепра. Привозили деревья чаще всего крестьяне из окрестных сел и деревень, разыскав и вырубив за много верст от города. Рубка елок велась украдкой, но беспощадно. Современные природоохранные стандарты, естественно, не соблюдались, вырубались самые лучшие деревья. Под заказ можно было заполучить елку из северных губерний, богатых хвойными насаждениями. Разумеется, по-

¹⁾ Родиной елки справедливо считается Германия, где уже в XVI веке в домах ставили на Новый год еловые деревья, украшенные яблоками, сахарными изделиями и облатками (бумажные кружочки, смазанные клеем и служившие для склеивания конвертов). Из Германии обычай устраивать елки перекочевал и в другие европейские страны, в том числе и в европейскую часть Российской империи.

зволить себе это, как, впрочем, и елку вообще, могли только зажиточные горожане. К счастью, удовлетворить запросы папаш и мамаш, заботящихся об увеселении своих чад елками, вполне мог один железнодорожный вагон.

Без «Щелкунчика» не обошлось

И вдруг в начале 1840-х годов произошел взрыв. Сначала «елочным ажиотажем» был охвачен Петербург: о елках заговорили в печати, их начали продавать перед Рождеством, устраивать во многих домах.

Обычай вошел в моду. В 1841 году газета «Северная пчела» писала: «У нас входит в обыкновения праздновать канун Рождества Христова раздачею наград добрым детям, украшением заветной елки сладостями и игрушками». «В Петербурге все помешаны на елках, – иронизировал И. Папаев. – Без елки теперь существовать нельзя. Что за праздник, коли не было елки?»

Что же произошло к началу 1840-х годов? К этому времени в большинстве европейских стран день Рождества начинает отмечаться не только как церковный, но и как светский праздник, в котором языческий обряд поклонения вечнозеленой растительности нашел себе место.

Мода на «немецкое нововведение» подкреплялась также модой на немецкую литературу, прежде всего на Гофмана, «елочные» тексты которого («Щелкунчик» и «Повелитель блох») выходили к праздникам отдельными изданиями в качестве подарков для детей, помогая распространению обычая рождественской елки.

Вслед за столицей, елка начинает завоевывать и провинцию – сначала губернские и уездные города, а затем и помещичьи усадьбы. Высокие и густые ели занимали центральное место в гостиных богатых домов Екатеринослава, превращаясь в центр праздничного торжества, прежде всего для детей. На господскую елку приглашали детей прислуги, рабочих. Со временем в дворянских и офицерских

собраниях, клубах, школах начали организовывать общественные елки как для детей, так и для взрослых.

«Экологам» подыгрывал Синод

Таким образом, новогодний праздник обретает знакомые нам черты, а елку неразрывно связывают с идеей Рождества. Но при этом о всеобщем признании елки даже в конце XIX века говорить не приходится. Деревня, крестьянская изба так и не приняли елку. Крестьяне ездили в лес только за елками для господ или же с тем, чтобы нарубить деревья на продажу в городе.

Сначала елки стоили очень дорого – цена могла доходить до 200 рублей ассигнациями, и покупали их для своих деток только очень богатые «добрые маменьки». С каждым годом торговля елками, привезенными мужиками из лесу, набирала обороты, что, конечно, значительно удешевляло их, но городские бедняки все равно не могли позволить себе это удовольствие.

При всем этом общество не было единодушно в оценке елки, и часть его ополчилась на полюбившийся обычай, рассматривая вырубку тысяч деревьев перед Рождеством как настоящее экономическое и экологическое бедствие. Сознательные горожане предлагали привозить елки из северных губерний, изобилующих хвойными лесами.

Святейший Синод, не одобряя привившийся иноземный и к тому же языческий обычай, издавал указы, запрещающие елки в учебных заведениях. И все же елка вышла победительницей из этой борьбы – до революции отменить ее так никому и не удалось.

Елка на службе социализма

С приходом советской власти елке был нанесен сокрушительный удар. Прежде всего, были отменены церковные праздники. День Рождества превратился в обычный рабочий день. Вместе с Рождеством отменялась и елка, уже прочно с ним сросшаяся. Она стала рассматриваться как «поповский» обычай: «Только тот, кто друг попов, елку праздновать готов», – решительно заявлял в 1920-е годы поэт А. Введенский в стихотворении «Не позволим!».

В этих условиях елка «ушла в подполье». Ее продолжали устраивать, хотя делали это с большой осторожностью: ставили тайком, окна завешивали одеялами. Казалось, елке пришел конец.

Неожиданная реабилитация елки произошла в конце 1935 года, вслед за памятной фразой И. Сталина «Жить стало лучше, жить стало веселей!». Руководство страны решило, что елка могла послужить укреплению победившего режима, возвращая людям привычные радости жизни. Но теперь она называлась уже не рождественской, а новогодней, или просто советской. Рождественское дерево было превращено в неперменный атрибут государственного праздника Нового года. Вифлеемская звезда на верхушках елки сменилась пятиконечной звездой, напоминая о звездах, горящих на башнях Московского Кремля, архитектуру которых елка напоминала своей пирамидальной формой.

Но насильственная идеологизация не помешала елке в неформальной домашней обстановке оставаться всеми любимой и ежегодно желанной, страстно и задолго до Нового года ожидаемой.

И сегодня дети, а порой и взрослые, водят вокруг нее хороводы, напевая немудреную песенку «В лесу родилась елочка», сочиненную сто лет назад.

Новелла XI

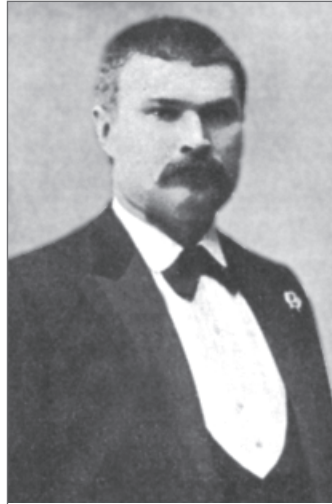
НОВОГОДНИЕ УТЕХИ И... УТРАТЫ

«С прибытием, коллеги!»

Накануне и в первый день Нового года в городе проходили собрания в Городской Думе и у губернатора, куда приглашали чиновников, купцов и дворян. Новый год встречали как в семейном кругу, так и в кругу знакомых и сослуживцев. Как и теперь, наступление его приветствовали бокалами шампанского и ракетами, хлопанье которых слышно было почти до самого рассвета.

1 января 1912 года члены городской управы и служащие городского общественного управления собрались в помещении ратуши, где городской голова Иван Способный обратился к собравшимся с новогодним поздравлением:

«По стародавнему обычаю в первый день января мы поздравляем друг друга с Новым годом и с новым счастьем. Не то чтобы новый год всегда был лучше старого, — конечно, нет. Другой смысл слышится мне иногда в этом пожелании. Кажется мне, будто похожи мы на путешественников, идущих в неведомую даль и не знающих, где кому суждено остановиться. И путешествие наше исполнено неожиданностей, всяких опасностей и больших горестей, и тем не менее, таинственный двигатель, инстинкт жизни, непрестанно толкает нас вперед к определенному концу, но к неизвестной цели. И каждый Новый год есть станция на нашем пути; к ней добрались мы усталые, израненные, нередко искалеченные и всегда постаревшие; но если мы остались в живых, мы спешим поздравить друг друга с благополучным минованием смертельных опасностей. Но

*Иван Васильевич
Способный, городской
голова 1909—1917 г.г.*

пред нами опять дорога, и мы неминуемо должны идти вперед, ибо остановка означает смерть, а будущее темно и таит в себе, быть может, тяжкие испытания. И вот сегодня стоим мы перед завесой, скрывающей судьбу каждого из нас, и перед этим загадочным будущим, как пред всеильным врагом, объединяется род человеческий, и мы без различия состояний и племен из города в город, из страны в страну шлем друг другу приветствия с пожеланием счастья на будущее. При таком понимании этого обычая я поздравляю вас с прибытием на станцию, на которой рукою времени написано **1912**, и сердечно желаю с наименьшими утратами дожидаться следующей встречи в этом зале. С Новым годом, господа, с новым счастьем!»

Прессу обуяло вдохновение

А вот какие «высоко поэтические» пожелания подготовила екатеринославцам под Новый, 1912-й, год редакция местной газеты «Русская правда»:

«Купцам – не знаешь пожелание, какое дашь,
Отвыкнуть от девиза «не обманешь – не продашь»;
Газетам – деликатнее с печатью обращаться,
Побольше правды говорить и меньше штрафоваться;
Студентам – подчиняться их уставам и велениям инструкций,
Избегать нелепых сходов и химических обструкций;
Курсисткам – не забыть, что все же женщины они
И не служить весталками при псевдополитическом огне;
А Думе местной – доброй матерью к нам быть, а не злодейкой,
Чтоб не гоняться на трамвае городском за обывательской копейкой;
Девичам – поскорей фату надеть для прекращения «души тревог»;
Холостякам – не поддаваться слабостям, хотя б пришлось платить налог;
Мужьям – необходимо равнодушнее быть к картам,
А женам – не играть в лото с таким азартом.
И, наконец, всем тем, кого я здесь не называю,
От всех дурных склонностей избавиться желаю!
С Новым годом!»

Здоровья много не бывает!

Новогодние размышления Ивана Яковлевича Акинфиева, гласного Городской Думы, ученого-ботаника, преподавателя учебных заведений города, автора многочисленных трудов по растительности

и климату, жившему и работавшему в Екатеринославе конца XIX – начала XX столетия также доносит до нас пресса того времени:

«С Новым годом!
С Новым счастьем!
С Новым здоровьем!»

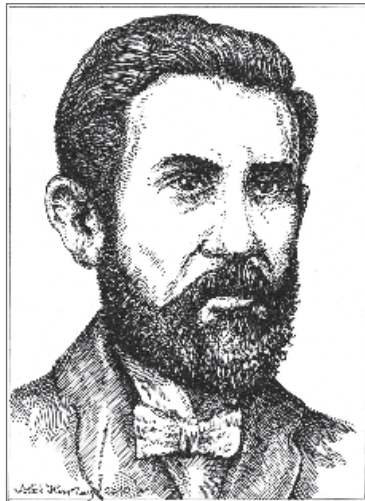
Как ни обыкновенно это всенародное приветствие, как ни часто мы слышим его в первые дни всякого Нового года, но лучше его, приятнее того, что оно выражает, трудно что-либо пожелать. В нем есть все, несмотря на его краткость и, быть может, в силу этой краткости и некоторой неопределенности – есть все, что приличествует самому торжеству и в тоже время самому сердечному приветствию.

«С Новым годом!»

Слова неопределенны, неясно-загадочны, как и вообще таинственно-загадочна наша жизнь, о судьбе которой мы заботимся в новогоднем приветствии. В самом деле, что знаем мы по существу своей или чужой жизни в будущем? Можем ли мы, например, сказать, что с нами случится в предстоящем году? Никто ничего не рискнет с уверенностью предсказать не только относительно всего нового года, но и относительно несравненно более короткого срока. Эта неизвестность, это чувство зависимости нашего существования от чего-то, что как бы стоит вне нас, и в тоже время как бы распоряжается нашей жизнью, эта неспособность наша предвидеть относительно себя даже на несколько часов вперед и составляют эту таинственную прелесть в жизни человека, на которую мы намекаем в этих словах. Мы как бы говорим: ни я, ни кто другой не знает, что будет с нами в следующем году. Но это и хорошо: незнание дает нам право предполагать лучшее. Лучшее уже по одному тому, что для всех наступает год новый, нечто новое и потому уже одному – иное, лучшее. И как бы для убедительности произносим следующие слова:

«С новым счастьем!»

Эти слова особенно приятны в приветствии, и мы непременно говорим их при встрече на Новый год своим близким и друзьям. И при этом каждый думает: правда, я не знаю, в чем должно состоять счастье, которого мы друг другу желаем, но радостным приветствием мы желаем друг другу счастья нового, чего-то иного, а потому

Иван Яковлевич Акинфиев

уже лучшего. И хоть на мгновение верится, что что-то новое и несомненно приятное случится, потому что мы этого искренне желаем друг другу. И эта искренность людей как-то особенно радостно звучит в новогоднем приветствии.

«С Новым здоровьем!»

Если вы были здоровы – это хорошо, но пожелать и еще нового, в смысле лучшего, здоровья никогда не мешает, так как избыток здоровья не вреден. А если мы чувствовали себя плохо, то слово «с новым» особенно приятно.

Итак, дорогой читатель:

С Новым годом!

С Новым счастьем!

С Новым здоровьем!»

Собутыльников Рабиновича раздели

Новогодней ночью были открыты все церкви города, совершалось новогоднее молебствие. В Кафедральном соборе его совершал епископ Симеон в сослужении городского духовенства.

Для любителей шумных банкетов всю ночь работали рестораны. К примеру, встречающим Новый год в ресторане «Аполло» за «грандиозное представление» и ужин из бокала шампанского и 4-х блюд в

1912 году предлагали заплатить 2 руб. 50 коп. Во всю ублажали посетителей и другие фешенебельные заведения. А разнокалиберные воры и воришки, пользуясь случаем, опустошали подвалы и прихожие беспечных горожан.

И, конечно же, в новогоднюю ночь прибавлялось работы полиции, а также журналистам криминальных хроник и происшествий, составлявшим свои отчеты для местной печати. Так, в канун Нового, 1912 года, местный журналист под псевдонимом «Тутешный» в числе Добрых советов предлагал читателям и следующий: «Запирайте на ночь все двери и окна и помните, что в то время как вы празднуете, воры «усердно трудятся!» Этот совет все же не помешал ворами в ту новогоднюю ночь совершить в городе 11 краж.

«В ночь на 1 января Х. Б. Любин, живущий в доме № 6 по Управской улице, обнаружил исчезновение из погреба ящика заграничного вина ценою в 100 р. Так как в погребе находилось еще 9 таких же ящичков, Любин предположил, что воры явятся и за ними и устроил засаду. Действительно, в 5-м часу утра во двор зашел неизвестный, который, предварительно осмотревшись, прошел в погреб, где его и арестовали. На допросе он назвал себя Иваном Давыдовым, 17-и лет и объяснил, что вино похитил вместе с Филиппом Ухановым, причем оно было ими продано перекупщику краденного Гершу Гуревичу, содержащему пекарню на Базарной.

Отправившись по адресу, полиция задержала и Уханова, который в соучастии сознался».

«В ночь под 1 января в квартире О. З. Рабиновича собралось несколько знакомых для встречи Нового года. В то время как все находились в столовой за ужином, в переднюю проникли воры и похитили шубу в 75 р., принадлежащую г-ну Гуравому, ротонду в 75 р. г-жи Берлин, каракулеву шапку в 69 р. г-на Спиваковского, пальто в 80 р. г-на Ормелина, пальто и шапку г-на Рабиновича (в 75 и 40 р.). Когда заметили кражу, воров и след простыл».

Украли серебро и кислые арбузы

«В ту же ночь полицией был арестован Петр Коробков, похитивший на 2 р. кислых арбузов, огурцов и чеснока из погреба во дворе д. Гинзбурга на Первозвановской.

1 января между 4 и 7 часами утра в квартиру А. А. Беклемишева, в доме №11 по Гоголевской улице проникли воры и похитили серебра на сумму свыше 400 р.

В тот же день были совершены еще семь краж:

- золотые часы и деньги на 105 р.;
- разные вещи на 257 р.;
- одежды на 45 р.;
- денег и одежды на 45 р.;
- медный самовар в 20 р.;
- одежды и домашних вещей на 128 р.

Вечером 1 января квартиранты А. Чечелевой по улице Игнатьевской Михаил Рыба и его сожительница Анна Петрова напоили свою хозяйку водкой, а затем похитили бывшие при ней 105 р. и удалились. Проснувшись утром и обнаружив исчезновение денег, Чечелева сразу заподозрила своих квартирантов и заявила об этом полиции».

Словом новогодняя ночь прошла для грабителей как никогда результативно.

Праздник с летальным исходом

К сожалению, криминальная хроника тех времен доносит до нас сведения и о более трагических событиях.

В доме №40 по 3-й Чечелевке (ныне Александра Черникова) у И. Л. Свирского были гости: Луковской и Закревский. Все трое изрядно выпили и из-за чего-то поссорились. Когда собутыльники стали бить Луковского, тот выхватил револьвер и выстрелил. Рука Свирского оказалась простреленной.

И уж совсем печально закончилась встреча Нового года для городского Акима Аксенова. В ночь на 1-е января в его квартире собралось несколько знакомых. Изрядно выпив, знакомые Аксенова распрощались с ним и его женой Дарьей и удалились. Сильно охмелевший Аксенов изъявил желание лечь спать, но жена воспротивилась этому, так как мужу нужно было идти на пост. При этом она начала бить посуду и кричать на мужа. Последний некоторое время возражал, а затем вдруг заявил, что дальше так жить не стоит, схватил револьвер и, приставив его к груди, выстрелил. Пуля попала в сердце, так что несчастный умер на месте.

Новелла XII

ГОРОЖАН ПРИЧЕСЫВАЛИ ИНОСТРАНЦЫ

Парик Потемкина не поняли казаки

Мода на иностранные прически овладела Российской империей в XVIII столетии. Предприимчивые парикмахеры-французы с большой охотой открывали свои салоны не только в столичных, но и в провинциальных городах. Не стал исключением и Екатеринослав, где был большой спрос на новомодные услуги.

Через руки «куафюров» – так называли французских цирюльников – проходили головы всех мужчин, желающих быть хорошо подстриженными, и всех женщин, грезящих о заморских прическах. Услугами парикмахеров пользовались представители местного высшего общества – жены и дочери чиновников, проводившие в имениях и дворянских собраниях частые вечера и балы.

Сами мужчины, следуя французской моде, предпочитали носить парики. В конце XVIII века их форма заметно изменилась. Громадные белые парики уступили место рыжим, золотистым, каштановым. Именно в таком современном парике наместник края Григорий Потемкин сопровождал императрицу Екатерину II в ее путешествии по югу России. И непривычные к новшествам, но охочие до кличек запорожские казаки сочли, что князь манкирует аккуратной внешностью и не замедлили прозвать его Григорием Нечесой.

Парики доставляли из Европы в больших количествах. В столичных и губернских городах открывались специальные магазины, где их можно было приобрести.

*Князь Григорий Иванович
Потемкин – «Григорий Нечёса»*

Нет гам — сойдут и гетеры

Особым, поистине парижским, шиком засверкали екатеринославские парикмахерские в 60-е годы XIX столетия. После падения крепостного права помещики стали во весь

опор прожигать полученные за землю и крестьян выкупные. Город шиковал вовсю, и французы, учуяв верную наживу, потоком хлынули к нам, открывая парикмахерские и обучая местных жителей своей профессии. В документах этого периода екатеринославская Городская Дума зафиксировала приезд в город нескольких французов (одного из них звали Жан Шешбже), которых причислила к ремесленникам. В 1862 году в Екатеринославе работало шесть цирюльников, при них восемь учеников и шесть рабочих. А по

переписи населения города 1865 года, количество парикмахеров составляло уже 16 человек.

Вслед за иностранцами офранцузились и русские. Какой-нибудь цирюльник Иван превращался в Жана, Василий — в Базиля, Андрей — в Андре. Кстати, начинающие парикмахеры не гнушались любым заработком. Когда фешенебельных клиентов не хватало, они обслуживали обитательниц публичных домов, кафешантаных актрисок и прочих женщин сомнительной репутации.

Буржуи предпочитали «бобр»

В 1860-е годы как мужчины, так и женщины стали отказываться от париков. Их заменяют шиньоны, накладные косы и локоны. Прически с фальшивыми волосами, передними накладками из лучших, настоящих волос способствовали дальнейшему расцвету парикмахерского дела в 1880-х годах. Модницы денег не жалели. Добывать волосы по деревням ездили «резчики», скупавшие косы у крестьянок за ленты, платки, бусы, кольца, серьги и прочую копейную дрянь. Местные волосы лучше красились, а стоили они куда дешевле французских. Из них изготавливали постижи-локоны, косы, шиньоны,

букли. Каждая женщина имела несколько приготовленных заранее постижей, чтобы менять прически в зависимости от надобности.¹⁾

В 1880-е на смену родовому дворянину приходит буржуа – коммерсант, банкир, промышленник. Появляется и новый эталон мужской красоты. Популярным становится образ делового человека – образованного, умного, волевого и находчивого.²⁾

В 1876 году входит в моду мужская прическа «а-ля Капуль» – под известного французского оперного певца Жозефа Капуля, пользовавшегося в то время шумным успехом. При короткой стрижке сзади, спереди волосы разделялись прямым пробором и укладывались двумя ровными полукружиями

Екатеринославский купец 1-й гильдии с прической а-ля Капуль

¹⁾ Вот какой случай описывает очевидец. «Светлый осенний день, на Екатерининском проспекте много гуляющих, бульвар и улицы переполнены людьми. Идет вагон бельгийского трамвая с Соборной площади по направлению к вокзалу: вагон открытый, публики масса, в числе коей очень важно сидит разодетая дама; вагоновожатый дал полный газ, подул сильный ветер. Вдруг сидевшая дама осталась без головного убора: шляпу и постиж со шпильками и булавками ветром понесло в сторону. Дама с «плешью» на голове осталась в неподвижном состоянии несколько минут: вагон бежит тем же ходом, а шляпа с прической и булавками далеко лежит; мальчишки, увидев летящую шляпу, побежали за ней, дама же, придя в себя, быстро соскочила с вагона на углу Первозвановской (ныне Короленко) и Екатерининского проспекта, уселась на первого попавшегося извозчика, велела закрыть верх и поехала. Мальчишки, подняв шляпу, с шумом, криком и свистом пустились в погоню за уезжавшей дамой. Но им не удалось услужиться, дама скрылась».

²⁾ Вначале власти категорически запрещали отращивать бороды чиновникам и студентам. Лицо полагалось брить, а волосы коротко подстригать. Но в конце позапрошлого века разнообразные бороды и усы стали почти обязательным дополнением к прическе мужчины. Почти каждый носил небольшую бороду-эспаньолку и усы. Бородки имели форму «клинышка», «лопаточки», «жабо».

Усы носили стрельчатые, торчащие в разные стороны («а-ля Вильгельм»), или небольшие усы с торчащими вверх концами. Некоторые фабрикли концы усов, завивали их щипцами, а на ночь надевали специальные наусники для сохранения формы.

локонов, свисающих на лоб.³⁾ Сначала прическа ассоциировалась с образом франта и дамского угодника и в этом качестве продержалась довольно долго, пока ее не подхватили приказчики и мелкие купчики. Некоторые мужчины предпочитали «бобрик», когда коротко подстриженные надо лбом волосы торчали вверх в виде игл.

Сленг и фольклор оставили французы

К началу XX века из екатеринославских парикмахерских иностранцы постепенно вытесняются местными мастерами. И по таланту, и по популярности наши уже почти не уступают французам. Часто за французскими именами на вывесках скрывались русские парикмахеры или владельцы, стремящиеся привлечь побольше клиентов. Парикмахерские именовались «Жан», «Леон», «Шантеклер», «Antoine», «Coiffeur Bordunow». Хозяин последнего заведения, расположенного на улице Садовой (ныне Андрея Фабра), не жалел денег на газетную рекламу, и его салон пользовался особой популярностью. Тем не менее, состоятельные горожане еще долго продолжали отдавать предпочтение французским мастерам.

Профессиональный сленг наших парикмахеров неизменно характеризовался обилием французских словечек, не говоря уже о сохранившейся до наших дней терминологии. Вот какие колоритные фразы можно было услышать в дорогих парикмахерских салонах:

– Зовут меня Андре-иси, на чай с клиента не проси, – сам за невероятное совершенство даст. Ах-с, мерси вас, мерси за похвалу, много раз мерси!

А прямо под окнами горожан раздавались такие зазывные прибаутки бродячих цирюльников:

– Бреем, стрижем бобриком-ежом; лечим паршивых; из лысых делаем плешивых; кудри завиваем, гофре направляем, парик промоем, кровь откроем... и т. д.

³⁾ «И старается, – писал В. Гиляровский, – французик из Бордо около какого-нибудь Леньки и Сереньки и так-то вокруг него извивается, и так-то наклоняется, мелким барашком завивает и орет:

– Мал-шик!.. Шипси!

Пока вихрастый мальчик подает горячие щипцы, Ленька и Серенька, облитые одеколоном и вежеталем, ковыряют в носу и оба в один голос просят:

– Ты меня уж так причеси таперича, чтобы без тятеньки выходило «а-ля-Капуль», а при тятеньке – по-нашему».

Богатым — парики, беднякам — пиявки

По данным справочника «Весь Екатеринослав», в 1905 году в городе было 8 парикмахерских, в 1910-м уже 19, а в 1913-м — около 80.

Салоны для богатых находились в центре города и были обставлены не хуже европейских. Из-за рубежа выписывали парфюмерию, необходимые инструменты и аксессуары, парики, накладные волосы и модные журналы, по образцам которых сооружались удивительные произведения куаферского искусства. Каждый светский сезон в Париже порождал очередной экстравагантный крик моды, следовать которому спешили и в Екатеринославе.

Дамские парикмахеры Жан и Дмитрий предлагали своим посетительницам вьющиеся волосы в громадном ассортименте, отдельные кабинеты для прически, окраску и примерку постижей. Для исполнения особо сложных заказов вызывались мастера из Москвы. Перед балами клиенткам предлагалось записываться заблаговременно. Есть версия, что под именем Жана выступал сам хозяин парикмахерской Иван Хорошунов.

А вот кто скрывался под именем Antoine, нам неизвестно. Салон дамских причесок с этим названием был открыт на углу Московской (ныне Владимира Мономаха) и главного проспекта. Здесь также работали специалисты из Москвы и Парижа, выполняя заказы по последней парижской моде.

Впрочем, были в городе цирюльни и для простого народа — мящан, ремесленников. В них не только стригли, но и оказывали некоторые сугубо медицинские услуги. Вывеска такой парикмахерской гласила: «Цирюльня. Здесь ставят пиявки, отворяют кровь, стригут и бреют». А над вывеской висел медный тазик для бритья.

Поверенные деликатных тайн

Как и сегодня, в парикмахерские ходили не только по прямому назначению, но и услышать свежие сплетни, напроситься на комплимент. Великие художники по прическам, знатоки стилей, люди изощренной куаферской фантазии одновременно могли быть прекрасными психологами и разговорщиками. В будуарах модных дам, молодящихся купчих, невест-миллионерш они зачастую становились

поверенными весьма деликатных тайн, которые умели хранить. Они знали городские новости и всю подноготную своих клиентов, умея при этом учесть, что и кому можно рассказать, с кем и как себя вести. Наблюдательные, остроумные, ловкие и общительные парикмахеры во время сеанса развлекали клиентов забавными слухами и, имея исключительную возможность контакта с влиятельными лицами, не упускали случая проверить собственные дела.

При этом прически самих парикмахеров с подвитыми вихрами и безукоризненными проборами, их манера во время работы отставлять как можно дальше мизинцы, словно из опасения обжечься о голову клиентки, являли собой явно заимствованное поведение зарубежных коллег.

Стоит ли говорить, что модные парикмахеры всегда очень хорошо зарабатывали.

– Стригут и бреют, и карманы греют! – шутили екатеринославцы.

Чем дальше — тем короче

Накануне и в годы Первой мировой войны мужские прически изменились мало. Разве что волосы теперь укладывались при помощи бриллиантина (*средство для придания волосам блеска и фиксации прически — Ред.*). Среди женщин в 1909–1914 годах распространенными стали «конуса» — завитые волосы располагались широкими волнами. Обилие парикмахерских салонов и журналов по парикмахерскому делу способствовало распространению всевозможных вариантов причесок типа «фэнтэзи». Главным и обязательным условием такой прически было наличие ондуляции — струистости, волнообразности, достигавшейся путем завивки горячим либо холодным способом. Требовалось большое мастерство и умение, чтобы создать такую прическу для торжественных случаев — так называемые бальные прически типа «бандо» и «сахарен».

В годы Первой мировой войны во Франции, Германии и России стремительно распространяются короткие стрижки у женщин. Так прекрасный пол демонстрировал стремление к эмансипации. Оказалось достаточно нескольких движений ножницами, чтобы разрушить здание, воздвигнутое мужчинами в течение тысячелетий. Самыми популярными стали прически «буби-кок» и «а-ля-гарсон» (под мальчика). Окончательно короткая женская стрижка утвердилась при НЭПе — в 20-х годах минувшего столетия.

Новелла XIII

КОГДА ВСЕ ДЕЛО В ШЛЯПЕ!

Модисток утверждала Дума

Модные новинки испокон веку появлялись, как правило, в Париже и, завоевав Европу, быстро распространялись по городам Российской империи. Создавались специальные салоны, мастерские, открывались магазины. Модистки повторяли французские модели, внося некоторые изменения, согласно своему вкусу и прихоти заказчицы. Услуги французских мастеров оплачивались очень дорого. Свидетельства современников с блестящим юмором доносят до нас подробности распространения дамских шляпок в нашем городе.¹⁾

¹⁾ Собственно шляпки вошли в моду во второй половине XVIII века. Самая известная из них – «а ля Памела» украшалась полевыми цветами и колосьями. Высота тульи и размер полей менялись, но шляпа оставалась в моде вплоть до конца XIX века.

Головной убор определял сословную принадлежность человека. Поэтому в XIX столетии шляпка была неотъемлемой частью облика любой женщины и означала, что ее владелица образована и знает правила светского этикета. Тогда же сложились правила, позволяющие женщине не снимать шляпу в помещении. Шляпки для бала или обеда изготавливались под наблюдением парикмахера и буквально вплетались в прическу. Прическа и шляпка всегда были зависимы друг от друга. Шляпы дамы снимали и одевали только вдали от посторонних глаз, так как локоны большинства красавиц крепились к полям шляпы и... снимались вместе с ней.

К 1870–1880-м годам женские головные уборы существенно изменились. Кружевные завязки, монтиньерки и атласные ленты стали редкостью. Маленькие шляпки из шелка, перьев и цветов крепили к волосам булавками, превратив их в изящные, ювелирной работы аксессуары.

В Екатеринославе первая французская модистка шляп появилась в 1856 году. История сохранила ее имя – Луиза Дабо. Об этом свидетельствует документ екатеринославской Городской Думы, которая по прошению ремесленной управы «дозволила французской подданной Луизе Дабо производить в Екатеринославе мастерство дамских шляп».

В середине XIX века изготовление шляп относилось к ремеслам. В 1862 году в городе в числе ремесленников, изготавливающих предметы одежды, «картузников и шапошников» насчитывалось 107 (мастеров – 37, рабочих – 50, учеников – 20), что для двадцатитысячного Екатеринослава было совсем немало.

Шляпы из Франции и из модных журналов

В начале XX века в городе насчитывалось 14 шляпных магазинов и 6 шляпных мастерских. А в 1913 году их было уже 33. Располагались они в центральной торговой части города – на проспекте, в Старо- и Новогостинных рядах (ныне площадь Героев Майдана), на улице Торговой (ныне Вячеслава Липинского). В магазинах предлагали как готовые шляпы, привезенные из европейских столиц и особенно из Франции, так и изготовленные по модным журналам, полученным из Парижа. Так, магазин дамских шляп «A LA PARISIENNE» предлагал к летнему сезону 1911 года большой

Примеряли дамы и мужские шляпы. Так в XIX веке это были цилиндры с вуалью для верховой езды. Классической соломенной шляпой, вошедшей в моду около 1900 года, была канотье. Это жесткая круглая шляпа с плоской тульей и ровными полями. Сначала ее носили мужчины, но очень быстро стали носить и женщины. Барышень в канотье, в блузках с пышными рукавами и расклешенных юбках ласково называли «лампочками» – их изящный силуэт напоминал своей хрупкостью тонкое стекло старинных ламп.

В начале XX века бесспорно наступил час торжества женских нарядов. В годы индустриализации лучшей рекламой для делового человека, артиста, светского фата служила богато одетая жена. Поэтому мужья не удивлялись, когда изобретательная модистка присылала их женам адрес своей шляпной мастерской с краткой, но внушительной рекомендацией: «The dearest in the world» – самая дорогая в мире. И это было ее лучшей рекламой.

Знаковость шляп не исчезла со временем. После 1917 года шляпы и шляпки стали опасным сословным знаком. Так началась эра кепок и платочков. В советскую эпоху шляпы переживали разные времена – от полного забвения до официального признания.

выбор заграничных моделей, привезенных из Европы. Впрочем, большинство магазинов, как принято, назывались именами владельцев и имели вывески на французском языке: «M-lle Marie», «M-lle Poline», «M-lle Frango».

Поначалу шляпники и шляпницы демонстрировали свое искусство только внутри мастерской, размещая все новинки на искусно вылепленных из папье-маше головках. Снаружи на род занятий владельца указывала только вывеска. Томные головки с тщательно прорисованными ресничками и подкрашенными губками украсили витрины лишь во второй половине XIX века.

В домах шляпки хранили на специальных подставках-болванках, постепенно ставших неотъемлемым украшением дамского будуара.

*Шляпа
«а-ля Памела»*

Красавиц сравнивали с пугалами

Ежегодно появлялось огромное множество новых шляпных фасонов. Модные журналы предлагали шляпы для торжественных случаев, для повседневной носки, для прогулок, для учебных заведений и т. д. Новые фасоны изобретались чуть ли не каждый день и модные журналы обсуждали их наравне с фасонами платьев. Фантазия в изобретении головных уборов порой доходила до смешного, что отразилось на страницах местной печати.

*Карикатура на вечно
неудобную дамскую моду.
«Пикториэл Комеди», Лондон,
1908 г.*

*«Мы не мало дивувались,
Як на головы вони
Замість шляп понадивали
Аж по плечи казаны;
Начепылы задля моды
На них тирья та квиткив
Прямо став на огороды,
Щоб лякати горобцив!»*

Вот еще несколько шуток того времени.

«Прежде шляпы с султанами носила кавалерия, теперь – дамская пехота».

«Прежде изломанная шляпа свидетельствовала, что ее запустили вслед за ее обладателем, гостеприимно спущенным с лестницы, теперь шляпы предусмотрительно изламывают загодя в магазине».

«Прежде женщины расширились книзу, теперь – кверху».

К шляпкам готовили гарнир

Мода конца XIX века отличалась странной расточительностью. На изготовление и украшение одежды и шляп шли дорогие натуральные материалы, дорогостоящие отделки. Если внимательно рассмотреть модные французские журналы начала XX века, то увидишь на женских головках шляпы, которые по своим размерам и форме напоминали огромные колеса телеги. Такие шляпы грациозно сидели на голове.

A. Fedeenki

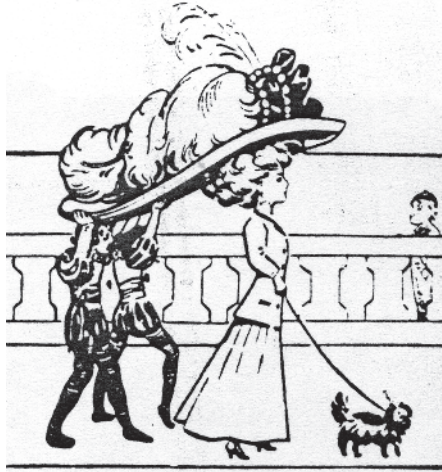
А КНАРКОФФ.

Создавались они лучшими фирмами Парижа. Чем объемистей шляпа, тем больше она требовала дорогих отделок, или «гарнировки», как тогда говорили об украшении шляп. Гарнировали перьями, мехом, лентами, цветами, а самые богатые – жемчугом и алмазами. Большие шляпы, сложные в изготовлении, как правило, делались в единственном экземпляре. Такая шляпа была не только украшением женщины, но и внешним признаком большого состояния.

Творцы женских шляп изошряли свое воображение не столько над тем, чтобы создавать моду изящную, сколько над изобретением моды подороже. А поскольку у щеголих шляп было много, то бывали случаи, когда шляпницы доводили почтенные семейства до разорения. Так, если в середине XIX века неслыханной роскошью была шляпка стоимостью в 150 рублей, то в конце века она стоила в десять раз дороже! А в 1910 году наши модницы начали заказывать шляпки ценой в 2,5 тысячи рублей, и эта дороговизна была последним криком моды.

Могницам запретили трамваи

Удержать шляпку сложного фасона на не менее сложной прическе было невозможно без шляпных булавок, появившихся в последние десятилетия XIX века. С увеличением шляп резко увеличились в размерах и булавки. Острый конец такой булавки запирался наконечником на резьбе, но дамы все же время от времени теряли часть своей булавки. Участвовавшие случаи травматизма, зачастую с ужасающими последствиями, заставили городские власти столиц, губернских, а затем и других городов запретить дамам в огромных шляпах пользоваться общественным транспортом. В декабре 1912 года екатеринославская Городская Управа приняла дополнение к «Правилам о пользовании городской электрической железной дорогой в городе Екатеринославе», названное «Распоряжение о проколах в дамских шляпах».

«По постановлению Городской Управы, во избежание неоднократно наблюдавшихся несчастных случаев, обращаемся к дамам, желающим пользоваться вагонами трамвая, с покорнейшей просьбой иметь предохранители на длинных головных шпильках (проколах). Служащим трамвая предписано дам, не имеющих предохранителей на шпильках, к проезду в трамвае не допускать».

Это обязательное постановление было развешено в вагонах трамвая. На практике оно оказалось весьма чревато последствиями и давало повод к возникновению столкновений между публикой и служащими трамвая.

Ситуацию спас контролер

Вот сообщение одной из местных газет начала прошлого века. «15 декабря супруги Л. сели на Столыпинской улице в вагон № 24. Г-жа Л. носила шляпу, шпилька которой, хотя и была без наконечника, не выступала острием наружу. Кондуктор, тем не менее, грозно нахмурил брови.

- Уходите! Я билетов вам не дам.
- Почему же? Острие моей шпильки скрыто в шляпе.
- Не разговаривать! Убирайтесь вон! Я не отправлю вагона, пока вы не сойдете с него.
- Но...
- Молчать! Кто здесь хозяин? Я или вы?.. Со шпилькой я никого не пущаю, – нечего спорить.

К счастью, оказался контролер. Он внимательно осмотрел положение шпильки на шляпе и, убедившись в том, что ее острие безопасности не угрожает, милостиво разрешил г-же Л. и ее мужу ехать дальше.

Гг. Л. обратились к городскому голове с просьбой внушить служащим трамвая «чтобы они шпилек не преследовали в столь грубой форме». И теперь городскому голове надлежит разрешить задачу: в какую сторону направить усердие трамвайных кондукторов? Воевать ли с дамскими шпильками всеми доступными мерами, или же оставить незащищенные шпильки в покое?»

Против шляп восстали театралы

А вот какое открытое письмо написал екатеринославским модницам один из театральных завсегдатаев начала прошлого столетия.

«Екатеринославским дамам желаю всякого добра. И за все мое искреннее благорасположение я осмеливаюсь обратиться к вам только с одной смиренной просьбой: не надевать в театр больших шляп. Я привык, бывая в театре, смотреть не только на дамские шляпы, представляющие восхитительное зрелище, но также смотреть и на сцену. Созерцать то, что играют на ней, доставляет мне истинное наслаждение, и лишать меня этого удовольствия несправедливо и даже жестоко. А между тем, если я помещусь во втором ряду, а впереди меня сядет дама в большой шляпе – вся сцена для меня будет закрыта без малейшего остатка. А первого ряда для всех не хватит.

Но, если дама, сидящая впереди, причиняет только художественный ущерб, то дама, сидящая рядом со мной, служит источником

физических страданий. Что делать при таком соседстве? Подсунуть свою голову под шляпу, или положить ей на плечо – не годится. И сидишь целый час, изогнувшись в виде запятой налево и направо, в сторону другого соседа. А ежели этот последний не сосед, а соседка и тоже в большой шляпе, тогда положение поистине трагическое: ставь локти на колени, опускай голову на ладони, и в таком положении слушай пьесу – надавливая собственные нижние ребра собственными верхними. И какую красоту можно найти в человеке, изогнутом в виде малороссийской колбасы или стерляди колечком?

*Подобная прелесть
оборачивалась для театралов
истинной трагедией*

Нет, положительно, страдания, причиняемые большими шляпами, несправедливы. И моя просьба от лица екатеринославских мужчин к дамам: дома, на улицах, на площадях, в садах носите какие угодно шляпы, но в театры надевайте только невысокие и неширокие.

Мы, мужчины, идем и еще на уступки: носите большие шляпы в театре, но только во время антракта, а во время действия снимайте их. Для тех же дам, которым такая жертва совсем уж непосильна, выход все-таки есть: занимайте места в ложах. Исполните нашу смиренную просьбу, и мы будем благословлять вашу геройскую самоотверженность».

А анекдот того времени предвещал скорое появление шляп, которые будут медленно повертываться на голове, с тем, чтобы сидящий сзади зритель мог видеть шляпку со всех сторон.

Заядлым театралам все-таки удалось добиться своего: вскоре было принято решение о том, что дамы в шляпах с перьями любой величины должны брать билеты не иначе как в ложу. Находящимся в партере позволялось носить только маленькие шляпки без перьев.

Новелла XIV

НА ЖЕНСКИЕ ШТАНЫ КИДАЛИСЬ С ЛЮТОЙ ЗЛОБОЙ

Велосипед продвинул моду

«Мода – массовый психоз, проявляющийся в нашем городе особенно сильно. В последнее время, говорят, уже не Екатеринослав заимствует моду из Парижа, а Париж из Екатеринослава», – писал автор Екатеринославского словаря 1912 года. К тому же, наш город осмеливался поставить решительный заслон некоторым модным французским веяниям. В полной мере это проявилось в истории с женскими брюками, вошедшими в моду в начале XX века.¹⁾

В то время в моде господствовали два направления. Одно было подчинено спорту, другое мод-

¹⁾ Брюки, по всей вероятности, имеют восточное происхождение. В Европе они впервые появились у галлов и у некоторых германских племен. В XV и XVI веках распространяются брюки самых разнообразных типов, имеющие иногда фантастические формы. К таким относятся плундры, или шаровоны – мужские брюки, расчлененные разрезами, под которыми были подкладка с прокладкой. Поэтому их также называли «штаны с начинкой». Шаровоны относятся к самым экстравагантным явлениям в истории одежды. Чем более странно они выглядели, тем проще был их покрой. Отличались они от обычных брюк величиной, кроились гораздо шире чем нога, и собирались вокруг тела в густые сборки.

Шаровоны, шальвары, шаровары – так изменялось с течением времени это слово персидского происхождения. Означало оно широкие восточные штаны, заправляемые обычно в сапоги, или собранные у щиколотки на резинку. Детские брюки такого типа назывались шароваришки. Шаровары были основной одеждой запорожских казаков в XVI–XVIII веках.

У женщин длинные панталоны в качестве нижней одежды появились в XVI веке, но только в начале XX века получили всеобщее распространение. Как верхняя одежда брюки окончательно вошли в женскую моду только в современную эпоху.

ным салонам. С одной стороны, в жизнь входит велосипед, который становится светским увлечением обоих полов. В Екатеринославе даже проводятся конкурсы по езде на велосипедах среди женщин. Это требует костюма, который позволял бы свободно двигаться. С другой стороны, проводится анкетирование, не вреден ли спорт для слабого пола, и не повредит ли он общественной морали. Ведь были люди, всерьез утверждавшие, что женщина должна носить перчатки даже дома.

Известный бельгийский художник и модельер Генри Ван де Вельде сформулировал три правила, которых, по его мнению, должна придерживаться каждая женщина:

- найти свою индивидуальность в домашней одежде;
- унифицировать свой костюм для уличных прогулок и уподобить его мужскому;
- однако в торжественных случаях носить одежду, предписанную традициями.

И все же в моде побеждают «функциональные» элементы. И в первую очередь это коснулось юбки, этой исторической формы первобытной шкуры, опоясывающей чресла, векового символа добродетели и стыдливости, которую попытались заменить брюками в 1910-е годы.

Первая атака захлебнулась

Молодые французские модельеры выходят на улицы Парижа с туалетами, носящими отпечаток загадочного Востока – свободные, блестящие, сверкающие платья и брюки. В деле постоянного реформирования юбки была, наконец, перейдена последняя грань, очерчивающая само понятие. Узкая, спутанная юбка раздвоилась на манер турецких шаровар. Поэтому английская газета называет новую моду «гаремной».²⁾ Кстати, в Украине этот фасон был известен еще со времен запорожского казачества. О том, привьется ли новая мода, единого мнения не было даже у известных дамских портных и представителей крупных торговых фирм. Презентация новшества была осуществлена на бульварах больших городов, на модных курортах и

²⁾ Несмотря на протесты в европейских столицах и на уверения французских газет, что мода не привьется, она уже нашла одобрение. И где?! В консервативной Англии! Но только в измененном виде, свойственном склонности британцев к практическому компромиссу. Именно английские дамы начинают надевать юбки, имеющие вид шаровар, разрезанные доверху спереди или сбоку и расходящиеся внизу, но составляющие только покров над другой юбкой. Это открывает возможность для дальнейшего постепенного перехода к уравниванию женщин с мужчинами в правах на штаны.

в ресторанах узким кругом уверенных в себе людей. И, конечно, не обошлось без всеобщего зубоскальства.

Вот как писала об этом екатеринославская газета «Русская правда». «Новая мода произвела сенсацию на парижских бульварах. Недавно в яркий солнечный день, когда с обычным говором дробилась и росла живая волна парижской уличной толпы, появились представительницы какого-то торгового дома, барышни-манекенщицы в выходных туалетах с шароварами вместо юбок. Их тотчас же окружили, смеялись, указывали пальцами, не было границ веселью и шуткам развязных парижан. Барышни принуждены были скрыться в один из магазинов и оттуда уехать, пройдя на улицу другим ходом».

В бой вступает Прибауткин

На события в Париже член редакции городской газеты Ваня Прибауткин откликнулся стихами, которые произвели фурор в среде горожан:

*«В Париже в этих самых платьях-шароварах
 Две модницы недавно появились на бульварах;
 Но даже сам Париж, привыкший к разным трюкам,
 Насмешливо и зло отнесся к дамским брюкам,
 Дам этих шаровары вызвали на улицах сенсацию,
 И им пришлось перенести пренеприятную овацию,
 Они старались от острот толпы освободиться
 И в павильон-уборную от любопытных скрыться...
 Бульвар запружен был толпой в одно мгновенье,
 И даже омнибусов прекратилось движенье;
 Вмешалась полиция, чтоб прекратить волненья эти,
 А модниц-дам отправили домой в извозничьей карете...
 Случилось так, что платье это «серуэль»
 Не оправдало предназначенную цель:
 Движенья дам при встрече с уличной толпой
 «Стеснилось» так, что их отправили домой!...
 Тоже освобождение!»*

«Увлечение шароварами уже подхвачено и выставлено на сцене, – продолжала газета, – В Theatre des Capucines на генеральной репетиции большой новой «revue» впервые был включен в программу оригинальный номер: выход трех артисток в шароварах. Корреспондент английской газеты рассказывает, что в зале воцарилась мертвая тишина, подобающая серьезности момента. В публике было много дам, которые все замерли с поднятыми биноклями».

*Уличные танцовщицы в шароварах,
которые никого не смущали*

Понтифик взялся за штаны

К самому представлению о шароварах уже успели попривыкнуть и глаз как будто бы присмотрелся.

«Но скептиков больше, – не сдавалась «Русская правда», – По их мнению, гаремная мода не может получить признания. Реформа слишком радикальна».

15 февраля газета сообщила, что против современных дамских мод выступил Ватикан. В резкой статье художники, рисующие модели для магазинов и торговцев конфекционными товарами, назывались «пособниками растления» и «участниками величайшей греховности». В Риме тогда было хорошо известно, что папа Пий X – страшный враг всех проявлений феминизма. На аудиенции с известной римской княгиней, пожелавшей узнать от папы его взгляд на дело социального равноправия женщин-католичек, понтифик ограничился одной фразой: «Женщина должна нравиться, молчать и сидеть дома».

– Но, святейший отец, – возразила княгиня, – не можете же вы требовать от меня, чтобы я вязала чулки? Я не умею...

– Так далеко я не иду, дочь моя! – ответил папа и благословил верную католичку.

Представление перенеслось в партер

Вскоре после сообщения из Ватикана «Русская правда» рассказала о «Лиге охранения нравов женщины», возникшей в Кишиневе и объявившей священную войну женским шароварам. В ее члены записалось около 100 мужчин, но попытка организаторов привлечь к «делу» хоть одну женщину не увенчалась успехом.

Если новой моде на дамские шаровары не повезло в Париже, сообщала газета, то еще больше ей не повезло в Будапеште, где светские львицы предприняли попытку ускорить ее дальнейшее распространение. В оперном театре Будапешта по поводу женских штанов разразился крупный скандал. Когда закончилась увертюра, и огни в зале еще не погасили, две дамы из высшего общества вошли в партер в модных шароварах. Один из жителей обратил на это внимание и воскликнул: «Да они в штанах!» Весь партер привстал. Раздались крики: «Где штаны? Гоните их вон! Наши женщины не должны носить штаны!». Дамы пытались спрятаться за колоннами, но были вытеснены оттуда на видное место представительницами своего же пола. Поднялся занавес, но шум не унялся. На сцену никто не смотрел, все взгляды и бинокли были прикованы к виновницам ажиотажа. Беспорядок продолжался с полчаса, пока не появился директор театра и не попросил дам покинуть помещение, пообещав им вернуть деньги за билеты.³⁾

Прибауткин почуял весну

Постепенно приближалась весна, а вместе с ней – новая мода к границам нашей империи. К началу сезона Ваня Прибауткин подготовил новые стихи для читателей «Русской правды»:

³⁾ Содержатель одного из ресторанов во Франкфурте был приговорен судом за оскорбление общественной нравственности тем, что кельнерши в его заведении обязаны были носить «Jure-culottes». Владелец ресторана апеллировал в верховный территориальный орган. После продолжительных прений там признали, что общественная нравственность новым костюмом вовсе не оскорбляется, а нарушение требований эстетики до сих пор в Германии по суду не карается. В виду этого брюки были санкционированы как приличное женское одеяние.

«Теперь весенний начинается везде сезон,
 Так значит говорить о модах мне резон:
 Чуть в воздухе почудилось благоухание весны,
 Как дамы про костюмы уже видят сны;
 Но только вместо прежней узкой юбки «антраве»
 Хотят гулять в «кюлотах» по молоденькой траве,
 В ногах не чувствовать стеснения движений,
 Шагать свободно и легко чрез несколько ступеней,
 Сидеть на стульях не на кончике немножко,
 А заложивши друг на друга свои ножки.
 Новейший «Jure-culott» у наших жен и дочерей
 Предполагают шить из двух самостоятельных частей:
 Известных всем восточно-азиатских «шаровар»
 (Мужскому полу феминистки нанесли решительный удар)
 И покрывающего их «кафтанчика с разрезом, иль туника»,
 Чтоб все-таки не потерять им женственного лика...»

И снова-таки этот стихотворный шедевр был с пониманием встречен читающей публикой.

Модницу оставили в кальсонах

Москва, падкая на моды, туго восприняла последнюю новинку парижского рынка – юбку-шаровары. Русские модницы посчитали оскорбительным имитировать наложниц гарема. На борьбу с упрямством «уважаемых заказчиц» парижане выслали оригинальную армию манекенщиц в шароварах. Обыватели имели возможность наблюдать «пионерок» моды на улицах, в театрах, на спортивных площадках, где шаровары был встречены сочувственно. Мода покровительствовала новейшему спорту.

Затем манекенщицы отправились по крупным городам, демонстрируя новинку «на благое просвещение». Сведений об их «гастролях» в Екатеринославе не сохранилось.

Зато горожанам запомнилась «милая шутка», на какую всегда так падка провинция. Из поездки в Питер возвратилась жена местного

Вышитая золотом курточка, под которой — шелковые шаровары

врача и привезла с собой последний «крик моды» – юбку-шаровары. Ну, конечно, нужно было «форснуть». Выход модницы на бульвар вызвал всеобщее изумление. Но один из купчиков не только изумился, но и возмутился: как, дескать, барыня смеет мужские штаны носить! Зайдя в лавку, он взял трех своих молодцов и на глазах у публики оставил барыню в одних подштанниках, которые не возбранялось носить ни женщинам, ни мужчинам.

Реквием по шароварам

Сведения о новой моде все более распространялись среди горожан. Любопытство, будут ли последовательницы у жены врача, не иссякало. На слово «шаровары» реакция мецан была мгновенной, так хотелось увидеть новую моду всякому.

20 марта 1911 года в окружном суде (ныне здание областной прокуратуры) и около него чувствовалось, что предстоит так называемый «большой день». Разбиралось нашумевшее в свое время дело об убийстве и краже в магазине Зильбермана. Тысячная толпа заперудила коридоры здания и даже тротуар перед судом. И вдруг:

– Дама в шароварах!

Толпа тут же отхлынула от дверей и кинулась назад, посмотреть на диковинку. Однако оказалось, что кто-то просто попытался разыграть возбужденных горожан.

– И вовсе не остроумно шутить в такую минуту, – возмущались обыватели.

Вскоре сам редактор «Русской правды» Павел Маак посвятил «последним модницам» целую желчную и насмешливую поэму «Штаны»:

*«...Більше розуму не буде,
Як зодягнетесь в штаны,
Бо тепер вже кажуть люде
– «Показывались воны»!
Паньны! Кыньте вы цю моду...
Нащо вам в штанах ходитъ,
На потиху бутъ народу,
Та собак усих дражнить?»*

И после этого сообщения о злополучной новинке исчезли со страниц Екатеринославской прессы.

Новелла XV

СКАЧКИ – ДАЖЕ ДЛЯ КРЕСТЬЯН

Арену азарта освятили

История конных бегах в Екатеринославе началась в 1829 году, когда здесь было учреждено «Общество скакового и рысистого бега». Однако первый ипподром, принадлежавший местному «Обществу поощрения коннозаводства», открылся в городе только 6 (19 по новому стилю) мая 1911 года. По свидетельству современников, это событие вызвало шумный резонанс среди приверженцев азартных развлечений и представителей прессы.

Открытие прошло с большой помпой. На площадке ипподрома при большом количестве членов Общества и почетных гостей при этом Троицкой церкви при трех священниках, двух диаконах и хоре певчих был отслужен молебен с водосвятием. Оркестр 34-й артиллерийской бригады исполнил гимн «Коль славен». Голубую ленту, протянутую через рысистый и скаковой круги, разрезал вице-президент Общества Андрей Бабушкин. По длинному звонку по кругу в полной упряжи продефилировали рысаки коннозаводов А. К. Бабушкина, И. И. Карюка и А. Фальца. За ними – разных мастей скакуны господ Э. Алтунжи, князей Н. Урусова, Малтиева и А. Думбадзе.

Первый тост за здоровье государя императора под гимн «Боже, Царя храни!» провозгласил Бабушкин. Затем последовали тосты за почетных членов Общества, городское самоуправление, которое так отзывчиво отнеслось к нуждам учредителей, за строителя ипподрома,

*Князь Н. П. Урусов,
почетный член
общества
коннозаводства*

городского архитектора Дмитрия Скоробогатова. Священник Страховский пожелал Обществу процветания, а командир Феодосийского полка Тальгрэн поднял бокал за возрождение «Общества скакового и рысистого бега» в Екатеринославе.

Бабушкин получил за коней «Анну»

*А. К. Бабушкин
вице-президент
Общества
коннозаводства*

Вся организация по основанию и открытию «Общества поощрения коннозаводства» и строительству ипподрома выпала на долю Андрея Константиновича Бабушкина, потомка старейшего в Екатеринославе купеческого рода. Родовым именем Бабушкиных было Константиново Поле в Верхнеднепровском уезде, где в 1870 году отцом Андрея Бабушкина Константином Лукичем был основан рысистый конный завод. Племенной материал хозяйства продавался в европейской и азиатской России, лошади участвовали во всемирной выставке в Милане, пользовались спросом в Санкт-Петербурге, получали высшие награды на состязаниях. За заслуги на сельскохозяйственном поприще Андрей Бабушкин был награжден орденом Святой Анны 3-й степени и пожалован дворянством. Гордостью хозяйства был конь Верный, впервые принимавший участие в бегах 1911 года на екатеринославском ипподроме. Всего на соревнования хозяйства выставило семь лошадей.

Сведения о судьбе ипподрома расплывчаты. Известно, что скачки на долгое время прекратились после революции 1917 года. А следующим достоверным моментом «лошадиной истории» нашего города стал сентябрь 1948 года, когда практически на месте старого ипподрома торжественно открыли Областную конно-спортивную арену, где вроде бы также можно было делать денежные ставки. В 1950-х годах на его территории располагался домик для семьи конюха и бухгалтерия. Здесь еще были лошади, проходили тренировки. Но уже к середине 60-х мы застаем эту местность застроенной жилыми домами с достаточной долей вездесущих «хрущевок».

Татары были званными гостями

«Общество скакового и рысистого бега» с момента своего учреждения ежегодно на Петропавловскую ярмарку (29 июня) устраивало скачки с призами от государственного коннозаводства. Сюда являлся весь мир, вся знать и аристократия не только местная, но и из других стран, приезжавшая в Екатеринослав на шерстяную ярмарку. Здесь была масса богачей-коннозаводчиков, любителей и ценителей лошадей. Особенно блистали получатели многочисленных призов местные помещики Евецкий, Герсеванов, Богданович и Нечаев. На состязания привозили из Крыма степных скакунов даже татарские мурзы.

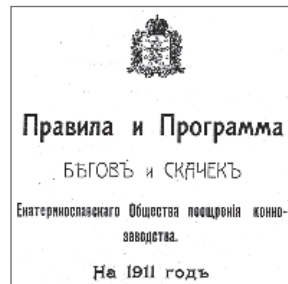
По окончании скачек пили шампанское в таких количествах, что «если бы вылить его на место, где были скачки, то, в виду наклона этой местности к городу, залило бы город», вспоминает современник.

Проходили скачки на территории города, в местности, которая в первой половине XIX века представляла сплошную степь с выгонной землей – южнее современного проспекта Пушкина, параллельно ему, от проспекта Поля и до начала улицы Рабочей. Когда в 1860-е годы началась застройка этой части города, здесь появилась улица, получившая название Скаковой (ныне Владимира Антоновича). В 1880-е годы в связи с резким сокращением ярмарочной торговли и уходом поколения людей, организовавших Общество, бега и скачки прекратились.

К ипподрому подъезжали на трамвае

Лишь через три десятилетия, в 1911 году, эстафетную палочку «скачечного бизнеса» подняло «Общество поощрения коннозаводства», возобновившее бега. Его первым председателем был сам губернатор Владимир Якунин. Для образования первоначального фонда учредители внесли по 500 рублей. Ежегодный взнос действительных членов составлял 100 рублей, а для офицеров, состоящих на действительной службе, – 50 рублей.

Новый ипподром был устроен очень хорошо. Он находился на расстоянии 1 километра от строящейся церкви Вознесения (ныне тупик трамвая №4) на нынешнем проспекте Богдана Хмельницкого. Тогда здесь уже проходил электрический трамвай, от тупика которого до ипподрома

*Губернатор Владимир
Васильевич Якунин*

ходили общественные линейки. Южнее ипподрома, примерно в километре, было открыто новое городское кладбище (ныне парк 40-летия освобождения Днепра). Ипподром был рассчитан на три тысячи зрителей, имел трибуны на 600 мест, 20 лож, павильон для судей, оркестровую эстраду, конюшни. Объявление о времени первых бегов и скачек было опубликовано в местной печати задолго до начала – 5 апреля. Оно также сообщало о розыгрыше призов на колоссальную по тем временам сумму – 8 500 рублей. Наибольшую стоимость имел «Приз открытия Общества».

Первые скачки собрали аншлаг

Съезд во время бегов и скачек был огромный. Все гостиницы города переполнялись приезжими. Для состязаний по традиции прибывали из Крыма скаковые лошади Э. Алтунжи, А. Думбадзе и князя Малтиева и рысистые помещика А. Фальца из Херсонской губернии, из Полтавской – И. И. Карюка и И. М. Карашайского.

Местные силы были представлены лошадьми завода помещика А. Деконского из Верхнеднепровского уезда и рысистыми завода Н. П. Лабинского со станции Пятихатки. Последние продавались на бега за границу, участвовали в выставках, награждались золотыми и серебряными медалями. То же самое можно сказать и о чистокровных лошадях завода А. И. Гуреева из Гуляй-Поля. Но самыми известными были, пожалуй, чистокровные английские рысаки хозяйства губернского предводителя дворянства князя Н. П. Урусова. На первых скачках, в которых участвовало 70 лошадей, его Вельгунда взяла сразу несколько призов.

Согласно программе, бега и скачки проходили с 8 по 22 мая – в воскресные (8-го, 15-го и 22-го) и срединные (11-го и 18-го) дни недели. В первый день на ипподроме собрались не только любители конного спорта и тотализатора, но и много публики из всех слоев местного общества. Входных билетов было продано на 1 600 рублей. Тотализатор обеспечил несколько больших выдач на общую сумму 9 500 рублей.

Лошадь Пржевальского уступила Барометру

Для первого дня была большая запись участников. На скачках состязались 11 лошадей, а на рысистых бегах – 19. Было проведено четыре скачки и шесть бегов, разыграны призы имени Д. В. Пчелкина, А. П. Волоцкого и государственного коннозаводства.

Первым в скачках в этот день стал Чонгар Алтунжи. Самым резвым в беге на дистанцию в 1 версту (1,06 км – *Ред.*) был Бравый Н. Лабинского. Из скачек самой интересной и понравившейся публике стала джентльменская барьерная скачка на приз Волоцкого, где впервые екатеринославцам была продемонстрирована прекрасная «чисто-восточная» езда. Первый приз здесь взяла лошадь Алтунжи Фатиница, второй пришла Эпиграмма Деконского. В этот день отличилась и Вельгунда Урусова, взявшая первый приз на дистанции в 1,5 версты с результатом 1 минута 55 секунд.

Четыре лошади-ветерана – Барометр Карюка, Наушник Карашайского, Элегия Пржевальского и Путник Бабушкина были выставлены в беге №2 на дистанции 1,5 версты. Суммарный призовой фонд каждой из них в предыдущих соревнованиях составлял не менее 1 200 рублей. На них соревновались умелые наездники, приглашенные из Петербурга и Москвы. Первым пришел Барометр с результатом 2 минуты 30 секунд, взявший самый крупный приз дня – 500 рублей.

Победителю неподали награду

«Кто скучает, идите на ипподром!», – приглашали местные газеты жителей города. В воскресенье, 15 мая, ярко светило солнце. Публики на ипподроме много, и это не удивительно: разыгрывается главная награда скачек – «Приз открытия Общества» стоимостью 1000 рублей. Вручать его прибил сам губернатор, президент Общества В. В. Якунин. В розыгрыше участвуют орловские рысаки – жеребцы и кобылы старшего возраста. Дистанция 1,5 версты с ходом по общей дорожке, с правом бежать три гита, из которых два первых обязательны, и выигрывает сумма двух резвейших сделанных гитов. На этот приз были допущены шесть лошадей со столиц-

Сегодня 18-го мая на ипподроме Екитер. 0-го поощрения коннозаводства

БЪГА и СКАЧКИ

Начало в 2 часа дня.

РАЗЫГРЫВАЕТСЯ ПРИЗОВЫЙ ФОНД НА 3700 Р. На ипподроме выехало 4 лошади, 15 коней и 1 конюх. Хотят увидеть. Купят билеты. Нет. Цена 1 рубль. Музыка.

Следующие бегы 21 мая.

ных ипподромов, не выигравших где бы то ни было 10 000 и более рублей. Это Барометр Карюка, Титан Кордубана, Диез Пржевальского, Молния Бабушкина, Калина Гуреева и Мощный Бабушкина. Именно в таком порядке пришли они к финишу. Приз жокея Барометра Жукова составил 550 рублей, а владелец коня должен был получить золотой жетон стоимостью 100 рублей, который не был вручен «по неготовности». Второй приз составил 200, третий – 100 и четвертый – 50 рублей.

Жеребец Верный завода Бабушкина выиграл в этот день приз для лошадей, начинающих карьеру в Екатеринославе. А оборот тотализатора достиг рекордной суммы 10 830 рублей, из которых было выдано 9 741.

Напоследок состязались для потехи

На четвертый день скачек и бегов в последний раз блистали Чонгар, Вельгунда и Фатиница. Крымские скакуны были непобедимы. В бегах этого дня первые места заняли Маркиза и Путник Бабушкина и Гомер его сына, а также Бандит Лабинского и Калина Гуреева. Разыграны были призы членов Общества А. Бабушкина, С. Ковалевского и П. Григорьева.

*П. А. Григорьев, член
Общества поощрения
коннозаводства*

Последний, пятый день сезона, 22 мая, к сожалению, был дождливым. После каждого бега дорожка становилась все хуже и хуже. В этот день разыгрывались так называемые утешительные призы в четырех скачках и семи бегах. В бегах все первые места были заняты екатеринославцами и, в первую очередь, завода Бабушкина. В скачках выиграл Аркан Думбадзе и Эпиграмма Деконского.

Много оживления и искреннего смеха, как среди зрителей, так и самих наездников, вызвала долгожданная скачка для крестьянских лошадей Екатеринославской губернии на дистанции 1 верста 200 сажень (1,486 км) с призом от Общества в 50 рублей. Желающих принять в ней участие явилось 7 человек, но последний не был допущен «по несовместимости дорожки». Две или три лошади были под седлом, остальные – без. Первым пришел Крымчак крестьянина

Фургалло, показавший для простой лошади хорошую резвость – 3 минуты 46 секунд. Вторым стал Сапер крестьянина Ивашина, третьим – Дубина Фургалло, четвертым Пух Федосеева и пятым – Стрелок Царика. Имя последнего участника потешной крестьянской гонки история не сохранила.

Проигрывались даже скупердяи

Не секрет, что изрядную часть посетителей привлекал на бега исключительно тотализатор. Вот какие воспоминания оставил по этому поводу остроумный и наблюдательный современник.

«Екатеринославский ипподром. Публики очень много. Общее внимание обращает на себя купеческое семейство из пяти душ, стоящее у десятирублевой трибуны и громко разговаривающее. «Сам» горячится и размахивает руками. «Сама» всхлипывает и нервно дергает его за рукав.

– Побойся ты Бога, Панкрат Савельич! Шутка сказать: экую уймаищу денег проставил!... Домашним в самом, что ни есть обходимом отказываешь, копейки от тебя не выпросишь, а тут швыряешься! Идол!..

– Замолчи, стоеросовая!.. Нешто можешь ты понимать подобные предметы?.. Твое дело за щами и кашей наблюдение иметь, а не в разговоры пущаться!.. Варвара!.. Поди, возьми мне шесть билетов в ординарном и шесть в двойном!.. Вот тебе пятисотенная!..

Дочь Варвара кривит губы.

– Как это вы не соображаете, папаша, что молодой девушке совершенно неудобно заниматься разменом крупных денег! Это такой моветон, что даже говорить неприлично!

– Не зли меня, Варвара! Не заставляй меня слова произносить!..

– Довольно странно... Мы живем в культивированное время, когда родительская власть довольно даже ограничена, и вы не имеете полного права повелевать дочерью...

– Ну, ладно... Я с тобой дома поговорю... Будешь у меня дома денег просить на ватерпруфь (*женское длинное летнее пальто – Ред.*), или на что другое – кукиш получишь.

– Папаша, не выражайтесь... Вы нас вгоняете в краску стыда...

– Очень даже неблагородно с вашей стороны, – морщится средняя дочь Екатерина, – Мы пришли сюда любоваться лошадиной породой и вместо этого наблюдаем грубые инциденты...

«Сам» выхватывает из рук дочери пятисотенную и направляется к кассе. Публика смеется».

«У трехрублевой трибуны стоят несколько общипанных франтов в шершавых цилиндрах и о чем-то спорят.

– Необходимо взять хоть один билет, – волнуется высокий блондин с зеленовато-бледным лицом, – за нами наблюдает Люси... Мы можем сразу потерять в ее глазах... У тебя сколько денег, Жорж? Восемь гривен? Се тре пе... У меня полтинник... А у тебя, Серж?

– Селеман тракт копеек...

– Итого рубль шестьдесят... Необходимо кого-нибудь взять в долю... Иди, Серж, ищи... Вообрази себя гончей собакой. Скорей, а то будет поздно... Плю вить... Серж скрывается».

«Тотошницы» успевали все

А вот как увидел третий день первых екатеринославских бегов местный журналист.

«Скоро начало. Раздается звонок. На поле ипподрома появляются «цветные» жокеи. Тренируются. Готовятся к предстоящему бою. Публика приходит в движение. Рассматривают, будто страстно влюбленные, жадными глазами лошадей, «разбирают по косточкам». Это – «тотошники». Гремит оркестр. Еще два звонка и начинаются бега.

– Ты на кого? – слышно тревожный голос.

– На Титана, а ты?

– На Барометра!

– Ой, Марочка! Ой, возьми у меня бинокль. Кто впереди? Ой, не вижу!

Марочка, более спокойная, чем ее экспансивный супруг, берет бинокль, пристально смотрит и через несколько минут говорит:

– Не волнуйся, Яшуня, Барометр впереди.

– Ай, – визгливо кричит Яшуня, – И зачем мне Барометр! Я ставил на Титана!

Марочка начинает волноваться. Волнуются все. Рядом стоят немцы, и, вопреки всем законам природы, испускают ежеминутно сакральные изречения вроде: «О, шорт подери!».

Дамочки, ох, эти дамочки, приятные во всех отношениях создания, ухитряются сразу делать два дела: играть в тотошку (тотализатор) и созерцать пестрые панталоны жокеев.

Одна из них, которая – как говорит Сократ – мужа любит по закону, офицера для чувств и кучера для удовольствия, не стесняясь, делится наблюдениями с подругой.

– А ты заметила?..

– Заметила.

Шумно, весело, красиво».

Новелла XVI

ДЕШЕВО, ДА СЕРДИТО!..

Торжище назвали в честь святого

Трудно сказать, когда пришла в Екатеринослав традиция ежегодных распродаж. Известно только, что зародилась она в столице империи и на поездах и в слухах разбрелась по губернским центрам России.¹⁾ Для жителей нашего города большая Фоминая распродажа была событием сколь радостным, столь и хлопотным.

Название «Фоминая», по всей видимости, связано с православным календарем. Неделей святого Фомы (Фоминою) называли вторую неделю

¹⁾ Изобретателем распродаж в России можно считать московского купца Михаила Федоровича (его фамилия канула в лету), еще с екатерининских времен обосновавшегося в столице на Ножевой (галантерейной) линии. Он первый вдруг начал торговать по ценам «без запроса». (В данном контексте – «бросовая цена», без прибыли для продавца – *Ред.*)

Весь понедельник на Фоминой неделе приказчики из ближайших лавок посмеивались. А потом заметили, что покупатели толпятся именно в лавке Михаила Федоровича. Что следом за кухарками, бедными чиновниками и горничными потянулись почтенные матери семейств. Что в громадных ридикиолях и узелках уносят они не только пестренки ситчики подешевле, но и цветные сукна, самые дорогие шелковые материи, рулоны кружев, платочки и шали, о которых мечтали, но даже и не пытались прицениться в течение года. А хозяин лавки только посмеивался и объявлял невнятно: «Остаточки, остаточки!».

Не сразу поняли приказчики и их хозяева, что «без запроса», «по самым дешевым ценам» новатор продает не обрезки и лоскутки, а остатки полноценных товаров, не раскупленных еще с прошлой Пасхи. «Обернулся» он за неделю, не в пример другим купцам. Стоит ли удивляться, что на следующий год распродажа по сниженным ценам началась во всех рядах Двора.

после Пасхи. Ее первый день, когда обновлялась память Христова воскресенья, церковь считала особо торжественным и именовала «Антипасхой». По библейской легенде именно на этой неделе апостол Фома смог осязать язвы воскресшего Спасителя и наконец уверовал в случившееся чудо.

Распродажи начались в Старо- и Новогостинном торговых рядах Троицкого базара и постепенно распространились на все магазины на проспекте и прилегающих улицах. Купцы готовились к кампании серьезно. Газеты пестрели рекламой: «Небывало!!! Спешите! Только к нам и у нас дешевле!» Полицейское управление осаждалось просьбами о разрешении вывесить рекламу, и окна магазинов тут же залепляли плакатами с перечнем товаров и ценами на них. Для торговцев это был шанс сбыть по хорошей цене «всякую заваль и мерзость», а для обывателя – приобрести то, о чем и не помышляли ранее, обновиться, принарядиться к лету, купить «дешево, да с сердито».

Барыни учились у кухарок

В первые дни купеческая затея привлекала в основном обитателей окраин – Чечелевки, Павловки, Мандрыковки, Лоцманки. Но к середине недели, придирчиво осмотрев купленное кухарками и горничными, за покупками отправлялись знатные барыни. На подступах к рядам выстраивались фиакры и пролетки. Многих дам сопровождали мужья, а лакеи едва успевали относить к экипажам свертки, сверточки, коробки и корзины. Местным и иногородним купцам товар отпускали перед открытием магазина для публики – до 10 утра.

Новогостинный ряд

Со временем ассортимент распродаж расширялся. Фарфоровую посуду и скобяные товары, зерно и мороженую рыбу, мебель и привозные ковры – все можно было купить на Фоминой неделе. Кто-то торопился приобрести серебряные пальцы, а кто-то новый туалетный столик. И абсолютно все – и скромные барышни, и почтенные дамы – запасались тканью и кружевами, чтобы весь год шить наряды и мечтать о своем, о девичьем, что непременно случится, если обзавестись обновкой. Чего только не было на прилавках: гродетур, шинерояль, гроденталь, креп-жоржет, муар, термолама, тюль-иллюзион (*различные виды тканей для пошива одежды – Ред.*). У модниц просто захватывало дух!

Торговцы состязались в изобилии

По устоявшейся традиции, первенство по продажам галантерейных товаров удерживал Жирардовский магазин. В его ассортимент входили: полотно в кусках и малых остатках, простыни льняные, бумажные, батистовые, полотенца, скатерти белые и цветные, салфетки столовые и чайные, одеяла пикейные и шерстяные пледы, парусина цветная для мужских костюмов, холстинки, мадаполам, холст, белье мужское и дамское, юбки шелковые, галстуки, запонки, подтяжки, чулки, носки – всего не перечислить.

Магазин Костромских и Ярославских полотен и белья предлагал свой товар: «Желаем путем этой распродажи ознакомить почтеннейших покупателей с большим выбором полотняных и бумажных товаров. Льняные полотна Локалова, братьев Золотых, Сидоровых и прочих лучших фабрик империи».

Громадный выбор сукна, трико, драп, шерсть, шелк, полотно, мебельные ткани, тюль выставлял на распродажу мануфактурный магазин «Б. Денис».

А сколько продавалось мехов! Роскошные муфты и палантины, собольи накидки и беличьи шубки, длинные боа для дам рекламировал магазин И. Ф. Шульмана. «Особенно дешево будут распродаваться меховые, ватные и осенне-зимние товары. Цены строго без торга и запроса. Продажа только за наличные».

Кому брюссельский креп...

На Фоминой неделе кошельки горожан, еще не успевшие оправиться от пасхальной встряски, так и трещали по швам, так и расплзались, горемычные. Зато квартиры их «обогащались» массой ненужных, совершенно лишних, ни к чему непригодных предметов.

Проживало в Екатеринославе одно тихое семейство. Он – целый день работал, не разгибая спины. Она – следила за хозяйством, не доверяла прислуге, сама ходила на базар, возилась с обедом и детьми. Словом, жизнь проходила мирно и гладко. Но только не на Фоминой неделе! Тогда, чуя сердцем надвигающуюся грозу, он пораньше удирал в свою контору, оставляя, впрочем, на туалетном столике четвертную банкноту. А приблизительно в полдень начиналось...

– Кто у телефона? Это ты, Петя? Ага, прекрасно! Ну, конечно, я – Маруся! Говорю из магазина «Дамская улыбка». Небывалый случай... Последние пять отрезков японского шелка и два – брюссельского траурного крепа. Почти даром, понимаешь!.. Миленький мой, немедленно пришли мне сюда с курьером 50 рублей. Ах, Боже мой, какой же ты странный! Тех денег у меня уже нет... В магазине «Ликующий портной» я тебе купила прелестный испанский плащ... И детям кавказские бурки...

...кому долги и слезы

Глава тихого семейства вешает трубку и, беспомощно хлопая глазами, топчется на месте.

– У меня и двугривенного на папиросы не найдется, а тут, не угодно ли, пришли с курьером полсотни? Откуда же я достану такую прорву денег? Коллеги сами без гроша сидят... И, наконец, на что ей понадобился траурный кrep? На что кавказские бурки летом? На кой леший мне испанский плащ? В мои-то годы? А вот попробуй-ка не послать! Почитай, что в течение недели суп будет пересолен, жаркое пережарено и все это приправлено истериками и визгом в мажорном тоне.

Глава семейства, в конце концов, решается на последнее средство. Через полчаса курьер уже мчит на распродажу в поисках его супруги, которой он должен вручить две двадцатипятирублевки. Но зато в кармане жилета главы семейства, там, где раньше приятно тикали золотые часы, теперь уныло шелестит залоговая квитанция городского банка.

Новелла XVII

ШОПИНГОМАНИЯ – ДИТЯ БЫЛЫХ СТОЛЕТИЙ

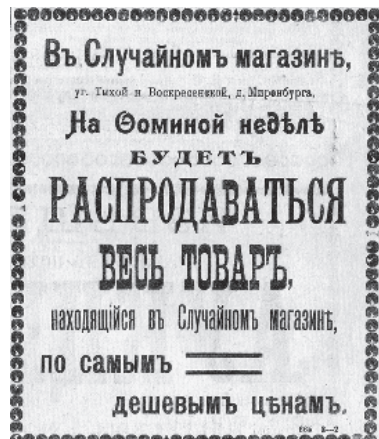
Наука «фоминистика»

«Дни самой большой распродажи – самые счастливые!», – так ответили дамы нашего города на предложение журналиста местной газеты назвать самый счастливый день 1911 года. Действительно, именно женское население города было основным и чуть ли не единственным участником Фоминых распродаж. В эти дни горожане в шутку называли слабый пол «фоминистками». Среди покупательниц были психопатки и нормальные, увлекающиеся и уравновешенные, оптимистки и пессимистки, расчетливые и бережливые, матери семейств и одинокие, старые и молодые. Но всех их можно было условно разделить на несколько основных типов, к каждому из которых был нужен особый подход.

Спортсменка

Фоминая распродажа для нее – арена состязаний. Она вступает в борьбу со стихией лент, кружев, ботинок, модепалана и сатина, ведет сражения с обессилившими приказчиками и берет призы. Она изощряет глазомер и действует натиском. Увлекается, но как истая спортсменка, владеет собой. Покупает не слишком много, но ее покупки самые поразительные. Обходит все магазины, не пропуская ни единого газетного объявления. Ей нужно не количество, а качество.

Вот сатин с самым модным рисунком, который обыкновенно стоит 45 копеек. Она же заплатит 20 – меньше, чем вдвое. И какой свежий – точно прямо с фабрики!

И в каждом магазине она приобрела кусок такого удивительного сатина или батиста. Надо уметь купить! В этом ее гордость. Она ненавидит залежалый товар, и на нем ее не провести. Омут распродажи для нее не страшен – она прекрасно тренирована.

Торговцам на ней не заработать: ей нельзя сбыть какой-нибудь гнили, но зато она создает рекламу распродажам. Своей удачной покупкой она прожужжит все уши своим приятельницам, покоряя самых предубежденных. А мужу своему она будет толковать о своих необыкновенных талантах и способностях, находящих себе полное применение только раз в году – на Фоминой неделе.

Идеалистка

В распродаже она находит целую симфонию переживаний – исполнение долга семьянинки, соблюдающей экономию, единение со всей этой толпой в цветных жакетах и огромных шляпах, воодушевление, страсть, азарт, потерю воли и размышления.

От ее первоначальных планов обыкновенно ничего не остается. Она может провести весь день в одном магазине, лишь бы опустошился ее кошелек, задерживается на распродаже, пока не израсходует все до копейки. Домой возвращается нагруженная свертками, с полным убеждением, что на весь год осчастливила свою семью и укрепила ее шаткий бюджет:

– Вот это вдвое дешевле обыкновенного, вот это – на два рубля, вот это – на рубль...

Положительно она приобрела целый капитал! Правда, большинство приобретенных вещей вовсе не входило в ее планы, но все равно, могут пригодиться. Особенно много вещей приобретено для подарков и для непредвиденных случаев. Словом, очень выгодная покупка.

Клептоманка

Ее узнают по беспокойному взгляду и широкой накидке, под которую можно захватить несколько штук материи и несколько пар ботинок или калош.

В дни распродаж болезнь kleптоманией доходит до высшего предела. Груды наваленного товара опьяняют, приводят в нервное, даже болезненное состояние. Руки сами собой протягиваются и захватывают все, что попадает: гребни, спичечницы, шарфы, веера. Вскоре под накидкой образовывается целый склад, с которого в свою очередь можно устроить распродажу.

Опытные приказчики их сразу узнают и поступают с ними сообразно их рангу и положению. За иными следят шаг за шагом и действуют мерами пресечения. За другими также следят, но оставляют в покое, чтобы потом послать счет к ним на дом, ведь kleптоманией страдают не только безвестные личности. Но вообще стараются, чтобы все было возможно тише и не доходило до полицейских протоколов. Ведь, в сущности, kleптоманки с возбужденными лицами способствуют общему гипнозу Фоминой распродажи. Они проводят в магазинах весь день, заражая других своей нервозностью, и к вечеру возвращаются домой обессиленные и готовые разразиться истерическим припадком.

Витрина магазина

Пессимистка

Она не верит ни в какие распродажи в мире. Все это бессовестное надувательство, которое она не намерена поощрять:

– Покупать для «освежения товара» всякую гниль – благодарю покорно! У меня и так достаточно в доме старья, которое нужно выбрасывать.

Но все-таки, она берет свою сумку и идет на распродажу. Именно для того, чтобы доказать, что там ничего нельзя купить. С той же целью экономического опыта она, в конце концов, приобретает все, что попадет под руку и недовольная, брюзжащая, жалующаяся на опустошенный кошелек и отдавленные мозоли, является домой все с теми же свертками мануфактуры и галантереи. И еще долго ее брюзжание будет оживлять стены семейной обители.

«Гастролерши» тоже не зевали

Распродажа привлекала внимание не только любителей дешевки, но и профессиональных магазинных воровок. За 18 апреля 1911 года в разных частях города сыскная полиция задержала 21 воровку.

Было установлено, что в большинстве случаев они приезжали в Екатеринослав «на гастроли» из других мест. Почти все они были «оснащены» множеством карманов и скрытыми в юбках мешками для кусков и отрезов материи.

24 апреля в гостинице «Националь» были задержаны три подозрительные дамы, только накануне прибывшие из Одессы и одетые не только прилично, но даже щегольски. При задержании они предъявили паспорта на имя Агинской, Геллер и Торговецкой. В одном из занимаемых ими номеров найдены запакованными и уже готовыми к отправке две корзины и два узла, в одной из корзин – шелк, чесуча, дорогие сукна. Вторая переполнена дорогими мужскими ботинками. В узлах оказались холст, полотно и носовые платки. У Торговецкой обнаружили также 200 рублей наличными, и целую связку мануфактурных ярлыков.

Сыскное отделение, где хранился забранный товар, посетили местные торговцы и доверенные лица Жирардовского магазина, которым было возвращено товара на сумму 800 рублей. Кроме того, много никем не опознанных вещей так и остались в полиции. Как выяснилось, «гастролерши» прибыли в город накануне и собрали столь обильную жатву едва ли не за один день.

– Чистая работа! – заявили купцы местному корреспонденту.

У каждого свои итоги

О каких-либо финансовых итогах недели распродаж в Екатеринославе информации не сохранилось. Торговцы и купцы держали в секрете свои экономические показатели. Отчетов в архивах не обнаружено. Но о том, что это было выгодным делом, говорит сам факт повторяющихся из года в год дешевых Фоминых распродаж. Об этом свидетельствует бешеная реклама огромного формата, заполнявшая страницы местных газет, и так едко высмеянная автором начала прошлого века:

«Ведь простодушный обыватель падок на рекламу, всякую дешевку. А вот накупит разной дряни, глядишь – через неделю дрянь дала себя знать! Прохудились, прежде всего, карманы. Прохудились в прямом и в переносном смысле. Ведь все делается на живую нитку. Ну, да и обыватель-то простодушный, не есть ли существо, сшитое на живую нитку? Ликуют торговцы Зильберманы, Шульманы, Джигиты, а плачут покупатели Ивановы, Сидоровы, Дорошенки... Ох, Фомина, Фомина...»

Новелла XVIII

ГОРОЖАНЕ ТОНУЛИ В ЛУЖАХ

Урбанизация аукнулась потопом

Проследив историю Екатеринослава из года в год, можно обнаружить тревожную закономерность. В июне город заливали дожди, в июле он страдал от пожаров, в августе его посещали холерные эпидемии. Хотя последние и считались самым грозным бедствием, но водная и огненная стихии также приносили огромный материальный урон и зачастую человеческие жертвы. И если бесчинство пламени с большим или меньшим успехом сдерживали пожарные части, то бороться с наводнениями было куда сложнее.

Впервые проблема наводнений стала перед Екатеринославом в начале 1890-х годов. Ливень, обрушившийся на город 24 июня 1891 года, продолжался два с половиной часа и принес значительные разрушения.

Дома в балках и низинах оказались затопленными по крыши, многие строения были снесены до основания. По проспекту и бульварам вода неслась сплошным потоком в полтора аршина (107 см) глубиной. Были снесены деревянные и каменные мосты.

Наводнение в Екатеринославе, улица Стародворянская (ул. Князя Владимира Великого). Эвакуация на лодках из гостиницы Брюссель. 1908 год

Одной из причин трагедии стали изменившиеся к концу столетия условия городской жизни. Скученность построек, замощение дворов, вздорожание земельных участков вызвали увеличение числа подвальных помещений. Канавы, ранее открытые, теперь перекрывались сводами, что затрудняло отток воды. А впитываться в землю ей мешали возникшие мостовые. Тогда Городская Дума постановила отдать участки земли потерпевшим от наводнения по льготной цене – 1 рубль за кв. сажень (ок. 4, 55 м² – *Ред.*). Переселяли их в местность, получившую название «Новые планы» (ныне – территория улицы Грушевского выше улицы Святослава Храброго).

Вода приходила извне

19 и 20 июня 1898 года ливни причинили Екатеринославу новые бедствия. Значительная порча мостовых нарушила свободное перемещение по городу. Памятуя наводнения 1891-92 годов, горожане стали задумываться, как обезопасить себя впредь от подобных катастроф. Ведь поручиться за то, что ливни достигли своей предельной силы и продолжительности, не мог никто.

Как известно, главную опасность представляла не непосредственно выпадающая на улицы вода (от нее страдали только мостовые), а потоки, устремлявшиеся к центру города из оврагов (балок) при их переполнении. Балки эти начинались на возвышенностях, находящихся на юге, далеко за городской чертой. Так что зачастую, вода в канавы сильно прибывала только спустя время после окончания дождя. Когда же канавы переполнялись огромным количеством воды, начиналось затопление их берегов, т. е. городских улиц.

Разлив реки Днепр. 1908 год

До конца 1880-х годов такого не происходило, так как овраги доходили до Днепра, а их размеры не были ничем ограничены. Но потом склоны балок начали укреплять, а сами балки засыпать, чтобы создать новые площади под застройку. Полученная от этого выгода была огромной, и о возвращении балок в их прежнее состояние не могло быть и речи.

Решение проблемы проморгали

Существовавшие проекты увеличения пропускной способности оврагов путем их расширения и прокладки труб так или иначе затрагивали интересы градостроителей и самих горожан. Достигнуть желаемого результата можно было лишь осуществив водоотвод в овраги, впадавшие в Днепр в районе Мандрыковки ниже по течению. Для этого город нужно было отрезать от вышележащих местностей искусственным каналом, который начинался бы от Рыбаковой и пересекал Аптекарскую и Жандармскую (ныне Длинная) балки. Его прокладка затруднений не представляла, так как рыть канал пришлось бы в мягких породах, а убыток от одного только наводнения значительно превосходил необходимые для строительства суммы. Кстати, затраты дополнительно окупались бы улучшениями в благоустройстве города. Он избавлялся от массы ненужных открытых канав, использовавшихся обывателями в качестве стихийных свалок. Кроме того, занятую этими канавами землю можно было выгодно продать, дополнительно увеличив рентабельность проекта. Все эти аргументы приводились в местной печати после 1898 года. Но до дела так и не дошло, и наводнения продолжались, принося убытки городскому хозяйству.

Озерка превратилась в озеро

За нерасторопность и волокиту природа отомстила Екатеринославцам страшным наводнением 1915 года. 23 июля около 11 утра разразился невиданный ливень, с эпицентром в районе проспекта Пушкина. Потоки воды, сметая все на своем пути, хлынули с Надеждинской улицы (ныне Надежды Алексеенко) на Озерный базар. Против них не могли устоять ни люди, ни животные, ни автомобили. Все нижние этажи зданий, подвалы и погреба оказались затопленными. Вызванная на подмогу пожарная команда на Пушкинском проспекте вынуждена была остановиться, т. к. лошади не могли двигаться против потоков воды. Панорама Озерки представляла собой страшную картину разрушений. Особенно пострадали мелкие тор-

говцы, чей товар располагался на столах и ларях. Забыв о своих товарах, они стали карабкаться на колонны и крыши. Между рядами магазинов стояли сплошные озера воды, смешанные с керосином, лаком, красками, смолой, где плавали разные продукты и предметы из затопленных лавок и погребов.

Опрокидывая телефонные столбы и сметая заборы, потоки воды пронеслись через базар к Управлению Екатерининской железной дороги. Здесь образовалась стихийная переправа. За перевоз на ломовых брали 15-20 копеек. Открытые дворниками люки на мостовых мгновенно скрылись под водой. Даже знаков над ними поставить не успели...

Гласный ударил в грязь лицом

Но так уж устроена природа, что, как известно, от грустного до смешного зачастую рукой подать. Вот какой случай находим в воспоминаниях современника тех отнюдь не веселых событий.

Один из членов городской «говорилки», как екатеринославцы ласково называли Думу, решил доказать несостоятельность обывательских воплей на отсутствие переходов через улицы после ливней. Он заявил, что без труда перейдет скопившуюся грязь в любом, пусть

даже самом глубоком месте Скаковой улицы (ныне улица Антоновича). В один из грязнейших дней он решил исполнить обещанное на перекрестке с Полевой (ныне проспект Александра Поля), но посередине, увязнув по колена, стал взывать о помощи. Собравшаяся публика хотела было помочь, но, узнав, что это главный

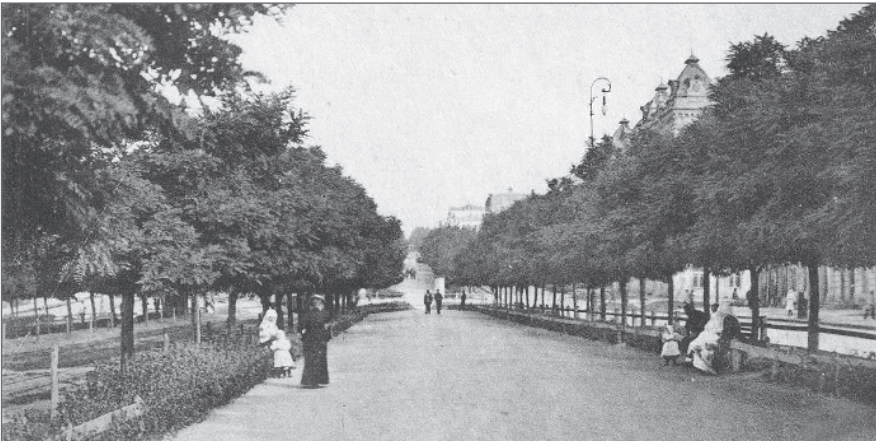
виновник ее бед, стала издеваться над несчастным, требуя клятвенного обещания сделать на всех улицах переходы. Член «говорилки» уже совсем было согласился дать требуемую клятву, но бывший среди публики думский писарь побежал в пожарную часть и вернулся с лошадью и арканом. Петля была заброшена на увязшего, и при помощи лошади опростоволосившегося гласного извлекли из грязи на сухое место.

ЦАРСТВО БЕЛОЙ АКАЦИИ

Бульвары — как предмет культа

Впервые деревья на главном проспекте нашего города были посажены более 170 лет назад. История связывает это с именем Екатеринославского губернатора Андрея Яковлевича Фабра. Посередине проспекта было проложено шоссе, а по бокам его — бульвары, на которых в четыре ряда были посажены пирамидальные тополя вперемежку с кленами, ясенями, берестами, вязами, каштанами. Между деревьев красовались огромные кусты сирени. Каждые два ряда составляли бульвар с аллеей в центре. Бульвары были обнесены перилами, аллеи утрамбованы и посыпаны песком.

Гулять по бульварам считалось не только приятно, но и полезно. Вот что писала местная газета в начале 1900-х годов:

Бульвар на Екатерининском проспекте

«От здания Городской Управы до Горного училища на бульварах прогуливались дамы. Да какие дамы: кровь с молоком и весом не меньше питомцев экономии Бабушкина и Бродского (*известные скотпромышленники — Ред.*). Оказывается, они совершают моцион, прогуливаясь не по собственному желанию, а по воле врача, прописавшего лечение топографией проспекта». Действительно, подъем в

гору был в этом месте самый крутой. «А если прибавить к этому и аромат акаций, то вы не только похудеете, но и помолодеете на несколько десятков лет!» – дополнял автор статьи.

Разросшиеся деревья давали прекрасную тень, не требовали поливки, но со временем состарились. К концу 1880-х годов пошли слухи о готовящейся вырубке деревьев. В «Екатеринославских губернских ведомостях» появились «подготовительные» статьи. Вот цитата из одной такой публикации.

«Нельзя не указать Городской Управе на небывалое до сих пор безобразное состояние наших некогда прекрасных бульваров для гуляний. Благодаря сильным ветрам, верхний настил их совершенно исчез и гуляющей публике приходится учинять моцион по острым камням, кирпичам. Прибавьте сюда малое количество скамеек для отдыха, полуразрушенный барьер и много совершенно высохших деревьев с оголенными, безобразно торчащими ветвями – и картина наших «Елисейских полей» готова. Думаем, что Управа в отношении публики могла бы о них больше заботиться».

Порубку вдохновлял Парфентьев

Весной 1894 года Городская Дума принимает решение о капитальной перестройке проспекта. В его центральной части на шоссе было решено устроить трамвайные линии. Однако укладке рельсов, установке столбов и навеске проводов мешали старые разросшиеся деревья. Аллеи на бульварах решено было расширить, поставить новые ограждения и скамейки. Но первоочередным моментом благоустройства была замена старых деревьев новыми, главным из которых по предложению местного ботаника Ивана Яковлевича Акинфиева стала белая акация.¹⁾

Осуществление проекта началось незамедлительно. Основным вдохновителем его был член Городской Управы Михаил Парфентьев, а исполнителем – городской садовник Бауман, по отзывам современников, хорошо знавший свое дело. Рубить деревья начали на двух средних бульварах, напротив Городской Думы – от улицы Управской до Александровской (ныне Екатеринославский бульвар и улица Сечевых Стрельцов).

¹⁾ В 90-х годах XIX столетия ботаники обсуждали вопрос озеленения городов. Для каждой губернской столицы ученые подобрали «свое» дерево, которое бы прижилось в конкретных климатических условиях и стало своеобразной визитной карточкой города. Для Киева был предложен каштан, для Одессы – платан, для Сум – липа. Главным деревом Екатеринослава должна была стать белая акация.

По городу пополз ропот, усиливающийся с каждым днем. Как можно любимцев горожан, спасавших их летом от духоты и пыли, так быстро уничтожить? «Или увековечить себя захотели члены управы этими разрушениями?» – спрашивали горожане. «Свести Фабровские бульвары! А призрак Фабра, того грозного губернатора, который при жизни драл за уши учеников и колотил чиновников за сорванную ветку сирени, теперь обливается неземными слезами.²⁾ Но какое же название дадут теперь бульварам – Баумановские, Парфентьевские или Управские? А может быть Грековские?!!»

Дума схлестнулась с Управой

Гласный А. Я. Толстиков заявил в Думе, что ужаснулся, когда увидел, как под корень рубились великаны бульваров и лично остановил порубку. В ответ ему заявили, чтобы он не вмешивался в дела Управы – она знает, что делает.

Городской голова И. Г. Греков получил массу анонимных писем, где содержались намеки на то, что он собирается назвать бульвары своим именем. Тогда же с открытым письмом к членам управы обратился И. Я. Акинфиев, знаток местной растительности, преподаватель природы в учебных заведениях города, автор работы «Растительность г. Екатеринослава». Он писал, что горожане до глубины души возмущены происходящим. Приступив к реконструкции бульваров, Управа сплошь вырубает свежие, красивые деревья. Он требовал прекратить вырубку и присыпать землей обнаженные корни. Тогда Дума постановила прекратить работы, но это не помогло. Пришлось городскому голове лично запретить рубить деревья, но и это не возымело действия. Уничтожение деревьев продолжалось. Одни деревья рубили тайком, по ночам, у других обрывали корни, чтобы дерево засохло.

За умышленное невыполнение постановлений Думы и превышение власти Парфентьева предлагали привлечь к уголовной ответ-

²⁾ Вот как «прокомментировали» зlobу дня – вырубку бульваров – члены школы садоводства, устроившие по этому случаю настоящее карнавальное шествие. Впереди шел одетый обыкновенно человек, загримированный под одного из управленцев. В руке он держал огромную секиру, под мышкой – сверток кожаного товара (Парфентьевы торговали кожами и товарами из них). Следом шел бульварный сторож в униформе. Далее следовал толстый древесный пень и полузасохшее деревце с веткой. Заключала шествие тень губернатора Фабра (как гласила подпись) – в саване и под зонтиком. Группа была встречена бурными аплодисментами и получила первый приз.

ственности. Но пока Дума собиралась наказать исполнителей, деревья продолжали валить по ночам. А изумленному пешеходу приходилось только охать по утрам, с грустью рассматривая свежие следы вырубки.

Акация — всерьез и надолго

На проект «заключительного переустройства бульваров», рассмотренный Городской Думой 31 октября 1897 года было ассигновано 10 000 рублей. После открытия движения электрического трамвая 14 июня 1897 года по центру проспекта, провели «урегулирование бульваров, переустройство профилей, нивелировку бульваров с полотном трамвая». К 30 января следующего года оставшиеся старые деревья на проспекте от городской Думы до Соборной площади были срублены все. С приходом весны выполнили земляные работы и посадили новые деревья – белые акации. Посаженные на бульварах молодые деревья первые несколько лет напоминали воткнутые в землю метлы. Столбы с табличками «Фабровский бульвар» восстановлены не были и со временем о них забыли.

Впрочем, со стороны города были приняты все меры к уходу за новыми деревьями. Их окапывали, обильно поливали, засохшие ветви удаляли, а молодые побеги своевременно срезали для придания формы кронам.

Вскоре акация подросла и расцвела кистями белых душистых цветов. Проспект преобразился, и, как писал в 1899 году Владимир Гиляровский, красотой своей «главный проспект Екатеринослава может поспорить с лучшими улицами мировых столиц». На содержание бульваров городская Дума в 1903 году отпустила 9 786 рублей. За деревьями наблюдал специальный садовник. Шесть сторожей в униформе следили за уборкой и поливкой. Молодые деревья ровняли с помощью растяжек, ограду ремонтировали, бульварные скамейки ежегодно красили. Зеленый и ухоженный бульвар стал любимым местом гуляния горожан, а сам Екатеринослав – превратился в настоящее царство белой акации. Так дерево из Северной Америки более ста лет тому назад получило прописку на главном проспекте нашего города и стало любимым деревом горожан. Всякое другое дерево в этом царстве белой акации казалось случайным. Легкость посадки и невзыскательность в уходе, красивые цветы, хорошая способность переносить жару и недостаток влаги, продолжительное сохранение листвы осенью, быстрый рост и сто лет жизни – вот преимущества акации перед всеми другими растительными породами. Гроздь белых душистых цветов акации благоухают на проспекте и сегодня – как на старых так и на молодых деревьях. Она – часть истории нашего города и его главного проспекта.

Владимиръ МАШУКОВЪ

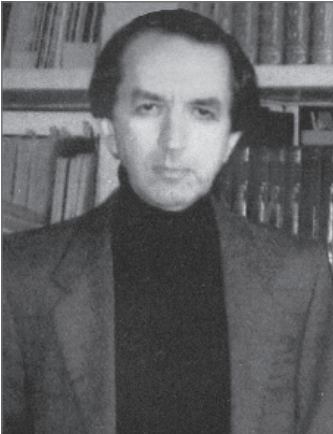
Воспоминанія
о городѣ Екатеринославѣ

(1887—1910 г.г.).

Екатеринославская Дума.

Предисловие Евгения Саминского

Е. М. Саминский

Имя автора этих воспоминаний сегодня знакомо только узкому кругу историков-краеведов. Между тем в Екатеринославе начала XX столетия этот человек был хорошо известен и заслуживает того, чтобы мы вспомнили о нем и о его книге.

Владимир Дмитриевич Машуков родился в 1866 году в Барнауле, получил военное образование в Петербурге и двадцатилетним подпоручиком прибыл в Екатеринослав к месту службы в 133-м пехотном Симферопольском полку. Здесь он прослужил почти тридцать лет: принимал участие в русско-японской и Первой мировой войнах, был награжден за храбрость несколькими орденами, стал подполковником и только тяжелое ранение, полученное в 1915 году в Карпатах, положило конец его военной карьере. Известно, что по крайней мере, до 1919 года он продолжал жить в Екатеринославе. Этим годом датированы два его письма к Д. И. Яворницкому, хранящиеся в Днепропетровском историческом музее. Какие-либо сведения о его дальнейшей судьбе отсутствуют.

Однако Машуков интересен нам не столько своей безупречной службой, сколько той бескорыстной увлеченностью «уже отжившей и отживающей стариной», благодаря которой он, не имея специального образования, стал историком, археографом и краеведом. Мы не знаем, когда именно зародилась у него эта страсть, но можем предположить, что ее развитию способствовало следующее обстоятельство.

Приехав в Екатеринослав осенью 1886 года, Машуков попал «с корабля на бал»: — следующей весной город отмечал столетие своего основания. Городские власти постарались отпраздновать

юбилей с максимальным размахом, который позволял тогда еще не слишком богатый местный бюджет. Торжественное шествие и молебен, роскошный банкет в клубе на Воскресенской, иллюминация проспекта (масляными и керосиновыми фонариками), «народные игры» на Ярмарочной площади, фейерверк на Монастырском острове и даже сеанс «волшебного фонаря», собравший толпу в несколько тысяч зрителей.

К числу юбилейных мероприятий можно отнести и появление в 1887 году нескольких книг по истории города, а также издание специального бюллетеня «Екатеринославский юбилейный листок», выходявшего с апреля по конец мая того же года. На страницах «Листка» было напечатано множество интересных материалов о прошлом Екатеринослава (воспоминания старожилов, архивные документы, сообщения и т. д.). Эти публикации, конечно, не могли пройти мимо такого любознательного человека, каким был Машуков, и, возможно, уже тогда заронили в нем интерес к истории города, которому еще только предстояло стать для него родным.

Что же касается «коренных» екатеринославцев, то в эти праздничные дни они, кажется, впервые поняли, что сто лет — это достаточный срок, чтобы иметь собственную историю, и что, как всякая история, она достойна изучения. Именно тогда в одном из номеров «Юбилейного листка» было высказано предложение открыть в Екатеринославе собственную ученую архивную комиссию — такую же, как в Твери или Рязани. Оставшийся неизвестным автор заметки считал, что в городе «найдется много лиц с ученою подготовкою, найдется и просвещенное сочувствие к делу». Но «просвещенного сочувствия» пока не хватало.

Екатеринославская архивная комиссия была создана в начале XX века, и Машуков стал одним из ее наиболее активных членов. Он занимался обследованием и разбором архивов, многие документы которых представляли исторический интерес, но могли погибнуть (и в последствии, действительно погибли). Результаты его поисков публиковались на страницах издававшейся комиссией «Летописи». Среди этих (более, чем двадцати) статей, заметок, сообщений можно найти материалы о первых дворянских выборах в Екатеринославе и о землетрясении, случившемся здесь в 1838 г., биографии «местных общественных деятелей», чьи-то воспоминания о «странствующем» театре антрепренера Штейна...

Но главной «темой» Машукова была церковная старина. Во время своих многочисленных путешествий (паломничеств) он посетил огромное количество старых церквей и монастырей Украины и России, исследуя их архивы, составляя описание церковного имущества, делая зарисовки и даже фотографии.

О последних нужно сказать особо, так как собранная им коллекция насчитывала почти полторы тысячи снимков. На 1-й Всероссийской выставке художественно-архитектурных фотографий, состоявшейся в 1911 году в Петербурге, Машуков был удостоен бронзовой медали. Часть его коллекции купила Императорская археологическая комиссия, а остальное он подарил нескольким библиотекам и музеям Петербурга, Москвы и Екатеринослава.

Вероятно, и сегодня в обеих российских столицах где-то хранятся фотографии, сделанные сто лет назад Екатеринославским фотографом-любителем. С них смотрят давно разрушенные церкви и снесенные монастыри. Горькая ирония заключена в том, что такие люди, как Машуков, пытались спасти прошлое от окончательного ухода в небытие, не подозревая, что они стоят на пороге эпохи, когда все старое начнут воспринимать как враждебное и подлежащее забвению.

Воспоминания Машукова о Екатеринославе, написанные в 1910 году, посвящены почти исключительно внешнему облику города и тем изменениям, которые с ним произошли за двадцать три года, прожитые здесь автором. Эта книга показывает, что дома, улицы, церкви, сады — все, что кажется таким незыблемым и долговечным, на самом деле очень изменчиво, и порой бывает достаточно двух десятилетий, чтобы город стал неузнаваем.

Так случилось, что приезд Машукова в Екатеринослав совпал не только с началом второго столетия города, но и с резкой переменной его судьбы. 10 мая 1887 года, на второй день праздника, была пущена первая домна Брянского завода. С этого времени Екатеринослав начинает стремительно и необратимо меняться. Один за другим в нем появляются новые заводы с красивыми европейскими именами: Шодуар, Ланге, Эзау... Из скромного степного городка, главными событиями в истории которого были те, что так и не произошли (имеются в виду неосуществленные планы князя Потемкина и Екатерины II сделать Екатеринослав южной столицей России), он на глазах превращается в крупнейший промышленный город юга России, в этакий «Манчестер-на-Днепре».

Уже с начала 90-х годов Екатеринослав охватывает «строительная горячка», которая будет продолжаться до начала первой мировой войны. Город быстро растет в южном и юго-западном направлениях. За недавно еще окраинной Старогородней улицей возникают кварталы «Новых планов». Появляются многочисленные рабочие слободки. С карты города исчезают обширные площади-пустыри, в свое время так удивившие автора воспоминаний. «Престижный» вид приобретает Екатерининский проспект — на месте прежних, почти сплошь одно- и двух-этажных домов соревнуются в роскоши все новые и новые «Пальмиры» и «Бристоли».

До конца века в городе появляется электрическое освещение и трамвай, еще неизвестные почти нигде в России. К концу первого десятилетия нового века здесь уже есть телефоны, первые автомобили и первые кинотеатры (биоскопы). В 1910 году Екатеринослав наблюдает, как с уходящей в открытую степь Полевой улицы взлетает аэроплан Уточкина...

Не будет большим преувеличением сказать, что за двадцать с небольшим лет, прожитых Машуковым в Екатеринославе, город изменился так же сильно, как за предыдущие сто лет своего существования. В облике Екатеринослава 1887 года еще вполне отчетливо проступали черты, доставшиеся ему в наследство чуть не от XVIII века. К примеру, Екатеринослав 1880-х годов еще достаточно заметно «распадался» на несколько своих исторически возникших «центров»: Соборную гору, Старобазарный и приречный районы, «Фабрику». В частности, единство Екатерининского проспекта (взятого на всем его протяжении от вокзала до Соборной площади) оставалось в значительной степени номинальным. О Екатеринославе 1910 года этого сказать уже нельзя — во многом он ближе к предвоенному Днепропетровску, чем к городу, отмечавшему свое столетие.

Став свидетелем столь стремительных изменений, Машуков не мог не откликнуться на них в качестве историка. Он хорошо понимал, как быстро забывается все, что не было своевременно зафиксировано, потому, что казалось слишком привычным или незначительным. Понимал он, видимо, и то, что в эпоху быстрых перемен личные воспоминания могут приобретать статус исторического источника еще при жизни мемуариста. В результате появилась эта своеобразная книга, в которой его собственные (и, как следствие,

неполные) воспоминания легли в основу систематизированного описания города двадцатилетней давности.

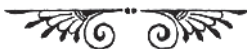
Автор постарался придать своей книге форму научной статьи (он, впрочем, и называет ее статьей) с подробной рубрикацией материала и многочисленными библиографическими ссылками. Чтобы сделать изложение более полным, он широко использует исторические и мемуарные свидетельства своих предшественников. Но главный интерес для нас все-таки представляют его собственные воспоминания, наблюдения и впечатления, за которыми порой угадываются живые черты самого Владимира Дмитриевича — человека любознательного, непоседливого и... педантичного (каким и пристало быть военному и архивисту).

Екатеринослав, который вспоминает Машуков, — это город, существовавший еще совсем недавно, но уже успевший отойти в область заверченного прошлого. В него больше нельзя попасть, как нельзя снова войти в пресловутый Гераклитов поток.

«Приехав в Екатеринослав в 1886 году, я застал...», — не раз повторяет Машуков в своей книге. В том необозримо далеком от нас году он застал тихий южный город, кварталы которого переходили в нетронутую степь.

Город жил своей медленной и неприметной жизнью. Зимой его засыпал снег, весной на его немощеных площадях цвели полевые цветы. Этого города давно уже нет. Он исчез, растворился внутри другого, шумного и торопливого. Но когда-то он был! И воспоминания о нем Машукова — тому свидетельство.

Евгений САМИНСКИЙ,
заведующий отделом редкой книги
НБ ДНУ им. Олесь Гончара с 1994 по 2008 годы

В. Машуковъ.

Воспоминанія о городѣ Екатеринославѣ

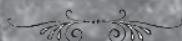
(1887—1910 г.г.).

Предмѣстья и слободки. Перечни храмовъ и описаніе кладбищъ. Происхожденіе названій и вѣтшія видѣ некоторыхъ улицъ, Екатерининскій проспектъ. Екатеринославскіе сады. Способы передвиженія. Состояніе погоды. Главы дополнительныя.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПОСѢТИТЕЛЯМЪ.

Южно-Русской Областной Сельскохозяйственной Выставки 1910 года
въ г. Екатеринославѣ.

ЦѢНА 40 КОПЕЕКЪ.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ
Типографія Губернскаго Вѣдѣнія.
1910.

Владимиръ Дмитріевичъ Машуковъ

В. Машуковъ.

Воспоминанія о городѣ Екатеринославѣ

(1887—1910 г.г.).

Предмѣстья и слободки. Перечень храмовъ и описаніе кладбищъ. Происхожденіе названій и внѣшній видъ нѣкоторыхъ улицъ, Екатерининскій проспектъ. Екатеринославскіе сады. Способы передвиженія. Состояніе погоды. Глава дополнительная.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПОСѢТИТЕЛЯМЪ
Южно-Русской Областной Сельскохозяйственной Выставки 1910 года
въ г. Екатеринославѣ.

ЦѢНА 40 КОПЕЕКЪ.

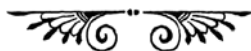

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.
Типографія Губернскаго Земства.
1910.

Рглавленіе.

	Стан.
Предисловіе	3
Названія предмѣстій города, слободокъ и улицъ	5
Храмы города Екатеринослава	12
Кладбища	14
Памятники	20
Казенныя и общественныя зданія и постройки для войскъ мѣстнаго гарнизона	23
Воспоминанія о нѣкоторыхъ магазинахъ, лавкахъ, гостин- ницѣ и объ отсутствіи торговли на Соборной горѣ	28
Екатерининскій проспектъ	30
Внѣшній видъ улицъ и площадей	36
Сады города Екатеринослава	42
Способы передвиженія	51
Иллюминація и уличное электрическое освѣщеніе	53
Климатъ Екатеринослава и нѣкоторыя оставшіяся для меня особенно памятные измѣненія въ состояніи погоды	56
Наиболѣе красивыя виды изъ города и на самый городъ	61
Лагерь войскъ мѣстнаго гарнизона, городскія дачи и окре- стности г. Екатеринослава	66
Глава дополнительная	72

Воспоминанія

ОБЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ ЗА ПОСЛѢДНІЕ ДВАДЦАТЬ ТРИ ГОДА ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ

(1887—1910 г.г.).

Въ Екатеринославъ я пріѣхалъ 20 сентября 1886 года. Больше всего меня поразила главная улица города „Екатерининскій проспектъ“ съ чудными бульварами, идущими, двумя линиями на разстояніи 2—3 верстъ, (длина всего проспекта около 4 верстъ), при общей ширинѣ проспекта въ 30 сажень. Удивила также сравнительная ширина и прямолинейность многихъ другихъ, улицъ и, наконецъ, обширныя, ничѣмъ не застроенныя, немощеныя, пыльныя площади: прежняя *Ярмарочная* (нынѣшній районъ между улицами: Мѣткою, Полтавскою, продолженіемъ проспекта и Лагерною), *Тюремная*, называвшаяся въ то время „*Острожною*“ и „*Цыганская*“— нынѣ Александро-Невская. Зато большинство казенныхъ, общественныхъ и частныхъ построекъ не отличались красотою. Частные дома были, преимущественно, одноэтажные (фундаментъ ихъ большею частью окрашенный въ черный цвѣтъ выступалъ немного наружу, имѣя вверху скось, а не выводился подъ одну общую линію съ боковою стѣной) и весьма часто деревянные, обмазанные глиною и снаружи выбѣленные, отчего не знавшіе ихъ устройства легко принимали ихъ за каменные. Мнѣ самому приходилось слышать отъ нѣкоторыхъ пріѣзжихъ лицъ, какъ они, будучи обмануты бѣлизною внѣшнихъ стѣнъ, предполагали, что наняли квартиру въ каменномъ домѣ и, уже проживя нѣсколько времени, убѣждались, что живутъ въ деревянной постройкѣ. Характерною особенностью весьма многихъ домовъ были высокія деревянные крыши и пристроенныя съ боковой стороны, обыкновенно во дворѣ, крытыя сверху, а съ боковой стороны, застекленныя галлерей для параднаго выхода изъ нихъ прямо на улицу, гдѣ надъ крыльцами о двухъ, трехъ большихъ ступеняхъ устраивались деревянные выступные навѣсы съ вогнутыми

откосами ¹⁾). Мощенныхъ улицъ насчитывалось въ городѣ мало и потому грязь была, въ дождливую погоду, ужасная, не говоря уже о вышеупомянутыхъ площадяхъ. Освѣщеніе ночью отличалось большою скудостью, электрическихъ фонарей тогда еще не было.

Измѣненію внѣшняго вида города помогли, въ значительной степени, два сильныхъ ливня, бывшихъ лѣтомъ 1891 и 1892 г.г., послѣ которыхъ, для помощи пострадавшему бѣдному населенію, ютившемуся большею частью по балкамъ, городомъ были отведены на льготныхъ условіяхъ въ, нагорной части (къ западу отъ Старогородней улицы) пустопорожніе земельные участки, получившіе впослѣдствіи общее названіе „Новыхъ плановъ“ ²⁾ съ правильнымъ распредѣленіемъ построекъ въ предупрежденіе новаго несчастья отъ ливней или пожара при скученности прежнихъ строеній. Едва ли не тогда же началась въ городѣ обшая строительная горячка, особенно усилившаяся съ проведеніемъ бельгійскимъ обществомъ линіи трамвая отъ вокзала по Екатерининскому проспекту, съ сѣверо-восточной стороны Каѳедрального собора и далѣе до конца илощади (нинѣ уголъ Мѣткой и Лагерной улицъ). Вмѣстѣ съ этимъ значительно повысилась цѣнность земельныхъ участковъ, за которые начали давать бѣшенныя деньги; дома же стали строить большею частью каменные. Подробной систематической лѣтописи о постепенномъ ростѣ города и измѣненія его внѣшняго вида я не вель, отмѣчая у себя въ разныхъ мѣстахъ лишь нѣкоторое, почему либо болѣе поразившее меня, но думается, что и эти немногія мои воспоминанія ³⁾ могутъ представить

¹⁾ Образцомъ такой постройки служить до нынѣ сохранившійся на сѣверо-восточномъ углу Архіерейской улицы деревянный домъ, съ высокою крышей, въ которомъ помѣщается школа союза русскаго народа впредь до перехода въ спеціальное каменное зданіе на Базарной улицѣ; прежде эта школа находилась по Мѣткой улицѣ, вблизи Лагерной.

²⁾ „Новые планы“ — районъ, нынѣшнихъ улицъ: Новосельской, Юрьевской, Украинской, Конечной и Первозвановской.

³⁾ Весьма желательно, чтобы мѣстные жители прочитавшіе или услышавшіе о моихъ воспоминаніяхъ, а также и другія лица, которымъ Екатеринославъ почему либо хорошо знакомъ откликнулись помѣщеніемъ на страницахъ, мѣстной прессы или въ трудахъ Екатеринославской губернской учений архивной комисіи извѣстныхъ имъ свѣдѣній о быломъ-прошломъ нашего города: то, чѣмъ мы пренебрегаемъ, подчасъ, какъ мало значущимъ, современнымъ намъ, или очень близкимъ къ намъ по времени, не угадывая дѣйствительной будущности, иногда, благодаря совершенно случайнымъ причинамъ, приобрѣтаетъ въ скоромъ времени серьезный, ученый интересъ.

интересъ лицами прїѣхавшимъ на Областную Выставку для сравненія современнаго состоянія города съ тѣмъ, въ какомъ онъ находился относительно еще недавно всего какихъ нибудь 20—25 лѣтъ назадъ. Для болѣе удобнаго пользованія моими воспоминаніями, я подраздѣлил ихъ на нѣсколько рубрикъ.

I. Названія предмѣстій города, слободокъ и улицъ.

Екатеринославъ, какъ городъ ¹⁾ возникшій сравнительно въ позднѣйшее время—въ концѣ XVIII столѣтія ²⁾ не сохранилъ въ себѣ

¹⁾ О городѣ Екатеринославѣ и Екатеринославской губерніи мнѣ извѣстны слѣдующія изданія: 1) Д. И. Эварницкій. „Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа“ съ 55 рис. и 7 планами (ч. I—294 стр. и ч. II— 251 стр.). Изданіе Пантелѣева. Спб. 1888 г. 2) „Отрывокъ повѣствованія о Новороссійскомъ краѣ“ (съ 1781 по 1786 г.) и „Продолженіе очерка о Новороссійскомъ краѣ“ (періодъ съ 1787 по 1837 г.); обѣ статьи составляющія трудъ преосвященнаго Гавриила (Розанова) архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, напечатаны въ Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей: первая въ томѣ III и вторая въ томѣ V записокъ. 3) „Матеріалы для историко-статистическаго описанія Екатеринославской епархіи“—„церкви и приходы XVIII столѣтія“ (трудъ преосвященнаго Феодосія (Макаревскаго) епископа Екатеринославскаго и Таганрогскаго); выпускъ I въ 573 и вып. II въ 372 стр. 4) „Первое столѣтіе города Екатеринослава“ (матеріалы для историческаго очерка) М. М. Владимірова (275 стр.). Екатерин. 1887 г. 5) „Столѣтній юбилей Екатеринослава“. Вып. I, состав. Константинъ Корольковъ (преподав. мѣстн. Духовной Семинаріи) стр. 126—отдѣльный оттискъ изъ №№ 8, 9 и 10 Екатер. Епарх. Вѣдом. за 1887 годъ 6) „Екатеринославское блуканіе“ (177—1791 г.) —21 стр. Александра Егорова. Екатерин. 1887 г. 7) „Устное повѣствованіе бывшаго запорожца жителя Екатер. губ. и уѣзда, селенія Михайловки Никиты Леонтьевича Коржа“ изд. въ Одессѣ въ 1842 году. 8) „Письма изъ Екатеринослава“. Сочиненіе Г. Титова (преподав. мѣстн. Духовн. Семинар.). Изд. въ Одессѣ въ 1849 году. 9) „Памятныя книжки Екатериносл. губ.“, издававшіяся въ семидесятыхъ годахъ XIX столѣтія Екатеринославск. Губернскимъ статистич. комитетомъ. 10) „Екатеринославскій юбилейный листокъ за апрѣль и май мѣсяцы 1887 года“ (въ количествѣ 25 номеровъ и 256 страницъ текста), издававшійся подъ редакціей городского головы И. М. Яковлева. 11) „Лѣтопись Екатеринославской ученой архивной комиссіи“; а) *годъ 1-й* (298 стран.). 1904 г., цѣна 1 руб. 50 коп.; б) *годъ 2-й*, ч. 1 (205 стр.) 1905 г., цѣна 1 р. 50 к.; в) Я. П. Новицкій „Исторія гор. Александровска“ (Екатерин. губ.) въ связи съ исторіей возникновенія крѣпостей Днѣпровской линіи (стр. 176, 1905 г., цѣна 75 коп.; г) *годъ 3-й* (выпускъ IV, 368 стр.) 1908 г., цѣна 1 руб. 50 коп.; д) *выпускъ V* (189 стр.) 1909 г., цѣна 1 руб. Изданія архивной комиссіи продаются въ ея помѣщеніи, въ зданіи Коммерческаго Училища. 12) В. Машуковъ „Матеріалы къ изученію церковной старины Украины“ Преображенскій соборъ и ризница архіерейскаго дома въ Екатеринославѣ. Троицкій соборъ въ г. Новомосковскѣ, Самарскій Николаев-

какихъ либо древнихъ урочищъ, но, все-таки, нѣкоторыя названія напоминають уже объ отжившей или отживающей старинѣ.

а) Предмѣстье.

Мандриковка. На мѣстѣ нынѣшняго губернскаго города Екатеринослава во второй половинѣ XVIII столѣтїя существовала старожитная казачья слобода „*Половица*“. Когда эта слобода была переименована въ Екатеринославъ запорожець Андрей Мандрыка въ концѣ XIII столѣтїя не пожелалъ остаться въ городѣ и перешелъ на южный склонъ горы и около него постепенно образовалась Мандри-

скій монастырь и Успенская церковь въ Вороновкѣ, въ Екатериносл. губ. (63 стр. со многими рисунками). Харьковъ. 1905 г., цѣна 1 р. 25 к. (отдѣльный оттискъ изъ сборника Харьковск. Историко-Филологич. Общества т. XVI. 13) „*Самарскій Екатери. епархіи Пустынно-Николаевскій монастырь*“ (преосвящен. Феодосія (Макаревскаго) епископа Екатериносл. и Таганрогскаго). 14) „*Екатеринославскій Тихвинскій женскій монастырь*“ (53 стр.). Екатеринбург. 1874 г. 15) „*Стольтіе Екатеринославской классической гимназіи*“ (1805—1905 г.). Краткій историч. очеркъ, состав, преподав. гимназіи Э. Локоть (386 стр.). Екатеринбург. 1908 г. 16) „*Каталогъ Екатеринослав. областного музея имени А. Н. Поля*“ (296 стр.). Составили: отдѣлъ археологіи А. Скриленко и отдѣлъ этнографіи (съ рисунками) В. Бабенко. 17) „*Весь Екатеринослав*“ справочная книга на 1898 г. изд. В. В. Буравого, въ послѣдующіе годы издается Сатановскимъ. 18) „*Приднѣпровье*“ (календарь-ежегодникъ) А. Г. Овчинникова. Это изданіе, при обилїи находящагося въ немъ справочнаго матеріала, относящагося къ современному состоянію города, является весьма полезнымъ для всѣхъ прїѣзжихъ. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Екатеринослава. Цѣна его въ 75 коп. очень недорогая, особенно принявъ во вниманіе, что къ тексту приложены: планъ Екатеринослав, маленький планъ открывающейся 1 июля сего 1910 года южно-русской областной выставки и небольшая карта Екатеринославской губерніи. 19) „*Планъ г. Екатеринослава*“. Желаящіе имѣть отдѣльный планъ, города съ краткимъ объяснительнымъ текстомъ на поляхъ самаго плана могутъ прїобрѣтать его въ книжномъ магазинѣ; В. Е. Алексѣева (проспектъ). Цѣна плана 25 к. 20) „*Вѣстникъ южно-русской областной выставки въ г. Екатеринославѣ*“. Началось изданіе 4 декабря 1909 года съ № 1-го и продолжается періодически. 21) „*г. Маріуполь и его окрестности*“ (отчетъ объ учебныхъ экскурсіяхъ Маріупольской Александровской гимназіи) (стр. 516). Изд. Д. Ал. Хараджаева 1892 г. 22) „*Число и порядокъ запорожскихъ стечей*“ Д. И. Эварницкаго. Изд. Кіевской старины. Кіевъ, 1884 г.

²⁾ Днемъ основанія Екатеринослава принято считать день первоначальной закладки Преображенскаго собора, состоявшейся 9 мая 1787 г. въ Высочайшемъ присутствіи Государыни Императрицы Екатерины II-й и австрійскаго императора Іосифа II-го; нинѣшній каедральный соборъ заложенъ въ 1830 году на мѣстѣ прежней закладки храма и освященъ въ 1835 г. Соборная гора оставалась долго необитаемою, а жители селились внизу, преимущественно, возлѣ нынѣшней приходской Успенской церкви.

ковка ¹⁾). Въ настоящее время часть Мандриковки отошла къ городу и составляетъ юго-восточную его оконечность.

б) Слободки.

Солдатская слободка служить воспоминаніемъ о бывшемъ когда то въ Екатеринославѣ военно-сиротскомъ отдѣленіи (помѣщалось вблизи вокзала въ длинномъ, двухэтажномъ, деревянномъ строеніи), въ которомъ обучались грамотѣ и военному искусству кантонисты (солдатскія дѣти); а еще больше о казармахъ Инвалидной команды, по упраздненіи которой, солдатамъ этой команды была отведена городская земля, гдѣ они и основали „солдатскую“ слободку ²⁾).

„*Фабричная (Покровская у вокзала) церковь*“, „*Фабричное кладбище*“, „*Фабричная слободка*“ и „*Фабричная балка*“ всѣ эти названія, произошли, несомненно, отъ бывшей въ г. Екатеринославѣ казенной суконной фабрики учрежденной для выдѣлки гвардейскихъ тонкихъ суконъ. Управленію фабрики былъ приданъ военный строй; всѣ фабричныя рабочіе считались военными, хотя формы военной не носили; мужъ, жена и все семейство, не исключая и малолѣтнихъ еще неспособныхъ къ работѣ на фабрике получали казенныя пайки, а за работу жалованье при готовой квартирѣ, отопленіи и освѣщеніи ³⁾. Указъ объ открытіи фабрики послѣдовалъ 30 мая 1793 года, а окончательно закрыта она въ 1837 году ⁴⁾ Фабрика находилась вблизи нынѣшняго вокзала желѣзной дороги.

Павловская слободка. По упраздненіи въ 1830 году суконной фабрики рабочіе были переселены въ Павловскую фабрику въ Московской губерніи, а когда упразднилась и эта фабрика они вернулись въ Екатеринославъ, гдѣ имъ былъ указанъ для заселенія участокъ земли, получившій вполнѣдствіи названіе „Павловской Слободки“ ⁵⁾.

Подгорная слободка находится въ мѣстности между Озерною площадью и улицами: Гимнастическою, Извилистою (параллельно Пуш-

¹⁾ Екатеринославскій юбилейный листокъ №1 отъ 9 апрѣля 1887 г. стр. 5 въ рубрикѣ вопросовъ.

²⁾ Воспоминанія Порфирія Яненко (Екатерин. юбилейный листокъ №3 отъ 14 апр. 1887 г., стр. 24-я).

³⁾ Статья Дм. Гасаненко „кое-что о фабрикахъ и фабричной слободкѣ“ (Екатериносл. юбил. лист. №13 отъ 5 мая 1887 г., стр. 116).

⁴⁾ Его-же статья (Екатериносл. юбилейн. лист. №16 отъ 12 мая 1887 года, стр. 148).

⁵⁾ Воспоминанія Порфирія Яненко (Екатериносл. юбилейн. лист. №3 отъ 14 апр. 1887 г., стр. 24).

кинскому проспекту, но кварталомъ ближе къ Озерной площади) и Александро-Невскимъ спускомъ. По попоминаніямъ Порфирія Яненко „Тюремная площадь сплошь до фабричнаго кладбища представляла „заросшую луговую степь, на которой существовали три вѣтряныя „мельницы. Съ устройствомъ тюремнаго замка образовалась около „него Подгорная слободка, имѣя вблизи озеро глубокое и обширное „(Озерная площадь), удобное для разведенія домашней птицы и водо- „поя“¹⁾. Въ 1886 году я засталъ эту слободку густо заселенною съ маленькими деревянными домиками разставленными безъ всякаго плана между узкими и кривыми улицами и мнѣ всегда представлялось, что во время пожара, да особенно еще при вѣтрѣ здѣсь можетъ быть большое несчастье и дѣло врядъ-ли обойдется безъ чело- вѣческихъ жертвъ. Мало по малу принимаются мѣры привести въ порядокъ и эту слободку. Весьма возможно, что послѣ проведенія черезъ нее правильныхъ улицъ и разбивки на кварталы исчезнетъ, всякая память о самой слободкѣ, очутившейся теперь среди город- скихъ построекъ.

Чечелевская, прежде, слободка, а теперь улицы: 1, 2, 3, 4 и 5 чечелевскія. По воспоминаніямъ Порфирія Яненко „городская земля, „равнина, за фабричнымъ кладбищемъ отдавалась по найму подъ „хлѣбопашество и огороды, но когда началась постройка желѣзной „дороги и моста черезъ Днѣпръ, то разный пришлый мастеровой „народъ, не имѣя приюта, началъ рыть тамъ себѣ землянки, дѣлать „курени и домики для жилья, и мало по малу устроили большую „слободку, которую назвали Чечелевскою; названіе это дано потому, „что первый поселился тамъ въ землянкѣ отставной старый солдатъ „Чечелевъ“²⁾.

в) У л и ц ы.

Екатерининскій проспектъ. Эта главная городская улица, обсаженная чудными бульварами, какъ и самый Екатеринославъ, получила свое названіе въ честь державной основательницы города, Государыни Императрицы Екатерины II.

Потемкинъ дворець (нынѣ домъ дворянства Екатеринославской губерніи), *Потемкинская улица* и *Потемкинскій переулокъ* всѣ эти названія напоминаютъ о свѣтлѣйшемъ князѣ Тавриды Григоріи Александровичѣ Потемкинѣ, по мысли и при особенномъ содѣйствіи

¹⁾ Воспоминанія Порфирія Яненко (Екатерин. юбил. лист. № 5 отъ 19 апр. 1887 г., стр. 43).

²⁾ Екатерин. юбил. лист. № 5 отъ 19 апр. 1887 г.

котораго Екатеринославъ возникъ на его нынѣшнемъ мѣстѣ послѣ неудачнаго выбора прежняго низменнаго, весною заливаемаго, мѣста при впаденіи рѣчки Кильчени въ рѣку Самару ¹⁾ верстахъ въ 6 отъ устья последнѣй.

Названія улицъ: *Архіерейская, Гимназическая и Семинарская* произошли оттого, что первая изъ нихъ идетъ отъ кафедральнаго собора къ архіерейскому дому, а двѣ послѣднихъ проходятъ возлѣ земельныхъ участковъ, на которыхъ выстроены классическая гимназія (старѣйшее въ Екатеринославѣ учебное заведеніе) и Духовная Семинарія.

Базарная улица получила названіе, вѣроятно, отъ привознаго базара, собиравшагося на ней противъ городского кладбища, а можетъ быть еще и отъ деревянныхъ ларей, стоявшихъ среди самой улицы (между улицами Казанскою и Воскресенскою). Нѣкоторыми жителями эти лари въ отличіе отъ базара у Троицкой церкви назывались верхнимъ базаромъ. На верхнемъ базарѣ продавались хлѣбъ, молочные продукты, а также предметы гончарнаго производства. Въ 1909 году для помѣщенія лавокъ выстроены между улицами Казанскою и Троицкою каменный флигель, а деревянные лари отнесены выше по горѣ къ юго-западу за этотъ флигель.

Безулевская улица. Порфирій Яненко въ своихъ воспоминаніяхъ сообщаетъ: „по оврагу отъ городского лѣса (вероятно рѣчь идетъ „про лѣсъ возлѣ Тихвинскаго женскаго монастыря) существуютъ „издавна кирпичные заводы Рыбаковыхъ и Прозоровыхъ; работающіе „на этихъ заводахъ-бѣдные люди тамъ же, вблизи, начали устраивать себѣ для жилья землянки, избушки и домики, и, такимъ образомъ, заселились слободки Прозоровская и Рыбаковская, а выше „ихъ, въ послѣдніе уже годы, заселились самовольно слободки: Мо- „настырская (находясь по дорогѣ къ женскому монастырю) и *Безу- „левская*; послѣдняя названа такъ потому, что первая поселилась тамъ „въ землянкѣ мѣщанка Анастасія Безулева, которая нѣсколько разъ „была въ Іерусалимѣ и считалась потому имѣющею копейку; въ виду „этого она, Безулева, въ 1885 году, въ ея домикѣ найдена изрубленною въ куски неизвѣстными злоумышленниками“ ²⁾ Вѣроятно и самая улица получила названіе въ память Безулевой.

¹⁾ Здѣсь въ 1777 году Азовскій губернаторъ генер.-поручикъ Василій Алексѣевичъ Чертковъ заложилъ первоначальный Екатеринославъ (Екатеринославъ I й), переименованный въ 1786 году въ Новомосковскъ, который въ 1793 году перенесенъ на его нынѣшнее мѣсто вверхъ по рѣкѣ Самарѣ.

²⁾ Екатериносл. юбилейн. листокъ № 5 отъ 19 апр. 1887 г., стр. 43.

Названія улицъ: Вознесенская, Воскресенская, Троицкая, Казанская и Первозвановская произошли, какъ надо думать, отъ церквей: Вознесенской, строящейся на новыхъ планахъ, Воскресенской — на городскомъ кладбищѣ и приходской Троицкой, въ которой имѣется придѣльный алтарь въ честь св. ап. Андрея Первозваннаго и находится мѣстночтимая Казанская икона Божіей Матери.

Иорданская улица получила названіе, вѣроятно, отъ совершаемыхъ по ней крестныхъ ходовъ ¹⁾ изъ Успенской церкви для водосвященія въ рѣкѣ Днѣпрѣ: 6 января; въ день преполовенія пятидесятницы и 1 августа. Жителями этой улицы являются преимущественно евреи и одно время было даже предположеніе совершать постоянное водосвященіе въ рукавѣ Днѣпра ²⁾ противъ Бураковского (нынѣ Богомоловскаго) острова, но прохожденіе между деревьями по узкимъ извилистымъ дорожкамъ Потемкина сада и крутой спускъ къ нижней части сада оказались слишкомъ неудобными для слѣдованія крестнаго хода.

Улицы: *Нагорная*, составляющая продолженіе Казачьей и *Крутогорная*, ведущая отъ Новодворянской внизъ къ Литейной уже самыми своими названіями показываютъ, что первая именуется отъ ея подъема на гору, а последняя отъ крутости спуска. Мѣстность последней извѣстна, у нѣкоторыхъ, еще подъ именемъ Мусманской горы. Просматривая опись за 1830 годъ бывшаго въ Екатеринославѣ и упраздненнаго, за ветхостью, въ 1852 году прежняго каедральнаго деревяннаго успенскаго собора ³⁾ (на мѣстѣ его престола, въ рошѣ къ

¹⁾ Изъ особо установленныхъ крестныхъ ходовъ въ Екатеринославѣ имѣется только одинъ совершаемый съ 1889 года въ 17-й день октября, въ память чудеснаго спасенія Царской Семьи во время крушенія Императорскаго поѣзда возлѣ станціи „Борки“ (Харьковской губ.). Послѣ литургіи въ Троицкой церкви (обыкновенно совершается архіерейскимъ служеніемъ) бываетъ крестный ходъ, при участіи духовенства другихъ градскихъ церквей, на площадь къ Успенской церкви, гдѣ въ разбиваемой холщевой палаткѣ служатъ молебень. Въ торжествѣ принимаютъ участіе и войска Екатеринославскаго гарнизона.

²⁾ Въ 1899 году 1 августа сюда былъ совершенъ крестный ходъ изъ каедральнаго собора и воду освящали на берегу Потемкина сада между водокачкой и архіерейскимъ садомъ.

³⁾ Текстъ этой описи былъ сообщенъ мною въ 1904 году нынѣ покойному профессору Харьковскаго университета и напечатанъ въ отдѣлѣ матеріаловъ въ томѣ II-мъ трудовъ XIII археологическаго съѣзда (въ Екатеринославѣ въ 1905 г.), изданномъ въ Москвѣ въ 1908 году; тамъ же напечатаны мои сообщенія: 1) воспоминанія Соковинной объ иконѣ „плачущаго Спасителя“ въ Екатеринославскомъ каедральномъ Преображенскомъ соборѣ, 2) находящаяся въ семь же соборѣ памятки старины XVIII столѣтія и 3) выписки изъ описи Троицкой соборной церкви города Новомосковска, учиненной къ 17 іюня 1827 года.

востоку отъ нынѣшней приходской Успенской церкви, поставлень крестъ съ соотвѣтствующею надписью) я находилъ въ числѣ жерво-вателей церковнаго имущества помѣщицу Елену Мусманову, ея сына Петра Мусмана и надворнаго совѣтника Муцмана. Вѣроятно эти лица или кто либо изъ ихъ родственниковъ проживая на сѣверо-западномъ склонѣ соборной горы усвоили ближайшей къ себѣ мѣстности названіе Мусманской горы.

Пороховая улица получила названіе должно быть отъ порохового погреба, который и я еще засталъ, по пріѣздѣ въ Екатеринославъ, въ той мѣстности; впоследствии погребъ перенесенъ на другое мѣсто къ лагерю 34 пѣхотной дивизіи.

Провіантская улица. О ней упоминаю потому, что вслѣдствіе предполагаемаго перенесенія на другое мѣсто продовольственнаго магазина (для войскъ мѣстнаго гарнизона), возлѣ котораго она начинается, направляясь къ желѣзнодорожному мосту, самое названіе улицы можетъ сдѣлаться малопонятнымъ. По плану г. Екатеринослава, составленному въ 1885 году, межевнымъ инженеромъ А. А. Пупыриковымъ эта улица значится „Лѣсопильною“.

Пушкинскій проспектъ долженъ напоминать, что когда-то, хотя и очень короткое время, въ нашемъ городѣ жилъ поэтъ А. С. Пушкинъ. Предполагаютъ, что А. С. пробылъ въ Екатеринославѣ всего около двухъ недѣль и, заболѣвъ лихорадкой, уѣхалъ лечиться на Кавказъ, случилось это между 1820—1824 г.г. Какъ разъ при немъ изъ Екатеринославской тюрьмы убѣжали два скованныхъ разбойника бросившіеся въ цепяхъ въ плавь по Днѣпру, что и послужило впоследствии темою для извѣстной поэмы Пушкина „Братья—разбойники“. Въ прежнее время (кажется до 1899 или 1901 года) Пушкинскій проспектъ носилъ названіе „Военной улицы“.

Скаковая улица. Порфирій Яненко сообщилъ на страницахъ Екатеринославскаго юбилейнаго листка ¹⁾, что открытая мѣстность возлѣ Скаковой улицы до Цыганской (нынѣ Александро-Невской) площади была извѣстна каждому и замѣчательна тѣмъ, что „здѣсь „ежегодно на Петра и Павла, при крѣпостномъ еще правѣ и богатствѣ помѣщиковъ, устраивались скачки съ призами отъ государственнаго коннозаводства. Сюда являлся весь міръ, вся знать и аристократія не только мѣстные, но и со всѣхъ странъ пріѣзжавшіе „на ярмарку, здѣсь масса была богачей коннозаводчиковъ, любителей и цѣнителей лошадей; особенно были извѣстны: Евецкій, Герсе-

¹⁾ Екатериносл. юбил. листокъ № 5 отъ 19 апр. 1887 г., стр. 44.

„вановъ, Богдановичъ и Нечаевъ; мнѣ кажется, что если бы выпитое „послѣ скачекъ шампанское вылить на мѣсто, гдѣ были скачки, то, „въ виду наклоненій этой мѣстности къ городу, залило бы городъ. „Впослѣдствіи и эта замѣчательная пустыня, по настоянію губерна- „тора, графа Сиверса ¹⁾, была продана подъ постройки съ тою только „разницею, что губернаторъ не утверждалъ торговъ, если мѣсто „продано ниже 100 рублей; и такъ составила застроенная Скаковая и Елисаветградская улицы“.

Трамвайная улица получила названіе, вѣроятно, отъ депо для стоянки трамваевъ въ ночное время или же остающихся почему либо безъ движенія, выстроеннаго, уже на моей памяти, въ юго-западномъ углу Озерной площади, къ которому она идетъ.

II. Храмы г. Екатеринослава.

а) православные.

Приѣхавъ въ Екатеринославъ осенью 1886 года, я засталъ существующими: 1) кафедральный Преображенскій соборъ (1830—1835 г.г.), 2) Успенскую церковь (1850 года, 3) Троицкую (1849 года), 4) Покровскую—фабричную (1836 г.). 5) Вокресенскую на городскомъ кладбищѣ, построена надъ могилой Нечуй-Каховскаго—Екатеринославскаго губернатора съ 1789 по 1794 годъ, 6) Лазаревскую на Севастопольскомъ кладбищѣ (1864 г.), 7) Военную-Крестовоздвиженскую (1885 или 1886 г.г.) и домовыя церкви: 8) Одигитріевскую въ архіерейскомъ домѣ, 9) благов. кн. Александра Невскаго (въ классической гимназій), 10) св. дванадцати апостоловъ (въ Духовной семинаріи), 11) ап. Андрея Первозваннаго (въ Духовномъ мужскомъ училищѣ), 12) Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы (въ епархіальномъ женскомъ училищѣ), 13) Божіей матери всѣхъ скорбящихъ Радость (въ губернской земской больницѣ), 14) Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ Радость (въ губернской тюрьмѣ, 15) Св. Николая Чудотворца (въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи). Сверхъ сего въ 2 верстахъ къ юго-западу отъ города Тихвинскій женскій монастырь съ соборнымъ храмомъ въ честь Тихвинской иконы Божіей Матери и другою теплою церковью в.-м. Варвары. Желаящіе ознакомиться подробнѣе съ достопримѣчательностями Екатеринославскаго кафедраль-

¹⁾ Двора Его Императорскаго Величества камергеръ, дѣйств. стат. совѣтн. графъ Александръ Карловичъ Сиверсъ былъ Екатеринославскимъ губернаторомъ съ 1858 по 1862 годъ.

наго Преображенскаго собора и ризницы Архіерейскаго дома могутъ найти интересующія ихъ свѣдѣнія въ моей брошюрѣ „Матеріали къ изученію церковной старины Украйны. На моей памяти, т. е. съ 1886 года прибавились слѣдующія церкви: 16) ап. и ев. Іоанна Богослова (въ 1-омъ реальномъ училищѣ) въ 1893 году, 17) Александро-Невская на фабричномъ кладбищѣ (заложена въ 1896 году, а время ея освященія не помню), 18) Благовещенская (освящена въ 1896 г.), 19) отдѣльная при Архіерейскомъ домѣ Крестовоздвиженская (внутри мраморный иконостасъ, а стѣны росписаны по рисункамъ Кіевскаго Владимірскаго собора) заложена въ 1901 году, время ея освященія не помню, 20) временная церковь в.-м. Георгія Победоносца въ 210 пѣх. Перекопскомъ полку и 21) препод. Симеона Столпника въ домѣ Климовой по Новодворянской улицѣ, гдѣ предполагается устроить богадѣльню.

За этотъ же періодъ времени: 1) въ Покровской (фабричной) церкви освященъ устроенный съ лѣвой стороны придѣльный алтарь в.-м. Пантелеймона (1 октября 1886 года), 2) Лазаревская церковь на Севастопольскомъ кладбищѣ перестроена въ своей западной части (въ 1894 году), 3) Воскресенская церковь на городскомъ кладбищѣ нѣсколько расширена съ боковыхъ сторонъ и иконостасъ замѣненъ новымъ, 4) храмъ въ Духовной Семинаріи расширенъ, переименованъ въ честь св. арх. Михаила и иконостасъ замѣненъ другимъ, 5) замѣнены иконостасы въ церквахъ: въ губернской земской больницѣ и въ мужскомъ духовномъ училищѣ.

Въ 1902 году окончательно упраздненъ придѣлъ св. Николая Чудотворца въ нижнемъ подвальномъ этажѣ приходской Успенской церкви вслѣдствіе выступленія, въ весьма большомъ количестве, изъ подъ пола храма подпочвенной воды.

б) Костель и кирха.

Римско-католическій костель и лютеранскую кирху ¹⁾ (оба на проспектѣ между Озерною площадью и Садовою улицею) я засталъ кажется въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они находятся и въ настоящее время.

в) Еврейская синагога.

По приѣздѣ въ Екатеринославъ, я уже засталъ каменное зданіе хоральной еврейской синагоги, увѣнчанное большимъ плоскимъ купо-

¹⁾ Кирха освящена въ 1866 году, а постоянный евангелическо-лютеранскій приходъ образовался въ Екатеринославѣ съ 1852 года (Екатер. юбил. лист. № 3 отъ 14 апр. 1887 г., стр. 23).

ломъ, находящееся на Еврейской улицѣ вблизи приходской Успенской церкви. Насколько припоминаю, оно при мнѣ не перестраивалось. По свѣдѣніямъ, напечатаннымъ въ Екатеринославскомъ юбилейномъ листкѣ ¹⁾, первоначально, здѣсь былъ деревянный молитвенный домъ, построенный около 1800 года и сгорѣвшій въ 1833 году, а въ 1837 году заложено нынѣшнее каменное зданіе, къ которому въ 1841—1843 г.г. пристроенъ каменный, двухэтажный молитвенный домъ. На фронтонѣ же синагоги значится 1852 годъ.

III. Городскія кладбища.

а) Православныя кладбища.

1. *Городское кладбище* (въ концѣ Воскресенской улицы) было въ прежнее время малоблагоустроеннымъ: деревянная ограда была, кажется, только съ входной сѣверной и съ восточной стороны; западная же и можетъ быть южная были, насколько припоминаю, обнесены только землянымъ валомъ, среди котораго съ западной стороны стояла противъ Ульяновской улицы низкая отодвигавшаяся калитка, устроенная на подобіе воротъ крестьянской полевой изгороди. Часть кладбища отъ входныхъ каменныхъ воротъ до упомянутой калитки служила сокращеннымъ путемъ для многихъ возвращавшихся съ базара съ провизіей и я самъ видѣлъ не одинъ разъ какъ тутъ проходили съ кошелками и корзиночками, наполненными хлѣбомъ, съѣстными припасами, другими покупками, а иногда чуть-ли даже и не съ домашней птицей. Такія картины, нарушавшія благоговѣйное отношеніе къ памяти покойниковъ, не могли, конечно, не бросаться въ глаза и вотъ около 14 лѣтъ назадъ, кажется при Екатеринославскомъ полицеймейстерѣ Саксѣ, были приняты мѣры къ приведенію кладбища въ должный порядокъ. Прежде всего кладбище обнесли со всѣхъ сторонъ довольно высокимъ сплошнымъ деревяннымъ заборомъ, оставивъ входомъ и выходомъ одни каменные ворота противъ Воскресенской улицы, чѣмъ устранился проходъ черезъ кладбище лишнихъ людей. Потомъ кладбище разбили на кварталы (участки), проложили новыя дорожки, перенумеровали уцѣлѣвшія могилы и по надписямъ, сохранившимся на памятникахъ и крестахъ, составили алфавитныя справочныя книги относительно погребенныхъ лицъ. Для большаго же удобства публики и для присмотра за порядкомъ учре-

¹⁾ Екатериносл. юбил. лист. № 18 отъ 17 мая 1887 г., стр. 169.

дили кладбищенскую контору. Большимъ неудобствомъ для ухода за могилками и для постановки памятниковъ служить отсутствіе водопровода, воду привозятъ на кладбище въ бочкахъ.

2. *Севастопольское кладбище* въ годъ моего прїѣзда въ Екатеринославъ имѣло високій деревянный рѣшетчатый заборъ съ северной и частоколь съ восточной стороны, въ концѣ послѣдняго была широкая отодвигавшаяся калитка, другая маленькая калиточка находилась среди самага частокола; съ двухъ остальныхъ сторонъ кладбище было обнесено только землянымъ валомъ и окопано рвомъ. Къ этому рву въ 1888 году примкнулъ съ западной стороны вновь, отведенный участокъ земли для военного кладбища. Нынѣшняго дома, который лѣвѣе входныхъ воротъ, тогда не было, онъ построенъ вмѣсто прежней простой мазанки, стоявшей среди самага кладбища значительно ближе къ церкви, приблизительно тамъ, гдѣ теперь могила каедральнаго протоіерея о. Петра Катранова († 1896 года). Вновь умиравшихъ изъ лицъ привилегированныхъ сословій хоронили преимущественно въ районѣ между входными воротами и церковью влѣво отъ большой дороги, а также вблизи церкви къ сѣв.-зап. и къ западу отъ нея и возлѣ самой большой дороги. Участокъ же къ западу отъ большой дороги (особенно вблизи входныхъ воротъ) и огромное пространство къ югу отъ церкви (кромѣ одного ряда могилъ: ген.-м. Соколова, младенца Зарубаева, Пукалова и др.) оставались при мнѣ еще много лѣтъ покрытыми могилами давняго времени представлявшими собою рядъ холмовъ, поросшихъ травой безъ памятниковъ и безъ крестовъ. За то вся юго-восточная часть кладбища была густо усыяна свѣжими могилами, ежедневно вновь добавлявшимися. О какой либо правильности распредѣленія могилъ не могло быть и рѣчи: этимъ дѣломъ вѣдали сами гробокопатели, которымъ кладбищенскіе сторожа не позволяли только продвигаться къ западу далѣе назначенной границы. Могилы рылись, гдѣ попало или вѣрнѣе сказать, гдѣ отыскивали свободное мѣсто между уже вырытыми прежними могилами, а если случалось наткнуться при копаніи земли на чей либо гробъ, забрасывали яму и рыли въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, случалось, что могилы рыли и не всегда на востокъ, все это происходило отъ недостаточ-

¹⁾ Мнѣ передавали какъ достовѣрный фактъ, что однажды былъ такой случай: священникъ, предававшій тѣло землѣ, самъ немного погрузился въ землю, оказалось, что отойдя назадъ онъ попалъ на перекопанную часть земли, которая еще не успѣла достаточно осѣсть, а можетъ быть и просто оступился въ сосѣдную могилу, приготовленную для погребенія; конечно священника поспѣшили извлечь на поверхность земли.

наго ближайшаго присмотра, а главнымъ образомъ отъ недостатка мѣста. Хоронили же здѣсь бесплатно умиравшихъ въ богоугодномъ заведеніи (губерн. зем. больница), отчего нѣкоторые называли эту часть „заведенскимъ“ кладбищемъ въ отличіе вѣроятно отъ платнаго Севастопольскаго, впрочемъ и на послѣднемъ плата взималась сравнительно не дорогая: мнѣ самому извѣстно, что въ 1888 году за мѣсто для 4—6 покойниковъ, правда не возлѣ церкви, а ближе къ восточной оградѣ было уплачено всего пять рублей. Эта же часть кладбища, гдѣ погребались умершіе въ губернской земской больницѣ, служила долгое время соблазнительною сокращенною дорогой для нижнихъ чиновъ между лагеремъ и казармами Симферопольскаго полка и, несмотря на строжайшіе приказы военнаго начальства и подтвержденія такихъ приказовъ, почти во всякое время дня можно было видѣть въ лѣтніе мѣсяцы года когонибудь изъ солдатъ проходящими между могилами, а при взаимныхъ встрѣчахъ идущими и по самымъ могиламъ, здѣсь же проносили они и хлѣбъ получавшійся въ казармахъ, а передъ разнаго рода смотрами тутъ тянулись уже цѣлыя вереницы нижнихъ чиновъ со связками мундировъ, шароваръ, сапоговъ, боклагъ для воды и много, много другого. Хожденіе солдатъ черезъ кладбище прекратилось послѣ постановки года два назадъ высокаго деревяннаго забора, соединившаго южную оконечность ограды военнаго кладбища съ провалемъ, идущемъ къ Мандриковкѣ. Въ послѣдніе годы умершихъ въ губернской земской больницѣ стали хоронить вблизи вышеупомянутаго забора и теперь почти уже все пространство къ югу отъ церкви занято новыми могилами. Остальныхъ лицъ хоронятъ, безразлично, на всѣхъ свободныхъ участкахъ кладбища. На кладбищѣ имѣется водопроводъ. Относительно происхожденія названія кладбища „Севастопольскимъ“ въ памятной книжкѣ Екатеринославской губерніи на 1864 годъ ¹⁾ къ которой приложенъ и видъ того времени нынѣшней Лазаревской церкви, помещены слѣдующія свѣдѣнія: „Во время восточной войны „1853—1856 г.г. въ Екатеринославѣ были открыты военные временныя госпитали. Свирѣпствовавшій тифъ усилилъ смертность и нѣсколько тысячъ больныхъ и раненыхъ, перевезенныхъ сюда изъ „Крымскаго полуострова, погребены были безслѣдно на такъ называемомъ кладбищѣ богоугодныхъ заведеній, находившемся въ разстояніи одной версты отъ каедральнаго собора на живописномъ

¹⁾ Памятная книжка Екатериносл. губ. на 1864 г. (изд. Екатер. губернс. статистич. комитета), стр. 247.

„берегу р. Днѣпра между зданіями богоугодныхъ заведеній и пред-
„мѣстіемъ Мандриковкой. Въ 1862 г., огромное пространство вмѣщаю-
„щее въ себѣ кладбище, окопано глубокимъ ровомъ, обнесено валомъ
„и въ томъ же году испрошено благословіе преосвященнаго Лео-
„нида, епископа Екатеринославскаго и Таганрогскаго, на сооруженіе
„на этомъ кладбищѣ каменной часовни. Въ маѣ мѣсяцѣ прошла-
„го 1863 года часовня заложена. Средствами сооруженія служили
„частныя пожертвованія. Къ осени того же года часовня была уже
„отстроена вчернѣ и покрыта листовымъ желѣзомъ. 3-го октября
„ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ГОСУДАРЬ НАСЛѢД-
„НИКЪ, въ бытность въ Екатеринославѣ, изволили почтить завѣт-
„ное кладбище посѣщеніемъ и слушать панихиду по *усопшихъ Сева-*
„*стопольцахъ у самыхъ могилъ ихъ.* 28-го октября ГОСУДАРЬ ИМПЕ-
„РАТОРЪ изволили также посѣтить кладбище и, осмотрѣвъ часовню
„вчернѣ, выразилъ желаніе и возможность обратить ее въ церковь.
„Съ тѣмъ вмѣстѣ, Августѣйшіе путешественники пожелали усилить
„денежныя средства строителя и въ распоряженіе его тогда же по-
„ступило на этотъ предметъ значительное пособіе, а 31-го октября
„получено на тотъ же предметъ денежное приношеніе отъ ГОСУ-
„ДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ въ проѣздѣ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА черезъ
„нашъ городъ. Щедроты эти открыли возможность усилить работы
„по внутренней и внѣшней отдѣлкѣ часовни. Строеніе отличается
„легкостью стилия, вполнѣ добросовѣстнымъ исполненіемъ работъ и
„прочностью, которая возводитъ его на степень монумента“.

Другимъ подтвержденіемъ начальной причины названія кладби-
ща Севастопольскимъ служить запись вкладчика на до нынѣ сохра-
нившейся въ церкви минеи за февраль мѣсяцъ (кіев. печ. 1763 года):
„Пожертвована въ церковь воскресенія св. Лазаря *на кладбищѣ Се-*
„*вастопольцевъ* старостою коллежскимъ секретаремъ Александромъ
„Казимірскимъ августа 1867 года“.

3. *Забутыя могилы.* Вблизи самыхъ казармъ Симферопольскаго
полка къ юго-востоку отъ нихъ, сзади нынѣшнихъ жилыхъ домовъ
еще доселѣ замѣтны покрывающіяся съ наступленіемъ весны (вмѣстѣ
съ окружающею ихъ мѣстностью) зеленою травой старыя могилы.
Весьма возможно, что и здѣсь также погребены славные защитники
Севастополя и другіе участники войны 1853—1856 г.г., умершіе въ
бывшихъ въ г. Екатеринославѣ военно-временныхъ госпиталяхъ отъ
ранъ, полученныхъ во время сраженій и отъ свирѣпствовавшего въ
сильной степени тифа. Правда, по пріѣздѣ въ Екатеринославъ, я не

засталь уже крестовъ надъ могилами, какъ нѣтъ ихъ и въ настоящее время, но я видѣлъ огромныя деревянныя рѣшетчатыя ворота одиноко стоявшія при входѣ на этотъ участокъ земли, по сторонамъ воротъ былъ небольшой ровъ. Кромѣ того, въ 1887 году въ Омино воскресень—12 апрѣля, я былъ самъ свидѣтелемъ какъ сюда прибылъ съ крестнымъ ходомъ причтъ Лазаревской церкви Севастопольскаго кладбища и надъ безъимянными для оставшагося въ живыхъ челоѳчества, но вѣдомыми Единому Господу Богу могилами совершилъ торжественную панихиду о здѣ погребенныхъ и о всѣхъ православныхъ воинахъ на полѣ брани животь своихъ положившихъ за вѣру, Царя и отечество, для панихиды приготовили и кутью, которую тутъ же предложили всѣмъ пришедшимъ помолиться. Священникомъ церкви Севастопольскаго кладбища состоялъ въ то время о. Ѳеодоръ Ѳеодоровъ, скончавшійся въ санѣ протоіерея и въ должности ключаря кафедральнаго собора ¹⁾, въ оградѣ котораго находится и его могила къ востоку отъ алтаря. Въ настоящее время почти все пространство между валомъ, окружающимъ казармы Симферопольскаго полка, и Севастопольскимъ кладбищемъ уже застроено различными постройками какъ частными, такъ и относящимися къ нуждамъ войскъ мѣстнаго гарнизона, а прежде здѣсь находилась пустопорожняя площадь и одиноко стояли вышеупомянутыя ворота давно уже исчезнувшія, а въ то время хорошо видимыя отъ воротъ Севастопольскаго кладбища и рельефно выдѣлявшіяся на окружавшемъ ихъ фонѣ.

4. *Военное (гарнизонное) кладбище.* Когда я пріѣхалъ въ Екатеринославъ нижнихъ чиновъ мѣстнаго гарнизона хоронили кажется преимущественно на городскомъ кладбищѣ, только должно быть въ какомъ нибудь одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, при чемъ надъ ихъ могилами ставили, насколько припоминаю, высокіе четырехконечные деревянные кресты, окрашивавшіеся почему-то въ черный цвѣтъ, Въ 1888 году въ іюлѣ мѣсяцѣ городомъ отведенъ для погребенія воинскихъ чиновъ особый отдельный участокъ земли, смежный съ Севастопольскимъ кладбищемъ, къ западу отъ послѣдняго. Этотъ участокъ земли въ слѣдующемъ 1889 году обнесли деревянною рѣшетчатою оградой и тогда же выкопали на немъ ямы для посадки новыхъ деревьевъ—бѣлой акацій, а прежде здѣсь было пустопорожнее мѣсто. Весь участокъ былъ подраздѣленъ на болѣе мелкіе соответственно

¹⁾ Протоіерей о. Ѳеодоръ Ѳеодоровъ скончался 19 и погребенъ 22 октября 1906 года.

величинѣ частей войскъ мѣстнаго гарнизона при чемъ тогда смѣялись, что и для мертвецовъ сохранили порядокъ уставнаго построения полка въ резервной колоннѣ только почему то участокъ для Симферопольскаго—перваго полка дивизіи отвели почему-то лѣвѣе, а для Феодосійскаго полка и другихъ частей съ правой стороны. Мѣста для погребенія офицеровъ назначили посрединѣ полковыхъ участковъ. Небезынтересно и то, что въ 1901 году на, этомъ кладбищѣ погребень солдатъ, оказавшійся язычникомъ, надъ его могилой поставили сначала какую то тумбу, а потомъ и ее куда-то убрали. Солдатовъ евреевъ хоронять на еврейскомъ кладбищѣ, а магометанъ тоже гдѣ то въ другомъ мѣстѣ. Надъ могилами нижнихъ чиновъ христіанскихъ вѣроисповѣданій ставятъ деревянные восьмиконечные кресты, окрашивающіеся прежде по цвѣтамъ, установленнымъ для полковъ дивизіи Симферопольскаго, какъ перваго полка, въ красный, Феодосійскаго въ синій, Керчь-Еникольскаго въ белый и Таганрогскаго въ темно-зеленый цвѣтъ; наружныя же очертанія крестовъ были оттѣнены каймами въ Симферопольскомъ полку бѣлаго, а въ трехъ остальныхъ полкахъ краснаго цвѣта. Въ 1901 году всѣ кресты были перекрашены въ бѣлый цвѣтъ, къ воротамъ кладбища прибита надпись: „Екатеринославское гарнизонное кладбище“, надъ ними утверждень золоченый шаръ и на немъ золоченый же крестъ. Вблизи воротъ, не позднѣе 1890 года ¹⁾, выстроена небольшая сторожка, а впоследствии, кажется въ 1903 или 1904 году, выстроена среди кладбища каменная часовня. Въ послѣднее время на кладбищѣ устроень водопроводъ.

5. *Фабричное кладбище* на углу 1-ой Чечелевской и Керосинной улицъ. На него въ прежнее время, повидимому, обращалось очень мало вниманія; благоустройству кладбища много помогло сооруженіе на немъ Александро-Невской церкви.

б) *Мѣста погребенія инославныхъ христіанъ.*

За отсутствіемъ для инославныхъ христіанъ отдѣльныхъ кладбищъ ихъ вѣроисповѣданій, ихъ хоронять на православныхъ кладбищахъ.

¹⁾ Съ ея крыши я снималъ въ 1890 году фотографическій видъ на ярмарку, пріѣздъ на которую въ томъ году былъ столь значительный, что несмотря на начало ярмарки у продолженія Полицейской улицы, возлѣ нынѣшняго горнаго училища, котораго въ то время не было, послѣдніе возы стояли у самой ограды военного кладбища.

в) Кладбища: еврейское и караимское.

По приѣздѣ въ Екатеринославъ, я засталъ еврейское кладбище вблизи Жандармской балки въ концѣ нынѣшней Юрьевской улицы. Въ смежности съ нимъ, кажется только на отдѣльномъ участкѣ, хоронили караимовъ. Въ недавнее время чуть ли не въ 1906 или 1907 году за городомъ при Никопольской дорогѣ на возвышенномъ мѣстѣ возникло новое обширное еврейское кладбище, которое обнесли высокимъ сплошнымъ деревяннымъ заборомъ, столбы же у забора кирпичные.

IV. Памятники и бюсты.

По приѣздѣ въ Екатеринославъ въ 1886 году я засталъ памятникъ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II, колонну за алтаремъ кафедральнаго собора, каменную милю снаружи соборной ограды и памятникъ запорожцу Глобѣ. Памятникъ бюстъ Пушкина и небольшой бюстъ Ломоносова поставлены уже послѣ моего приѣзда.

Памятникъ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II находится на Соборной площади въ небольшомъ скверѣ (48X53 саж.), противъ главнаго входа въ кафедральный соборъ, только неприятно, что фигура Императрицы обращена спиной къ собору. По свѣдѣніямъ напечатаннымъ въ Екатеринославскомъ юбилейномъ листкѣ ¹⁾, бронзовая статуя, изображающая ликъ Царицы, была заказана въ Берлине (въ Германіи) еще въ царствованіе самой Императрицы для временнаго путевого ея дворца, находившагося (?) на мѣстѣ нынѣшняго дома дворянства Екатеринославской губерніи (Потемкина дворца), но вѣроятно, какъ неготовая къ назначенному сроку оставалась долгое время за границей и только въ 1830 году была привезена въ Петербургъ на литейный заводъ коммерціи совѣтника Берда, гдѣ и куплена вмѣстѣ съ чугуннымъ пьедесталомъ, отлитымъ на упомянутомъ заводѣ. Высота статуи 4½ аршина. Императрица изображена съ малою короной на головѣ, съ поясомъ для меча, въ

¹⁾ Екатериносл. юбил. лист. № 2 отъ 12 апр. 1887 г. (стр. 14-15). „Свѣдѣнія, собранный Екатериносл. губернск. предводителемъ дворянства ген.-м. П. А. Струковымъ, о памятникѣ Императрицѣ Екатеринѣ II, воздвигнутомъ иждивеніемъ Екатеринославскаго дворянства въ 1846 г. 26 сентября, на площади губернскаго города Екатеринослава“.

длинной широкой тогѣ, падающей съ лѣваго плеча. Лѣвая рука приподнята, правая же опущена съ указывающимъ перстомъ на развернутую книгу законовъ, ею изданныхъ, и на медали, лежація на этой книгѣ и знаменующія великія ея дѣянія. Эти предметы лежатъ на низкой колоннѣ, стоящей близъ монумента и наполовину закрытой спущенною мантией. Чугунная решетка, окружающая памятникъ, сдѣлана въ Москвѣ на заводѣ С. И. Соловьева. Мѣди въ статуѣ около 200 пудовъ, чугуна въ рѣшеткѣ 165 пудовъ. Общая стоимость памятника съ постановкою 9818 руб. 95 к. Памятникъ сооружень иждивеніемъ дворянства Екатеринославской губерніи и открытъ 26 го сентября 1846 года. День открытія памятника вѣроятно былъ подогнанъ ко времени одной изъ трехъ бывавшихъ въ Екатеринославѣ ярмарокъ, собиравшейся къ 26 сентября, когда народу въ городѣ должно было быть больше, чѣмъ въ обыкновенное время. Кромѣ освященія въ каедральномъ соборѣ лѣваго придѣльнаго алтаря въ честь в.-м. Екатерины, святое имя которой носила блаженныя памяти ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II, кромѣ названія Екатеринослава и его главной улицы—проспекта именемъ Государыни, кромѣ вышеописаннаго памятника сооруженнаго иждивеніемъ дворянства Екатеринославской губерніи, въ послѣдніе годы въ день ангела Царицы—24 ноября совершается, обыкновенно архіерейскимъ служеніемъ, въ каедральномъ соборѣ торжественная панихида по державной основательницѣ нашего города ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II.

На памятникѣ Императрицѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ красовалась на доскѣ, прибитой къ пьедесталу, следующая надпись: „ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II отъ благодарнаго дворянства Екатеринославской губерніи въ 1846 году". Въ послѣднее время эта доска куда то исчезла или же снята.

Памятникъ-колонна за алтаремъ каедральнаго собора. Внутри соборной ограды, за алтаремъ храма находится памятникъ-колонна въ воспоминаніе первоначальной закладки собора, состоявшей еще 9 мая 1787 г. ¹⁾ Памятникъ состоитъ изъ прямоугольнаго гранитнаго пьедестала и возвышающейся на немъ мраморной колонны, увѣнчанной

¹⁾ Въ Екатеринославѣ есть еще три памятника, обозначающихъ мѣста существованія прежнихъ церквей: 1) крестъ въ рошѣ за Успенской церковью на мѣстѣ престола прежняго каедральнаго Успенскаго собора; 2) часовня на Троицкомъ базарѣ на мѣстѣ прежней Троицкой церкви и 3) столбъ съ иконою покровы пресвятыя Богородицы на мѣстѣ прежней Покровской церкви.

капителью и крестомъ на шарѣ, Къ пьедесталу прибита мѣдная вызолоченая доска съ вырѣзанною на ней надписью: „Въ память Благочестивѣйшей ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II „положившей здѣсь въ 1787 году, собственно своею монаршею „десницею первый камень въ основаніе соборнаго сего храма, совершившагося щедротами Благочестивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I. Колонна изъ древняго Таврическаго Херсонеса, откуда проистекъ на Россію свѣтъ Христовъ. 1835 года мѣсяца маія 9-го дня“.

Памятникъ-миля съ внѣшней восточной (алтарь храма обращенъ на сѣверо-востокъ) стороны соборной ограды. Онъ сложенъ изъ известковаго камня и имѣетъ видъ невысокаго столба на пьедесталѣ. Относительно его постановки существуютъ различныя догадки и трудно рѣшить которая самая верная. По мнѣнію однихъ здѣсь стояла сама ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II во время первоначальной закладки каедральнаго собора. Другіе предполагаютъ, что на этомъ мѣстѣ подали ей карету и отсюда началось ея дальнѣйшее путешествіе въ Крымъ. Нѣкоторые же признаютъ этотъ столбъ за одинъ изъ тѣхъ столбовъ-миль¹⁾, которые чуть ли не черезъ 10 верстъ одинъ отъ другого были разставлены, по распоряженію князя Потемкина, на большихъ дорогахъ ко времени проѣзда Царицы. Одно лишь достовѣрно, что стоящій у соборной ограды памятникъ—столбъ-миля былъ неоднократно возобновляемъ и не сохранилъ въ себѣ никакихъ слѣдовъ древности.

*Памятникъ запорожцу Глобѣ*²⁾ находится въ глубинѣ городского сада въ его юго-западномъ углу и состоитъ изъ простого, че-

¹⁾ По приѣздѣ въ Екатеринославъ, гуляя по окрестностямъ, я самъ видѣлъ за городомъ, за городскими дачами, въ степи, вблизи Никопольской дороги столбъ, подобный описанному, но только болѣе разрушенный, съ теченіемъ времени, какъ оставшійся безъ всякаго присмотра, этотъ столбъ совсѣмъ исчезъ.

²⁾ Старожиль Никита Коржъ въ своихъ воспоминаніяхъ оставилъ о Глобѣ слѣдующія свѣдѣнія: „Глоба жилъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ свѣтлѣйшаго домъ и казенный садъ, внизу надъ Днѣпромъ, подъ скелею, гдѣ его и мельница была, одна на каменьяхъ устроена, а другая байдашная для фоллошей, въ коей валили сукна; съ нимъ, т. е. Глобою и еще жилъ одинъ казакъ жена-тый Игнатъ Сидоровичъ Каплунъ; а тутъ же и мой собственный (Коржевъ) домъ былъ и мы жили всѣ трое съ своими семействами въ одной хатѣ, подъ одною крышею, въ коей было два отдѣленія, т. е. двѣ избы. На томъ самомъ мѣстѣ и на тѣхъ печищахъ гдѣ общій былъ нашъ домъ, нынѣ уже устроена караулка, для сторожей и часовыхъ солдатъ, кои теперь караулятъ казенный садъ, и живутъ въ караулѣ у берега надъ самымъ Днѣпромъ. А что

тырехграннаго столба, на которомъ прибитъ жестяный листъ окрашенный въ бѣлый цвѣтъ и на немъ черными буквами надпись „Запорожцу Глобѣ основателю сада“. Памятникъ стоитъ, по преданію, на мѣстѣ могилы Глобы въ глухомъ мѣстѣ сада, подъ сѣнью деревьевъ и мало кому извѣстенъ.

Памятникъ А. С. Пушкину находится на углу Пушкинскаго проспекта, называвшагося прежде „Военной улицей“, и Короткой улицы. Онъ состоитъ изъ довольно высокаго каменнаго пьедестала, на которомъ высится бронзовый бюстъ поэта; ниже бюста помѣщена лира, а на пьедесталѣ обозначенъ 1901 годъ—время постановки памятника.

Памятникъ-бюстъ Н. В. Гоголя. Въ недавнее время противъ главнаго фасада зданія Коммерческаго училища имени ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II поставленъ на пьедесталѣ небольшой памятникъ-бюстъ Николаю Васильевичу Гоголю.

В. Казенныя и общественныя зданія и постройки для войскъ мѣстнаго гарнизона.

Губернское казначейство. Изъ казенныхъ учрежденій кажется только губернское казначейство такъ и застыло въ своемъ старомъ

„сказано о моемъ жительствѣ, гдѣ нынѣ Михайловка по рѣчкѣ Сурѣ, то дѣйстви-
тельно тогда за давнихъ временъ запорожскихъ владѣль и я тѣмъ участкомъ,
„и имѣлъ тамъ зимовникъ и скотоводство, а тутъ тоже имѣлъ домъ съ Глобою.
„Сей Глоба былъ не женатъ и перешедши сюда на житье изъ Новыхъ Ко-
„дакъ, въ коихъ имѣлъ онъ челядь, до 15 человекъ портныхъ, занимался также
„и садоводствомъ, и мы съ нимъ въ двоемъ по всей горѣ нашего участка разса-
„живали деревья. И сей нынѣ называемый казенный садъ, гдѣ Потемкинъ домъ,
„первоначально нами разведенъ былъ; а какъ мой товарищъ, вышеупомянутый
„Глоба былъ, охотникъ до садоводства, то занялъ и еще небольшой участокъ для
„саду, недалече отъ насъ, около озера (вѣроятно нынѣшня—Озерная площадь?)
„вверхъ по Днѣпру, гдѣ нынѣ фабрики; засадивши садомъ оный участокъ,
„потомъ занялъ и еще столько же мѣста какъ и прежде и разведши по всей той
„площади удивительный садъ, въ томъ мѣстѣ скончался отъ глубокой старости и
„погребенъ въ саду, живъ болѣе 100 лѣтъ на свѣтѣ. Нынѣ на томъ самомъ мѣ-
„стѣ обзаведенъ тоже казенный садъ и зрится доселѣ еще надъ гробомъ его ка-
„менный столбъ вмѣсто памятника. О прочихъ же трехъ казакахъ, кои жили
„здѣсь по соседству съ нами, зимовниками, а равно и о именахъ ихъ и прозваніяхъ,
„за давностію уже не помню“. („Устное повѣствованіе бывшаго запорожца,
жителя Екатеринославской губерній и уѣзда, селенія Михайловки, Никиты Ле-
онтъевича Коржа“ изд. въ 1842 году, въ Одессѣ, какъ надо думать, при содѣй-
ствіи преосвященнаго Гавріила (Розанова), переведеннаго въ 1837 году изъ Ека-
теринослава въ Одессу.

зданіи, по проспекту выше городской управы, въ которомъ я засталъ его еще въ 1886 году.

Почтово-телеграфная контора. Помѣщеніе ея въ сосѣдномъ домѣ ¹⁾ съ нынѣшнимъ зданіемъ, только ближе къ городскому саду было кажется однимъ изъ самыхъ плохихъ: особенный недостатокъ воздуха ощущался въ нижнемъ этажѣ, т. е. какъ разъ гдѣ помѣщалась собственно почтовая контора и гдѣ именно собиралась масса народа; комнаты были хотя большія, но только относительно частныхъ домовъ, а не собиравшагося здѣсь народа, потолки же низкіе, надо еще имѣть въ виду что другихъ почтовыхъ отдѣленій въ городѣ не было. Верхній же этажъ былъ отведенъ для телеграфа.

Окружный судъ помѣщался прежде на проспектѣ рядомъ съ нынѣшнею типографіей и книжнымъ складомъ братства св. Владиміра (въблизи Духовной семинаріи), но ниже ея въ соседнемъ съ нею домѣ; гдѣ онъ былъ открытъ 8 апрѣля 1869 года (Екатер. юбил. лист. № 22 отъ 27 мая 1887 г., стр. 209). Нынѣшнее специально устроенное зданіе окружнаго суда на противоположной сторонѣ проспекта значительно ближе къ подошвѣ горы, построено уже на моей памяти.

Губернское правленіе занимало внизу на проспектѣ большой каменный съ мезониномъ домъ Трояновскаго ²⁾, гдѣ теперь рядъ магазиновъ Бермана, Лувръ, Пальцева, Спортъ—Фролова, Синани и аптека. Въ нынешнемъ же зданіи с.-в. уголь проспекта и Новодворянской улицы находилась городская женская прогимназія обратившаяся въ 1-ю городскую женскую гимназію.

Отдѣленіе Государственнаго банка. Было ли оно въ его теперешнемъ зданіи или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ хорошо не помню. Остальные казенныя учрежденія перекочевывали кажется по разнымъ частнымъ домамъ.

Зданіе Городской Управы (ю.-в. уголь проспекта и Управской улицы называвшейся прежде „Заводскою“) имѣло совсѣмъ простой видъ; оно было двухэтажное и отъ обыкновеннаго дома отличалось

¹⁾ Николай Рындовскій — этотъ домъ, гдѣ прежде помѣщалась почтовая контора, отнесъ къ числу первыхъ по времени основанія каменныхъ частныхъ построекъ въ Екатеринославѣ „домъ Щекутина, гдѣ нынѣ помѣщается почтовая контора“ (Екатериносл. юбил. лист. № 5 отъ 19 апр. 1887 г., стр. 41).

²⁾ Николай Рындовскій — и этотъ домъ относитъ также къ числу первыхъ каменныхъ частныхъ построекъ въ Екатеринославѣ: „домъ, гдѣ теперь помѣщается Губернское Правленіе. Онъ выстроенъ евреемъ Трояновскимъ и долгое время принадлежалъ ему и его наслѣдникамъ (Екатериносл. юбил. лист. № 5 отъ 19 апр. 1887 г., стр. 41).

лишь тѣмъ, что на крышѣ высилась деревянная каланча для пожарной части. Относительно начальной постройки этого дома Л. Н. Молчанова на страницахъ Екатеринослав. юбил. лист. ¹⁾ сообщила слѣдующее: „Когда строила домъ, гдѣ дума, то работы тамъ было страшно много, съ одной стороны срѣзывали бугоръ на мѣстѣ думскаго двора и двора казначейства (во дворѣ губернскаго казначейства еще и теперь въ 1910 году видны остатки бугра) и заваливали провалье, гдѣ сараи пожарной команды, а съ другой стороны, на мѣстѣ будущаго дома вынимали изъ провалья наносную глину, и только докопавшись до твердаго грунта, начали ставить фундаментъ, засыпая его изнутри и снаружи всякой всячиной; такъ что фундаментъ этого дома, пожалуй, больше чѣмъ высота самого дома ²⁾“.

Английскій клубъ помещался, въ годъ моего прїѣзда на ю.-з. углу проспекта и Воскресенской улицы, гдѣ впоследствии стали жить Екатеринославскіе губернаторы; въ то время губернаторъ жилъ кажется на Новодворянской улицѣ чуть ли не въ домѣ Струкова. Сколько припоминаю Английскій клубъ былъ единственнымъ въ городѣ клубомъ въ которомъ постоянно собиралась мѣстная интеллигенція; гулянья же, за отсутствіемъ при клубѣ собственнаго сада, устраивались, обыкновенно, въ городскомъ саду, гдѣ было и лѣтнее помѣщеніе Английскаго клуба.

На другомъ ю.-з. углу проспекта и Садовой улицы кварталомъ ближе къ вокзалу въ домѣ Щекутина (Противъ нынѣшняго Яковлевскаго сквера), гдѣ теперь складъ земледельческихъ орудій было военное собраніе, общее для офицеровъ пѣхотныхъ полковъ: Симферопольскаго и Феодосійскаго.

Областной музей имени А. Н. Поля выстроенъ совсѣмъ въ недавнѣе время чуть ли не въ 1903 или 1904. году. Онъ находится къ юго-западу отъ собора и отъ памятника ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II противъ, предназначеннаго къ сносу, зданія старой водокачки.

¹⁾ Екатериносл. юбил. лист. № 21 отъ 24 мая 1887 г., стр. 203.

²⁾ Не знаю, про этотъ-ли или про какой другой домъ И. М. Станиславский писалъ: „Первый каменный домъ выстроилъ купецъ Гершъ Луцкій, тестъ Кранцфельда,—тотъ самый домъ, въ которомъ нынѣ помѣщается городская управа“ (Екатериносл. юбил. лист. № 13 отъ 6 мая 1887 г., стр. 117). Николай Рындовскій тоже считаетъ въ числѣ первыхъ по времени основанія каменныхъ частныхъ построекъ въ Екатеринославѣ: „домъ еврея Луцкаго“, но только добавляетъ, что въ немъ „до послѣдняго времени помещался театр“ (Екатерин. юбил. лист. № 5 отъ 19 апр. 1887 г., стр. 41).

Учебныя заведенія. Изъ учебныхъ заведеній я засталъ въ 1886 году въ нынѣ занимаемыхъ ими зданіяхъ: 1) Классическую гимназію (впослѣдствіи въ смежности съ ней пристроено съ сѣв.-вост. на одной линіи со старымъ двухъ-этажное зданіе для актовaго зала) на Соборной площади. 2) Первое реальное (тогда просто „реальное“) училище на проспектѣ. 3) Маріинскую женскую гимназію (противъ приходской Троицкой церкви). 4) Духовную семинарію (огромный корпусъ во дворѣ для общежитія выстроены уже при мнѣ) на проспектѣ. 5) Духовное училище (угловое зданіе на с.-в. углу проспекта и Потемкинской улицы надстроено уже при мнѣ) на проспектѣ и 6) Епархіальное женское училище на Потемкинской улицѣ. Уже при мнѣ построены: 1) огромное зданіе высшаго горнаго училища (здѣсь было пустопорожнее мѣсто) на юго-западномъ углу улицъ: Полицейской и Полтавской. 2) Чудное зданіе коммерческаго училища имени ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II (продолженіе Полевой улицы, а въ то время пустопорожное мѣсто обширной Острожной площади) въ зданіи коммерческаго училища бываютъ засѣданія и купечества; въ какомъ году не помню но биржа открыта въ Екатеринославѣ только послѣдніе годы, раньше ея не было. 3) Зданіе второго реального училища (продолженіе Пушкинскаго проспекта, а прежде пустопорожное мѣсто той же Острожной площади) и зданія городскихъ женскихъ гимназій. 4) Первой (юго-зап. уголъ улицъ Полицейской и Полтавской, когда то пустопорожное мѣсто обширной ярмарочной площади) зданіе выстроено въ 1908 году и 5) второй (продолженіе Казачьей улицы, а прежде пустопорожное мѣсто Острожной площади).

Постройки для нуждъ войскъ мѣстнаго гарнизона. По приѣздѣ въ Екатеринославъ я нашель осенью 1886 года казармы Симферопольскаго полка (на Соборной горѣ къ юго-вост. отъ губерн. зем. больницы) инженернаго вѣдомства хотя и выстроенными но еще не вполне законченными: лазаретъ полка помѣщался на Военной улицѣ (нынѣ Пушкинскій проспектъ) на ю.-зап. углу ея и Гимнастической улицѣ, гдѣ теперь офицерское собраніе 210 резервн. Перекопскаго полка, а полковая гауптвахта находилась въ низкомъ, мазанковомъ строеніи ¹⁾, стоявшемъ среди Озерной площади. Въ самыхъ казармахъ половина одного изъ флигелей стояла съ обгорѣвшими отъ пожара стѣнами такъ, что двѣ роты полка и кажется музыканская команда продолжали помѣщаться гдѣ то въ городѣ. Гдѣ былъ расквартированъ въ то время пѣх. Феодосійскій полкъ хорошо не помню, припо-

¹⁾ Образецъ подобной постройки сохранился еще и теперь, такую мазанку можно видѣть на площади Абрамовича рядомъ съ деревяннымъ бараккомъ для тифозныхъ больныхъ.

минаю только, что уже впоследствии, через несколько лет для занятій съ нижними чинами этого полка были выстроены, казавшіеся въ то время большими, деревянные бараки: по одному на площадяхъ —Абрамовича (въ послѣдніе годы онъ обращенъ въ баракъ для тифозныхъ больныхъ), прежней Сѣнной (по Базарной улицѣ, противъ Городского кладбища), гдѣ теперь команда чиновъ Екатеринослав. Уѣздн. воин. начальника, вѣроятно (?) на Тюремной и кажется два барака на Александро-Невской площади. Нынѣшнія роскошныя каменные казармы Феодосійскаго полка въ концѣ Лагерной улицѣ построены городомъ въ 1908 и 1909 г.г.; я слышалъ, что предполагено выстроить еще одинъ большой корпусъ для тѣхъ ротъ Феодосійскаго полка, которыя изъ года въ годъ находились во временной командировка въ городѣ Ростовѣ-на-Дону. Въ 1909 году городъ выстроилъ между балками Фабричною и Аптекарскою (въ концѣ Короткой и Рабочей улицъ) большія каменныя казармы для 34 пѣшей артиллерійской бригады, съ осени этого года вошедшей въ составъ войскъ мѣстнаго гарнизона, а прежде квартировавшей въ уѣздномъ городѣ Александріи (Херсонской губ.).

Засталъ я еще длинный деревянный сарай съ высокою деревянною крышей и кирпичными столбами, не помню только стояли-ли эти столбы по однимъ угламъ или также и посредине боковыхъ сторонъ. Сарай стоялъ недалеко отъ провалья возлѣ и южнѣе мѣста принадлежащаго архіерейскому дому ¹⁾ и окарауливался часовымъ. Въ послѣдствіи для хранения находившагося въ немъ обоза для учрежденій формируемыхъ, при штабѣ дивизіи, въ военное время былъ выстроенъ новый сарай возлѣ самыхъ казармъ Симферопольскаго полка съ юго-зап. стороны рва окружающаго казармы.

Для полноты свѣдѣній о постройкахъ военного времени слѣдуетъ упомянуть еще, что въ сѣверной оконечности Мандриковки въ смежности съ Архіерейскимъ садомъ въ теченіе многихъ летъ стояли деревянные бараки лѣтней глазной санитарной станціи для полковъ 34 пѣхотной дивизіи. Нижніе чины попадавшіе на эту станцію освобождались отъ караульной службы, маневровъ и друг., занятія съ ними велись самая легкія, довольствіе же выдавали усиленное. Вѣроятно въ виду такихъ условий трахоматозные больные, повидимо-

¹⁾ Вѣроятно на мѣстѣ этого сарая выстроено новое зданіе городской больницы; нынѣшнихъ зданій местной общины Краснаго Креста и убѣжищъ Благовѣщенскаго (для престарѣлыхъ мужчинъ) и Ольгинскаго (для престарѣлыхъ женщинъ) въ то время не было.

му, очень мало сѣтовали на постигшую ихъ очень заразную, въ отношеніи остальныхъ, болѣзнь глазъ что должно быть и привело къ окончательному закрытію станціи. Въ какое время года открывалась эта станція не помню, а закрытіе ея бывало 1 октября. Въ настоящее время отъ бараконъ не осталось никакихъ слѣдовъ; сохранилась лишь часть небольшого земляного вала покрывающаяся съ наступлениемъ весны зеленою травой.

VI. Воспоминанія о нѣкоторыхъ магазинахъ, лавкахъ, гостинницѣ и объ отсутствіи торговли на Соборной горѣ.

Книжные магазины. По пріѣздѣ въ Екатеринославъ я засталъ слѣдующіе книжные магазины: В. Е. Алексѣева (проспектъ, будка), С. В. Егоровой (проспектъ, домъ Сартисона гдѣ его аптека), Ульмана (проспектъ, д. Бабушкина) и Шафермана (проспектъ, будка). Сколько припоминаю лучшимъ изъ нихъ былъ магазинъ Шафермана, онъ находился противъ его нынѣшняго помашеній въ небольшой деревянной будкѣ стоявшей на самомъ бульварѣ, на правомъ бульварѣ, если считать что движеніе происходитъ въ направленій отъ горы къ вокзалу.

Свѣчная торговля П. В. Волкова. Въ годъ моего пріѣзда еще не было свѣчного епархіальнаго завода (по Архіерейской улицѣ противъ губернской земской больницы), а въ угловомъ домѣ (с.-в. уголь Соборной площади и Архіерейской улицы) занималъ квартиру начальникъ 34-й пѣх. дивизіи ген.-лейтенантъ Салацкій; восковыя же свѣчи продавали у частныхъ торговцевъ. Я отлично помню свѣчную лавку П. В. Волкова въ длинномъ одноэтажномъ домикѣ, стоявшемъ на пригоркѣ наискось отъ приходской Троицкой церкви; въ эту лавочку приходилось подыматься по высокой деревянной лѣстницѣ проходившей по крутому скату пригорка. Теперь на мѣстѣ этого пригорка и лавки каменный домъ.

Фотографіи. Лучшими фотографіями были въ то время фотографіи Мацкевича (уголь проспекта и Московской улицы) и Иванова (уголь Торговой и Центральной улицъ), объ въ настоящее время, уже не существуютъ. Фотографія старика В. П. Миткина (Московская ул., домъ Швейцера) считалась устарѣвшею, но въ ней, между прочимъ, можно было купить большого размѣра фотографическіе виды Екатеринослава и Днѣпровскихъ пороговъ.

Гостинница. Лучшею гостинницей считалась „Европейская“ (уголь проспекта и Яковлевскаго сквера, против Садовой улицы). Въ залѣ этой гостинницы прїѣзжими артистами давались концерты, здѣсь же пѣлъ со своей капеллой и Д. Славянскій; разнаго же рода выставки устраивались, обыкновенно въ Потемкинскомъ дворцѣ.

Кондитерскія и булочныя. Лучшими кондитерскими были Андрега (уголь проспекта и Александровской улицы, гдѣ теперь магазинъ военнаго платья и офицерскихъ вещей Ревзинъ-Бутомъ), перешедшая, кажется, къ Стрекозовой и чуть ли не самого Мищенко въ его угломъ домѣ (юго-зап. уголь проспекта и Первозвановской улицы), гдѣ впоследствии была кондитерская Щепанкевичъ. Была еще кондитерская Муратова на проспектѣ вблизи почтовой конторы. Никакихъ выступныхъ холщевыхъ навѣсовъ для питья кофе или ѣды на свѣжемъ воздухѣ возлѣ ресторановъ и кондитерскихъ въ то время не было.

Отсутствіе торговли на Соборной горѣ ¹⁾). По воспоминаніямъ А. Н. Молчановой ²⁾ противъ Духовной семинаріи въ первой половинѣ XIX столѣтія была большая площадь на которой по воскресеньямъ собирався базаръ, а гдѣ нынче Губернское правленіе (уголь проспекта и Новодворянской улицы) стояло нѣсколько деревянныхъ лавочекъ, въ которыхъ на ярмарку располагались краснорядцы. Къ 1886 году эта мѣстность была уже болѣе или менѣе застроенною и кажется на всей Соборной горѣ не было никакой торговли, если не считать мелкихъ, большею частью еврейскихъ лавочекъ старавшихся облѣпить только, что выстроенныя казармы Симферопольскаго полка. Про маленькія мясныя лавки (въ которыхъ иногда стали продавать и зелень), открывшіяся въ 1907 и 1908 г.г. по Лагерной улицѣ, нечего было и думать. Трудно было и достать даже свѣжаго бѣлаго хлѣба къ чаю и я отлично помню, что для покупки обыкновенной, простой

¹⁾ Я уже много разъ называлъ въ своихъ воспоминаніяхъ гору Соборною. Считаю нужнымъ разъяснить, что оффиціального такого названій я не знаю, можетъ быть и сами жители не называютъ ее этимъ именемъ, однимъ словомъ хочу разъяснить, что это только мое личное, произвольное названіе, которымъ я желалъ назвать сразу однимъ именемъ весь или только часть всего обширнаго района между улицами; Дачною, Гоголевскою (прежнею Волосскою), Нагорною, Управскою (прежнею Заводскою), Кудашевскою (по плану межев. инжен. Пупырникова въ 1885 г. — Подгороднею), Камнями (мѣстностью при подошвѣ сѣверо-западной части горы), садами: Потемкинскимъ и Архіерейскимъ, предмѣстьемъ Мандриковкою и кладбищами: Севастопольскимъ и Военнымъ.

²⁾ Екатеринослав. юбил. лист. № 21 отъ 24 мая 1887 г., стр. 202—203.

французской булки (по мѣстному выраженію „франзоли“) приходилось, за отсутствіемъ электрическаго трамвая, пѣшкомъ спускаться подъ гору въ вышеупомянутую булочную Андерега, находившуюся на углу проспекта и Александровской улицы, гдѣ теперь магазинъ Ревзинъ-Бутомъ, а потомъ само собой разумѣется подыматься на ту же гору. Весьма понятно, что при такихъ условіяхъ можно было предпочесть отказаться отъ свѣжаго хлѣба, особенно въ дни холодовъ или во время дождливой, грязной погоды. Впослѣдствіи на нѣкоторое время открылась булочная за соборомъ по Струковскому переулку, гдѣ продавались сдобный хлѣбъ и московскіе калачи, но предприниматель кажется прогорѣлъ или куда то выѣхалъ; все же булочная была нѣсколько лѣтъ. Въ настоящее время булочные имѣются: на углу проспекта и Полтавской улицы, по Лагерной улицѣ (между 2 и 3 казарменными переулками) и по Полтавской улицѣ въ домѣ Самодаевой открылось уже въ текущемъ 1910 году отдѣленіе кондитерской Стрекозова. Бакалейныхъ лавокъ, сколько припоминаю, на горѣ тоже не было. Уже впослѣдствіи, кажется послѣ перевода ярмарки на другое мѣсто, въ свободныхъ деревянныхъ балаганахъ (на мѣстѣ нынѣшняго горнаго училища) стали торговать бакалейными товарами Пушечниковъ и тутъ же возникъ небольшой базарчикъ для ближайшихъ къ нему жителей горы. Потомъ уже по разнымъ улицамъ стали появляться маленькія бакалейныя и мелочныя лавочки, аптекарскіе магазины и вообще на горѣ начала разрастаться торговля.

VII. Екатерининскій проспектъ.

Красу и гордость Екатеринослава ¹⁾ составляетъ его главная улица—„Екатерининскій проспектъ“, общее протяженіе котораго отъ начала Озерной площади (противъ вокзала) до окончанія подъема на гору около 4 верстъ, а ширина 30 сажень; въ будущемъ, проспектъ

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ городахъ, расположенныхъ на берегу рѣки, красу города составляетъ набережная рѣки, что, повидимому, болѣе удобно при крутыхъ берегахъ. Впрочемъ долженъ оговориться, что меня крайне удивило отсутствіе набережной въ городѣ Тифлисѣ, гдѣ воды рѣки Куры подходятъ къ самымъ жильнымъ постройкамъ и омывають крайніе дома построенные на сваяхъ. Въ Екатеринославѣ Днѣпръ чуть ли не съ каждымъ годомъ отходитъ все далѣе и далѣе отъ города выбрасывая новую отмель и устроенная вблизи воды набережная вероятно очутилась бы вскорѣ на сухомъ берегу, а въ половодье была бы заливаема прибылою водою.

предположено продолжить еще дальше через гору къ предмѣстью Мандриковкѣ и прежній Мандриковскій спускъ начинавшійся отъ Лагерной улицы уже носить названіе „продолженіе проспекта". Екатерининскій проспектъ идетъ по прямой линіи на разстояніи почти 8-хъ верстъ, при чемъ послѣднюю версту подымается въ гору. Особенно красивый видъ придаютъ ему двѣ линіи бульваровъ раздѣляющихъ его на три части: посрединѣ два рельсовыхъ пути для движенія вагоновъ электрическаго трамвая, по сторонамъ ихъ два чудныхъ бульвара (нѣкоторыя линіи бульваровъ изъ бѣлой акаціи, другія изъ американскаго клена), съ внѣшнихъ сторонъ бульваровъ двѣ проѣздныххъ, мощеныхъ улицы и, наконецъ, вдоль линіи домовъ широкія панели для пѣшеходовъ. Среди бульваровъ противъ городского сада и противъ линіи магазиновъ (между улицами Казанскою и Александровскою ежегодно разбиваются цвѣточныя клумбы).

Весьма интересны сохранившіяся воспоминанія мѣстныхъ старожиловъ о прежнемъ видѣ проспекта и о начальныхъ заботахъ придать ему видъ благоустроенной улицы. Порфирій Яненко, воспоминанія котораго относятся къ началу пятидесятихъ годовъ и который описываетъ только нижнюю часть проспекта сообщаетъ слѣдующее: „по Екатерининскому проспекту отъ моста¹⁾ представляла, лась пустыня,—только замѣчались домъ директора фабрики Смирнова, впослѣдствіи Полковника Соколова, а нынѣ извѣстнаго на Югѣ „богача и овцевода Фальць-Фейна, винные громадныя подвалы откуповъ, домъ доктора Масловича и небольшой домикъ на мѣстѣ, гдѣ нынѣ домъ гофмейстера Алексѣева, затѣмъ — острогъ на Качельной площади (еще по плану межев. инженера Пупырникова мѣсто нынѣшняго Яковлевскаго сквера названо въ 1885 году Качельною площадью)" похожъ былъ больше на подваль, съ другой стороны — казенный садъ, далѣе построекъ по проспекту не касаюсь; а улица представляла самый безобразный видъ: постоянная грязь невылазная, гдѣ вчастую кареты останавливались и ихъ вытаскивали съ пассажирами волами, ее (улицу) перерѣзывали поперекъ два провалья: одно противъ нынѣшняго клуба (значитъ противъ тепе-решняго губернаторскаго дома), а другое — противъ казеннаго (т. е. городского) сада. Для переѣзда черезъ эти провалья были устроены

¹⁾ Порфирій Яненко поясняетъ въ своихъ, воспоминаніяхъ, что этотъ плывучій или какъ его называли „живой" мостъ находился на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ и нынѣшній желѣзнодорожный.

„ничтожные деревянные мостики и уже губернаторъ Фабръ ¹⁾ сдѣ-
„лалъ, вмѣсто мостиковъ, каменные арки, выровнялъ улицу, устроилъ
„шоссе и бульвары“ ²⁾.

А. Н. Молчанова, наоборотъ, описываетъ, преимущественно, на-
горную часть проспекта (жила она, судя по ея воспоминаніямъ, сре-
ди горы на юго-западномъ углу проспекта и Гоголевской - прежней
„Волосской улицы) „сообщеніе нашей горы съ нижнимъ городомъ
„улучшилось только съ прїѣздомъ губернатора Фабра, который въ
„губернаторскомъ домѣ жилъ не болѣе месяца, а затѣмъ нанялъ
„квартиру въ верхнемъ этажѣ дома Мунштейна, а губернаторскій
„домъ тотчасъ сломали. Затѣмъ начали срѣзывать гору“³⁾. Остатки
горы видны еще и теперь во дворѣ губернскаго казначейства). „На-
„чиная отъ нынѣшней семинаріи и внизъ до казначейства, начали
„орать улицу въ нѣсколько плуговъ, а потомъ сбивали короткими
„перекладами по двѣ доски, положенныя ребромъ; къ концамъ
„этого ящика припрягали по нѣсколько паръ воловъ и стаскива-
„ли взоранную землю внизъ; потомъ снова орали и стаскивали
„землю, и такъ продолжали до тѣхъ поръ, пока срезали весь бу-
„горъ. Тогда закигѣла новая работа,—одни перила ставятъ, другіе
„шоссе прокладываютъ, а третьи деревья сажаютъ. Фабръ все бы-
„вало сидитъ на балконѣ и наблюдаетъ за работой, а когда работа
„удалилась внизъ, то и онъ началъ постоянно туда бѣгать, говорю
„бѣгать“, потому что иначе онъ, кажется, и ходить не умѣлъ. Де-
„ревья на бульварѣ всѣ хорошо принялись, и тутъ-то открылась на-
„стоящая война противъ коровъ и свиней; зачастую, бывало, видишь,
„какъ свинья возвращается съ бульвара и тащить за собой внутрен-
„ности. Многимъ тогда пришлось распродать своихъ свиней и коровъ ³⁾,
„а въ томъ числѣ и мнѣ, потому что вслѣдствіе моего ближайшаго
„сосѣдства съ Фабромъ даже куры мои были постоянно подъ его
„строжайшимъ наблюденіемъ. На слѣдующую весну зацвела сирень,
„и тогда открылась война противъ любителей даровыхъ букетовъ.
„Чуть свѣтъ, Фабръ ужъ гуляетъ по бульварамъ и излавливаетъ
„желающихъ воспользоваться сиренью. Не разъ случалось, что онъ

¹⁾ Тайный совѣтникъ Андрей Яковлевичъ Фабръ былъ Екатеринославскимъ губернаторомъ съ 1847 по 1858 г.

²⁾ Екатериносл. юбил. лист. № 3 отъ 14 апрѣля 1887 г., стр. 24.

³⁾ Дм. Гасаненко въ своихъ анекдотахъ о Фабрѣ сообщаетъ: „бродячихъ
„свиней и козь, забиравшихся иногда на бульвары, Андрей Яковлевичъ прика-
„залъ разъ навсегда бульварнымъ сторожамъ хватать и отдавать въ арестант-
„скую роту на улучшеніе пищи; а коровъ привязывали, пока находились къ нимъ
„хозяева“ (Екатерин, юбил. лист. № 24 отъ 30 мая 1887 г., стр. 231, примѣчаніе.

„приводить за уши ¹⁾ въ уѣздное училище парочку „уѣздниковъ“, „вызываетъ зрителя и кричить, чтобъ онъ ихъ сейчасъ же вы- „пороль за порчу растений, а затѣмъ, уходя, на ухо зрителю го- „ворить, чтобъ онъ ихъ только попугаль, а сѣчь молъ не надо ²⁾. „Очень заботился онъ о своемъ бульварѣ, за то и бульваръ вышелъ „на славу, пирамидальные тополи были на всемъ протяженіи въ пере- „межку съ кленами, между каждыми двумя деревьями,—огромные ку- „сты сирени, такъ-что идешь по бульвару, точно по корридору, и „тѣнь была и прохлада ³⁾.“

Дм. Гасаненко въ своихъ анекдотахъ объ А. Я. Фабрѣ относитель- ной проспекта сообщаетъ слѣдующее: „насадивши въ два ряда „прекрасные бульвары по Большой улицѣ (тогда мы и не знали, что

¹⁾ О губернаторѣ Фабрѣ; сохранился такой анекдотъ: „Прогуливаясь однаж- „ды по вновь устроеннымъ бульварамъ, Фабрѣ замѣтилъ, что идущій впереди „его по виду „чиновничекъ“ обрываетъ съ деревьевъ вѣточки. Андрей Яковлевичъ „потихоньку догоняетъ врага вновь призванной къ жизни флоры и, совершенно „неожиданно для послѣдняго, весьма чувствительно дергаетъ его за ухо. Непри- „ятный рефлексъ, полуоборотъ и... злосчастный чиновникъ предсталъ предъ ли- „цо г. Начальника губерніи. Бедняга обомлѣлъ отъ страха, а Андрей Яковле- „вичъ прехладнокровно вопрошаетъ: а что, больно?!—Пристыженное молчаніе въ „отвѣтъ.—„То то, братецъ, продолжаетъ Адрей Яковлевичъ,—тебѣ больно—боль- „но и дереву когда обламываютъ у него вѣточки. Другой разъ этого не дѣлай!“ „Съ этими словами Андрей Яковлевичъ пошелъ дальше, довольный смущеніемъ „чиновника“ (Екатерин, юбил. лист. № 12-й отъ 3 мая 1887 г., стр. 110). Но Дм. Гасаненко о томъ же губернаторѣ Фабрѣ приводитъ анекдотъ и совершенно иного содержания: „Проходя однажды по бульвару, что идетъ близко желѣзной „лавки Алексѣенка, тутъ, гдѣ теперь стоятъ наши пѣтушки-извозчики, я увидѣлъ „стоящими здѣсь нѣсколько возовъ съ волами, а на нихъ сидѣли бабы, ожидав- „шія вѣроятно своихъ мужиковъ съ базара. Тутъ подѣхалъ еще одинъ мужикъ „съ пустымъ возомъ къ самому бульвару и привязалъ *налыгачемъ* воловъ къ „бульварному барьеру, а самъ пошелъ по направленію къ базару. Откуда не „возьмись самъ губернаторъ въ своей скромной одежонкѣ, и давай отвязывать „самолично воловъ, оглянулся, увидѣлъ, что кто то отвязываетъ его воловъ, да- „вай кричать на отвязывающаго и бѣжать къ нему съ грозными словами. Андрей „Яковлевичъ, вмѣсто того, чтобы позвать полицейскаго, счелъ за лучшее удирать „отъ раздраженнаго мужика съ батогомъ въ рукахъ. Подбѣжавшій тутъ буль- „варный сторожъ такъ напугалъ мужика, что тотъ настегалъ сильно воловъ и „давай утекать рысью“ (Екатер. юбил. лист. № 24 отъ 30 мая 1887 г., стр. 232).

²⁾ Дм. Гасаненко на страницахъ Екатер. юбилейн. листка также сообщилъ подобнаго рода анекдотъ, но съ добавленіемъ, что когда губернаторъ ушелъ, зритель сказалъ: „ну, нѣтъ: я не хочу, чтобы губернаторъ опять приводилъ ко мнѣ такихъ хищниковъ съ бульвара; я ихъ выпорю для примѣра другимъ“. И дѣйствительно, выпороль! (Екатер. юбил. лист. № 24 отъ 30 мая 1887 г., стр. 231).

³⁾ Екатер. юбил. лист, отъ 27 мая 1887 г. № 22, стр. 211—212.

„наша главная широкая улица называется Екатерининским проспектомъ: мы знали Большую, Казачью, Кладбищенскую, Александровскую и съ удивленіемъ впоследствии узнали, что у насъ есть „улица Петербургская, на которой въ зимнее время происходили кулачные бои между рѣзниками и фабричными), Андрей Яковлевичъ „утѣшался и нянчился съ ними, какъ мать съ своимъ любимымъ дѣтищемъ. Квотируя на горѣ въ домѣ Мунштейна, каждое утро про„бѣгалъ губернаторъ внизъ, держа курсъ по линіи бульваровъ правой стороны, а возвращался домой по другой линіи бульваровъ на „лѣвой сторонѣ. Несмотря на быстроту своей походки, Андрей Яков„левичъ успѣвалъ обозрѣть каждое деревцо и каждый кустъ, и если „только находилъ, что нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ усыхать,— „а это случалось у насъ нерѣдко при нашей безтолковой погодѣ, „при *суховіи* съ пылью, когда иной разъ, въ теченіе всего лѣта, не „выпадаетъ ни одной капли дождя, то Андрей Яковлевичъ, не то „чтобы сердился, а, какъ говорили мѣстные остряки будто бы пла„каль надъ погибающимъ деревцомъ: звалъ сейчасъ десятскаго и по„сылалъ за командиромъ арестантской роты, и тутъ-же принимался „распекать его и не то, что распекать, а лучше сказать, говорилъ „жалкія“ слова за недосмотръ о деревцѣ, приказывалъ, немедля ни „одной минуты, собрать сѣрую команду съ возами, волами и бочка„ми и ѣхать за водою къ Днѣпру, а самъ ожидалъ, пока приболѣв„шія деревца не были обильно политы. При „томъ Андрей Яковле„вичъ не забывалъ говорить запугивающія изрѣченія въ такомъ родѣ: „смотри мнѣ любезнѣйшій, чтобы дерево было живо! полей его, за„лей, вычерпай Днѣпръ весь, но чтобы дерево ожило; а не то—я „тебя самого, любезнѣйшій, посажу здѣсь; буду поливать, и ты про„израстешь мнѣ вмѣсто дерева!“ (извѣстно было, какой мастеръ былъ „Андрей Яковлевичъ въ своихъ распеканіяхъ на гиперболы и запу„гиванья, которыя никому не причиняли никакого вреда). И вотъ дружными усиліями сѣрой команды, при надзорѣ ея командира, де„ревцо дѣйствительно оживало, губернаторъ радовался и благодарилъ „капитана“¹⁾.

Григорій Яковлевичъ Титовъ—преподаватель мѣстной Духовной семинаріи въ своихъ письмахъ изъ Екатеринослава, изданныхъ, въ Одессѣ, въ 1849 году писалъ: „...Екатеринославъ недолго останется „въ томъ видѣ, въ какомъ находится теперъ. Въ послѣднее время, „онъ во многомъ измѣнился. Екатерининскій проспектъ уже укра-

¹⁾ Екатер. юбил. лист. № 24 отъ 30 мая 1887 г. стр., 230—231.

„сился двумя прелестными бульварами и служить самымъ пріятнымъ мѣстомъ для прогулки. Черезъ нѣскольکو лѣтъ, этотъ безподобный „проспектъ превратится въ обширный, цвѣтушій садъ, который на „весь городъ будетъ разливать свѣжесть, ароматы и здоровье. Для „читателя, не издавашаго Екатеринослава, можетъ быть, покажется не- „понятнымъ, какимъ образомъ на одной улицѣ сделаны два бульва- „ра. Здѣсь я прибавлю еще, что они сдѣланы не въ какомъ нибудь „уголкѣ и не по сторонамъ улицы, а идутъ двумя равными и об- „ширными аллеями посреди и вдоль почти всего проспекта, и огоро- „жены палисадникомъ, и за всѣмъ этимъ остается еще въ разныхъ „мѣстахъ три дороги для проѣзда. Для васъ все это непонятно? Но „вспомните, что Екатеринославъ основанъ при Екатеринѣ. На томъ „же проспектѣ сдѣлано превосходное шоссе: другія улицы вымаци- „ваются камнемъ. При всей своей настоящей бедности и незначи- „тельности, нашъ городъ и теперь замѣчателенъ по тѣмъ слѣдамъ, „кои остались въ немъ отъ славы временъ прошедших“¹⁾.

Въ 1886 г. пирамидальныхъ тополей и кустовъ сирени, о которыхъ упоминала А. Н. Молчанова я уже не засталъ, а видъ проспекта былъ такой: бульвары состояли изъ старыхъ, тѣнистыхъ деревьевъ, соприкасавшихся, вверху, своими ветвями и доставлявшихъ густую, обильную тѣнь, бульвары были только нѣскольکو уже нынѣшнихъ, а самыя деревья не были разсажены по столь прямымъ линиямъ. Бульвары были обнесены съ внѣшней стороны деревянными заборчиками изъ низкихъ столбиковъ и тонкихъ, длинныхъ перекладинъ еще болѣе утончившихся послѣ новыхъ ремонтовъ, которые въ послѣдніе годы состояли чуть ли не изъ одного обстругиванія прежнихъ перилъ. Желѣзныхъ рѣшетокъ на бульварѣ нигдѣ не было; теперь онѣ имѣются между улицами Казанскою и Воскресенскою. Между бульварами проходило, посрединѣ проспекта, шоссе, по которому еще въ въ 1889 году 17-го октября слѣдоваль торжественный крестный ходъ изъ каедральнаго собора на Цыганскую, нынѣ Александрo-Невскую площадь; по дорогѣ—у Духовнаго училища, у Духовной Семинаріи и въ другихъ мѣстахъ къ крестному ходу присоединялись процессіи съ хоругвями, у подошвы горы встрѣтилъ крестный ходъ изъ низовыхъ церквей, участвовали и учебныя заведенія: женская гимназія и городское училище... Припоминаю, какую массу толковъ вызвалъ слухъ о готовившейся на бульварахъ срубкѣ старыхъ деревьевъ: много упрековъ было высказано тогда по адресу городского управленія, а осо-

¹⁾ Письма изъ Екатеринослава Г. Титова. Одесса 1849 г. (стр. 22—23).

бенно сильно доставалось гласному Парфентьеву, котораго раздѣляли на всѣ лады, кто какъ могъ. И, дѣйствительно, очень тяжело впечатлѣніе производили сильно обрѣзанныя и срубленные деревья; рубить ихъ старались по ночамъ. Печальный видъ имѣли въ первое время оголенные бульвары, къ тому же и солнцепекъ, при отсутствіи тѣни отъ молодыхъ деревьевъ давалъ себя чувствовать. Впрочемъ, слѣдуетъ упомянуть, что со стороны города были приняты всѣ мѣры къ самому заботливому уходу о новыхъ деревьяхъ: ихъ окапывали, обильно поливали, засыхавшія вѣтви удаляли, а молодые побѣги своевременно срѣзывали для приданія большей правильности разрастающимся вѣтвямъ; кустарники оставшіеся прежде безъ всякаго призора и росшіе произвольно стали, также, ровно обрѣзать. Когда именно были срублены старыя деревья хорошо не помню, но кажется это случилось въ 1901 году.

VIII. Внѣшній видъ улицъ и площадей.

Екатерининскій проспектъ. Изъ магазиновъ прежняго времени, устроенныхъ еще по старинному въ глубинѣ крытыхъ галлерей ¹⁾ съ деревянными полами, опирающихся на частые каменные столбы, часто имѣющихъ подъ собою погреба входъ въ которые съ улицы и возвышающихся надъ панелью 3—4 ступенями можно указать по лѣвой (юго-западной) сторонѣ проспекта: желѣзный магазинъ Прони-на (юго-восточн. уголь проспекта и Троицкой улицы), затѣмъ въ слѣдующемъ кварталѣ за магазиномъ Алексѣенко цѣлый рядъ мебельныхъ магазиновъ: „Свой трудъ“ бр. Тонетъ, „Мець и Кричевскій и комп.“, „Братьевъ Миллеръ“, „Романчукъ и Головчицъ“, „Вольдарскаго“ и заключительный въ этой линіи желѣзный магазинъ Гинцбергъ (юго-вост. уголь проспекта и Первозвановской улицы), а на противоположной (сѣверо-восточной) сторонѣ проспекта желѣзная торговля Толстикова. Въ остальныхъ магазинахъ такіе арки уже за-дѣланы и окна магазиновъ выходятъ не въ галлерею, а прямо на

¹⁾ Подобнаго рода каменные гостинные дворы уже отживающіе свое время и сохранившіеся лишь какъ старина устраивались, вѣроятно, въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтій и устраивались, повидимому, повсемѣстно. По крайней мѣрѣ я встрѣчалъ ихъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ Россіи: въ Новгородъ-Сѣверскъ (Черниговской губ.), Моршанскъ (Тамбовской губ.), Старицъ (Тверской губ.), Угличъ (Ярославской губ.) и даже въ Сибири въ Красноярскъ (Енисейской губ.) и въ общемъ типъ постройки былъ вездѣ одинъ и тотъ же.

проспектъ. Надстройки магазиновъ Алексѣенко (юго-западный уголь Троицкой улицы и проспекта), Зильбермана (юго-западный уголь Казанской улицы и проспекта) и на противоположной сторонѣ проспекта мануфактурнаго магазина М. С. Джигитъ съ большими зеркальными стеклами (въ 1909 году) и четырехъ-этажный мануфактурный магазинъ между улицами: Московскою и Желѣзною Г. А. Зильбермана (съ подъемною машиной), имѣющаго слишкомъ странный даже некрасивый видъ, благодаря своему одинокому положенію среди другихъ одноэтажныхъ магазиновъ при чрезмѣрной высотѣ относительно ширины магазина, всѣ эти надстройки произведены уже при мнѣ. При мнѣ уничтожена, также, неширокая каменная ступенчатая лѣстница раздѣлявшая рядъ магазиновъ (между улицами; Александровскою и Казанскою), ведшая съ проспекта на Троицкій базаръ; теперь на мѣстѣ этой лѣстницы большой магазинъ бумаги и канцелярскихъ принадлежностей Дитятковского товарищества. Исчезли съ бульваровъ и прежнія маленькія, простыя, деревянные будочки въ которыхъ помѣщалась продажа: табаку, чернилъ, бумаги, была переплетная Лифшиць были и книжные магазины: Алексѣева и Шафермана; ихъ замѣнили хотя тоже будки, но другія, новыя болѣе изящной формы съ какимъ нибудь вычурнымъ верхомъ въ видѣ башенки, колонки и т. п. Появились деревянные кіоски для продажи газетъ и журналовъ, а разнаго рода объявленія стали расклеивать на нарочно поставленныхъ круглыхъ металлическихъ колонкахъ. При подошвѣ горы противъ Городской Управы я засталъ еще конецъ балки съ деревяннымъ заборомъ на юго-западномъ углу Проспекта и Управской (прежде Заводской) улицы; тамъ теперь большой каменный домъ Петрова содержателя бюро погребальныхъ процессій.

Воскресенская улица. На Воскресенской улицѣ противъ нынѣшняго губернаторскаго дома на противоположной (юго-восточной) стороне улицы я засталъ, въ 1886 году, немного отступя отъ линіи домовъ открытую канаву обгороженную низкимъ деревяннымъ заборчикомъ изъ столбиковъ съ длинными перекладинами, скрывавшуюся подъ Проспектомъ и потомъ вновь обнаруживавшеюся на „Клубной“ улицѣ, называвшейся прежде „Проточною“ вблизи нынѣшняго зданія Англійскаго клуба. Вѣроятно благодаря присутствію этой канавы, проходящей теперь подъ улицами, низменная местность сада Англійскаго клуба очень часто отдаетъ сыростью.

Лагерная улица. На углу улицъ Мѣткой и Лагерной, гдѣ теперь цѣлый рядъ каменныхъ домовъ и гдѣ конечная остановка линіи Со-

борнаго трамвая весь юго-западный уголь былъ въ 1886 году занятъ большимъ огородомъ, обнесеннымъ деревяннымъ заборомъ изъ горизонтальныхъ, продольныхъ досокъ. Въ отдаленіи отъ забора стоялъ, среди огорода, небольшой деревянный, мазанковый домикъ Ясинскаго; здѣсь же долгое время находилась большая, злая, черная собака, которую потомъ чуть-ли не отравили, вообще, эта мѣстность была совершенно пустынною. По той же Лагерной улицѣ кварталомъ ближе къ губернской земской больницѣ на сѣв.-вост. углу Лагерной улицы и 2-го Казарменнаго переулка на мѣстѣ нынѣшняго каменнаго двухъ-этажнаго дома Ларионовой (№ 20-й) стоялъ кабачекъ (довольно длинный одноэтажный домикъ), торговавшій, повидимому, очень бойко. Да и какъ было не торговать, когда соблазнъ для мужичковъ былъ великъ: мимо этого кабачка проходила ближайшая дорога изъ города отъ Троицкаго базара на Мандриковку и далее въ Лоцманскую-Каменку. Подолгу простаивали здѣсь крестьянскія лошадки, но зато бойко неслись потомъ дальше и надо было быть очень внимательнымъ, чтобы проходя по незастроенной въ то время совершенно открытой площади между Севастопольскимъ кладбищемъ и казармами Симферопольскаго полка и даже далѣе къ сѣв.-западу отъ казармъ до военной (бригадной) церкви, и перваго казарменнаго переулка, не подвернуться, какъ нибудь, подъ мчавшихся лошадей подвыпившихъ мужичковъ; послѣдними зачастую устраивались настоящія скачки изъ желанія опередить другъ друга. Нечего и говорить что отъ подобнаго рода состязаній пыль, особенно въ сухую вѣтренную погоду, разносилась на еще болѣе далекое разстояніе. Съ введеніемъ казенной винной монополіи закрылся и кабачекъ.

Мѣткая улица. Въ 1886 году я засталъ на Мѣткой улицѣ только единственный двухэтажный каменный домъ на сѣв.-вост. Углу этой улицы и Волосской (нынѣшней Гоголевской) принадлежавшій Фолькерту. Въ верхнемъ этажѣ этого дома нанималъ квартиру командиръ 1-й бригады 34-й пѣхотной дивизіи ген.-майоръ Соколовъ. Всѣ остальные двухэтажные дома, находящіеся по этой улицѣ построены уже при мнѣ.

Нагорная улица. При самомъ началѣ улицы черезъ балку проходившую у подошвы горы былъ перекинутъ деревянный мостъ на высокихъ стропилахъ. Въ сухую погоду можно было проходить и подъ мостомъ непосредственно черезъ самую балку, но послѣ дождей переходъ по ея дну былъ затруднителенъ, а иногда и невозможенъ.

Площади: *Архіерейская* (въ смежности и къ западу отъ Архіерейскаго дома), *Симферопольская* (къ сѣв.-западу отъ военнаго кладби-

ща), *Севастопольская* (къ скверу отъ Севастопольскаго кладбища) и *часть Казарменной* (къ юго-западу отъ казармъ Симферопольскаго полка), бывшія сравнительно небольшими за распродажею ихъ по участкамъ подъ частное домостроительство исчезли сами собой. Проданные городомъ на этихъ площадяхъ кварталы начали застраиваться лѣтомъ 1908 года.

Прежняя Ярмарочная площадь. Обширный районъ между нынѣшними улицами: Мѣткою, Лагерною, продолженіемъ Проспекта и Полтавскою былъ еще въ 1886 году ничѣмъ не застроенъ, не огороженъ и нигдѣ не вымощенъ. На немъ находилась только водокачка съ нѣсколькими при ней зданіями, стоящая юго-западнѣ Областного Музея имени А. Н. Поля, но уже предназначенная къ сносу, да на мѣстѣ горнаго училища и первой городской женской гимназій стояло нѣсколько нежилыхъ деревянныхъ построекъ— принадлежностей бывшихъ тутъ ярмарокъ. Большую часть времени года здѣсь бывала полнѣйшая пустыня, при чемъ ходить и ѣздить по всему этому огромному пространству предоставлялось кому угодно и въ какихъ угодно направленіяхъ. Но за то три раза въ году: передъ 23-мъ апреля, 29-мъ іюня и 26-мъ сентября площадь оживала наполнялась пріѣзжимъ людомъ и устанавливалась привозимыми продуктами и товарами, жизнь кипѣла, какъ говорится, во всю. Иногда съѣздъ бывалъ столь значителенъ, что за недостаткомъ мѣста на самой площади послѣдніе возы устанавливались возлѣ ограды военнаго кладбища и дальше—въ направленій къ лагерю 34 пѣхотн. дивизіи, гдѣ съ 1908 года возникли цѣлые кварталы частныхъ построекъ. Дня два послѣ вышеуказанныхъ чиселъ оставались еще кой-какіе возы, а затѣмъ и они исчезали. Площадь окончательно пустѣла, а въ сосѣдніе дома бывало нашествіе цѣлыхъ армій мухъ. Если и теперь съѣздъ на ярмарку бывалъ, иной годъ, весьма значителенъ, то можно себѣ представить сколько же пріѣзжало народу, когда еще не было желѣзныхъ дорогъ? Этими ярмарками: Георгіевскою, Петропавловскою и Ивановскою (самая главная была Петропавловская) или вѣрнѣе сказать многолюднымъ съездомъ на эти ярмарки изъ уѣздовъ и сосѣднихъ губерній, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить почему особенно выдающіяся торжества состоялись: освященіе нынѣшняго кафедральнаго собора—29-го іюня и открытіе памятника Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ II—26-го сентября. Въ настоящее время ярмарка уже на третьемъ мѣстѣ: сначала ее перевели южнѣ Пороховой улицы между балками: аптекарскою и фабричною, а теперь, кажется съ 1908 года, собира-

ется при выѣздѣ изъ города между фабричною балкой и Никопольскою дорогою.

Соборная площадь. Подобно другимъ площадямъ по этой площади всюду неслись облака пыли, чему еще болѣе способствовали отсутствіе мостовой и возможность ѣзды на площади въ какомъ угодно направленіи. Уже при мнѣ вымостили подъѣздную дорогу отъ Екатерининскаго Проспекта къ Каѳедральному Собору и потомъ далѣе къ Архіерейской улицѣ, придавъ должно быть для красоты, мостовымъ немного извилистое направленіе, а также разбили площадь на участки, которые огородили деревянными столбиками обтянутыми проволокой. Благодаря этому пространство между столбиками начало вскорѣ заростать свѣжею, чудною зеленой травкой, кромѣ площадки, оставленной для воинскихъ парадовъ; ѣзда же стала производиться только по опредѣленнымъ направленіямъ между разбитыми участками. При описаніи Соборной площади невольно припоминается сообщеніе преосвященнаго Гавріила (Розанова) о выкопанномъ на горѣ колодецѣ: „поелику, писалъ архіепископъ Гавріиль, „главнѣйшія изъ зданій и заведеній Екатеринослава долженствовали „быть на весьма возвышенномъ мѣстѣ, которое скудно водою: то было въ предметѣ, на приличныхъ мѣстахъ устроить шесть колодезей „и одинъ бассейнъ, чтобы въ оный, на поверхность горы, взводить „воду изъ Днѣпра механически, и чрезъ фонтаны, оную сообщать „всякому, кто когда будетъ имѣть потребность. Слѣдъ одного укопаннаго уже колодца сохраняется близъ Собора до днесь, къ нему „любопытству cadaго. Это глубокая и обширная яма, въ которую стекаетъ всякая нечистота ¹⁾“. Едва ли не слѣдъ этого колодца находится приблизительно на срединѣ между Каѳедральнымъ соборомъ и домомъ наслѣдниковъ Кажаіа на юго-восточномъ углу продолженія Проспекта и Лагерной улицы, здѣсь замѣтенъ небольшой бугорокъ и какъ будто основаніе какого то отверстія. А. Н. Молчанова въ своихъ воспоминаніяхъ на страницахъ Екатеринославскаго Юбилейнаго Листка ²⁾, между прочимъ, сообщила, что ея мужъ во время бывавшихъ прежде въ Екатеринославѣ суровыхъ зимъ и частыхъ мятелей, при возвращеніи послѣ всенощной изъ Архіерейскаго дома, особенно боялся попасть въ огромную яму неудавшагося колодца, въ которой погибло много разнаго скота и даже нѣсколько

¹⁾ Записки Одесс. Общества исторіи и древностей, томъ 5, и продолженіе очерка о Новороссійскомъ краѣ, статья архіеп. Гавріила (Розанова), стр. 428.

²⁾ Екатеринбург, юбил. лист. № 21 отъ 24 мая 1887 г., стр. 203.

людей и которая была въ той мѣстности, гдѣ теперь новые кварталы передь военною церковью (т. е. нынѣшній районъ между казармами Симферопольскаго полка), продолженіемъ Проспекта, Лагерною улицей и продолженіемъ Мѣткой (3-мъ казарменнымъ переулкомъ). Мнѣ кажется, что указаніе ею мѣста неудавшагося колодца очень далекое и слишкомъ противорѣчитъ указанію другого жителя того времени преосвященнаго архіепископа Гавріила, свидѣтельствующаго, какъ уже было выше упомянуто, что слѣдъ колодца сохраняется вблизи собора.

Екатерининская площадь. Передь названіемъ улицы „Лагерной“ на угловомъ (юго-восточ. уголъ Лагерной улицы и продолженіе Проспекта) деревянномъ домѣ наслѣдниковъ Кожаяа я видѣлъ прибитою табличку съ надписью: „Екатерининская площадь“. Очевидно, такое названіе произошло отъ памятника поставленнаго въ 1846 году, передь кафедральнымъ Соборомъ, дворянствомъ Екатеринославской губерніи Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ II-й, но съ какого именно года площадь стала называться Екатерининскою и какимъ былъ ея районъ мнѣ неизвестно. На планѣ межев. инжен. Пупырникова 1885 года и позднѣйшемъ (годъ не обозначенъ), продающемся въ книжномъ магазинѣ В. Алексѣева, такого названія нѣтъ, а вся площадь названа Соборною. Наконецъ изъ акта отъ 23-го іюля 1874 года за № 1036 объ указаніи въ натурѣ двороваго мѣста, купленнаго съ торговъ въ Екатерин. Губернск. Правленіи 2 сентября 1852 года покойнымъ Григоріемъ Георгіевичемъ Кажаяа видно, что площадь (Соборная или Екатерининская?), если не вся, то близлежащая ея часть звалась, также, еще и „Преображенскою“. Въ томъ-же сравнительно недавнемъ, но официальномъ актѣ имѣется новое подтвержденіе о ширинѣ Екатерининскаго Проспекта, для ширины котораго взята отъ угла Богоугоднаго заведенія до отводимаго Г. Г. Кажаяа двороваго мѣста 35 сажень.

Острожная площадь. Нынѣшняя тюремная площадь называлась прежде „Острожною“. На всемъ огромномъ ея пространствѣ между нынѣшнимъ Пушкинскимъ проспектомъ, Садовою улицей и продолженіемъ Казачьей и Елизаветградской, въ 1886 году стояли только Исправительное Арестантское Отдѣленіе въ одномъ концѣ и Губернская Тюрьма въ другомъ, возлѣ которой была кажется еще какая-то казарма или постройка для нуждъ военнаго вѣдомства; все же остальное пространство было пустопорожнимъ и въ сухую, вѣтренную погоду по ничѣмъ незастроенной площади неслись облака пыли. Въ

1889 году крестный ходъ (17-го октября), шедшій изъ Каодральнаго Собора на Цыганскую (нынѣ Александро-Невскую) площадь и во весь путь слѣдованія сопровождавшійся преосвященнымъ епископомъ Серапіономъ († 1891 г.) пересекъ Острожную площадь наискось по діагонали отъ ея сѣверо-восточнаго угла къ юго-западному. Уже впоследствии въ сѣверо-западномъ углу площади былъ устроенъ циклодромъ. Въ настоящее время прежняя Острожная площадь наполовину застроена, а по другой ея половинѣ распространился огородъ арестантскаго исправительнаго отдѣленія и только сѣверо-восточный уголь остается еще свободнымъ. Въ застроенной же части возникла цѣлая сѣть учебныхъ заведеній: коммерческое училище имени Государя Императора Николая II-го, 2-е реальное училище и 2-я городская женская гимназія; изъ нихъ особенно красиво и величественно первое, въ немъ помѣщается, также, и Екатеринославская ученая архивная комиссія, открывшая свои дѣйствія въ мартъ мѣсяць 1903 года.

Александро-Невская площадь называлась прежде „Цыганскою“ и въ 1886 году я засталъ ее еще совершенно пустопорожнею. Въ 1888 году 18-го сентября на ней была освящена епископомъ Серапіономъ временная часовня для возбужденія усердія мѣстныхъ жителей къ скорѣйшему сооруженію постоянного каменнаго храма. Кажется въ 1889 году освящена временная, нынѣ упраздненная, Александро-Невская церковь въ воспоминаніе чудеснаго спасенія Царской Семьи при крушеніи Императорскаго поѣзда возлѣ станцій Борки 17-го октября 1888 года, сообщившая, должно быть, и всей площади названіе „Александро-Невской“, а 22-го декабря 1896 года нынѣ правящимъ Екатеринославою паствою преосвященнымъ епископомъ Симеономъ освященъ приходской каменный храмъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Въ юго-западной части площади возникъ базарчикъ.

IX. Сады города Екатеринослава.

У А. Скальковскаго въ его трудѣ „Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края“ (томъ II, стран. 106—107 и 170—172) помѣщены слѣдующія свѣдѣнія о садахъ города Екатеринослава: „Одинъ, „нижній—на берегу Днѣпра, противъ „Монастырскаго (т. е. нынѣшняго Богомолловскаго) острова“, принадлежащей „теперь дворянскому собранію; а другой, „верхній—близъ вѣзда „въ городъ. Въ 1797 году, повелѣно было оба сада оставить, а „всѣ драгоцѣнныя растенія продать. Но въ 1805 году, Императоръ „Александръ обратилъ на эти сады свое вниманіе и герцогу Ришелье

„повелѣно было: садъ „нижній“, предоставить для публичныхъ гуляній, а „верхній“ — обратить для развитія систематическаго садоводства въ плантаціяхъ фруктовыхъ, рѣдкихъ деревь и растеній „дабы снабжать ими Новороссійскій Край“. Оба приняты въ вѣдѣніе казенны и содержались на счетъ особо на то пожалованныхъ суммъ. При нихъ, въ 1817 году, по проекту извѣстнаго судьи колонистовъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Коптеніуса, учреждено было „Помологическое Общество, коего весьма усерднымъ президентомъ, съ 1819 года, былъ генераль И. Н. Инзовъ. Въ томъ же саду, съ 1817 года, учреждено и училище садоводства. Въ 1830 годахъ нижній садъ, при всей своей дикости, содержался въ чистотѣ, имѣлъ прекрасную мѣстность и былъ любимымъ гульбищемъ Екатеринбургскихъ жителей. Онъ занимаетъ тридцать десятинъ земли по теченію Днѣпра и какъ-бы вѣнкомъ опоясываетъ домъ дворянскаго собранія, вновь перестроенный и украшенный. Жаль что онъ теперь совершенно оставленъ. Въ 1842 году, при новомъ образованіи садовыхъ учреждений въ Южной Россіи, въ верхнемъ саду учреждено училище садоводства второго разряда, въ которомъ положено 8 казенныхъ и 6 частныхъ учениковъ. Къ нему, въ 1843 году, присоединенъ участокъ земли, купленный у военнаго вѣдомства, для разведенія правильной плантаціи. Въ этомъ саду, имѣющемъ до 36¹/₄ дес. пространства, богатомъ вѣковыми уже деревьями, считалось въ 1848 году слѣдующее число растеній:

„Деревьевъ фруктовыхъ.	31,094
„Деревьевъ лѣсныхъ.	192,837
„Кустарниковъ.	23,438
„Цвѣточныхъ и оранжерейныхъ растеній	
„569 сортовъ, въ	5,642 экз.
„Огородныхъ растеній	71 сортъ.
„Торговыхъ, лекарственныхъ, маслич-	
„ныхъ и красильныхъ растеній 27	
„сортвъ, въ.	1,936 экз.
„Но изъ этого числа, въ зиму 1846 года, погибло до 4,520	
штукъ.	

„На новомъ питомникѣ, въ двухъ верстахъ отъ сада городско-го, въ балкѣ, растутъ уже дубъ, клень и другія деревья; а съ 1845 года посажено 5,000 слишкомъ штукъ шелковицы, тополей и другихъ деревь и растеній. Садъ приноситъ дохода 1,694 руб. 65 коп.

„серебр. въ годъ; да отъ шелковичныхъ червей собрано въ 1846 го-
ду 12,000 коконовъ¹⁾).

„Въ 1787—1789 году, основавъ главное пребываніе свое въ Ека-
теринославѣ, Потемкинъ приобрѣлъ тамъ у запорожца Глобы за 3,000
рублей двѣ полудикія плантаціи, тутъ построилъ онъ себѣ прекрас-
ный домъ въ венеціанскомъ вкусѣ, изъ тесаннаго камня, и привезъ
туда изъ польскаго своего имѣнія Дубровны, на баркахъ по Днѣп-
ру, великолѣпную оранжерею съ 29 садовниками; сверхъ того, фрук-
товыя деревья были привезены частью изъ Молдавіи, частью изъ
Малороссіи; изъ Молдавіи же выписаны 12 фуръ виноградныхъ лозъ
и нѣсколько болгаръ искусныхъ виноградарей. Въ 1798 (въ дру-
гомъ мѣстѣ 1797 г.) году, по представленію губернатора Новорос-
сійскаго Бердяева, оранжереи эти приказано продать, а садъ упразд-
нить; продажа оранжерей состоялась за 1,039 руб. Второй садъ
Глобы, нижній, по смерти его, въ 1793 году, достался городу и былъ
приписанъ къ учрежденной тамъ суконной и шелковичной фабрикѣ,
почему насадили въ немъ и ворсильныхъ шишекъ²⁾“.

На основаніи одного изъ документовъ Новороссійской казенной
палаты отъ 18-го мая 1797 года видно, что въ то время „въ здѣш-
немъ городѣ (т. е. въ Екатеринославѣ) при генераль-губернатор-
скомъ домѣ имѣлась оранжерея съ теплицами, мѣрою на пятнадцать
саженяхъ. Въ оной состояло (нынѣ) деревьевъ и растений, а именно

¹⁾ Екатер. юбил. лист. № 7 отъ 23 апр. 1887 г., стр. 60. Для полноты свѣ-
дѣній вообще о разнаго рода растительности слѣдуетъ упомянуть еще о „ревен-
ной плантаціи“, о которой въ Екатер. юбил. лист. было сообщено слѣдующее:
„Въ 1800 г. мы встрѣчаемъ особенную заботливость администраціи о разведеніи
повсюду въ городахъ губернскихъ и уѣздныхъ лекарственныхъ растений...
Мысль объ учрежденіи ревенныхъ плантацій возникла, по всей вѣроятности, въ
тогдашнемъ высшемъ врачебномъ по имперіи учрежденіи Медицинской Коллегіи,
которая поручала мѣстнымъ врачебнымъ управамъ (и въ томъ числѣ и Ново-
россійской, въ Екатеринославѣ) позаботиться объ устройствѣ плантацій. При-
сканіе подходящаго здѣсь участка земли, обнесеніе его оградой и обработка
грядки возложены были врачебною управою на „Новороссійскаго уѣзда штабъ-
лекаря Рандау“, который вошелъ обо всемъ этомъ въ длинную переписку съ
городскимъ магистратомъ и губернскимъ правленіемъ, продолжавшуюся болѣе
года. Наконецъ, 22 мая 1801 г., въ городскомъ магистратѣ состоялось опредѣ-
леніе, разрѣшившее всѣ затрудненія врача Рандау, и плантація ревенная, пови-
димому, была устроена. Какъ велика она была и долго ли существовала, неиз-
вѣстно. Въ архивѣ думскомъ сохранилось подъ № 276 за 1800 годъ особое „дѣло
о ревенѣ“ (Екатер. юбил. лист. № 21 отъ 24 мая 1887 г., стр. 205).

²⁾ Екатер. юбил. лист. № 12 отъ 3 мая 1887 г., стр. 109.

„деревьевъ: лавровыхъ -40, померанцевыхъ —10, арабской померанецъ —1, апельсинъ—1, помадани—5, лимонъ—1; калеровокъ: померанцовыхъ — 18, дикихъ померанцовъ — 191, кателерь — 1, фигъ — 76, „миртусовъ—2, ливрусъ цынусъ—4, розановъ—16, гранатовъ—10 таксовъ—5, флюсь пансонисъ—6, ананасовъ—10, жесмину—19, цересовъ—12, цыпрезусовъ —4, пуртулаку—66, персиковъ—5, абрикосовъ—4¹⁾).

О садахъ въ Екатеринославѣ Григор. Яковл. Титовъ писалъ въ своихъ письмахъ изъ Екатеринослава (письмо 2-ое) слѣдующее: „Екатеринославъ имѣеть два прекрасные сада, подобныхъ коимъ едва-ли можно найти въ другомъ городѣ. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ „казнѣ и находится въ нижней части города; другимъ (бывшимъ „кн. Потемкина, коего именемъ называется доселѣ) владѣеть Екатеринославское Дворянство. Скажемъ нѣчто о томъ и другомъ. Ка-„зенный садъ началомъ своимъ обязанъ запорожскому казаку Глобѣ, „который былъ страстный охотникъ до садоводства. Онъ скончался „100 лѣтъ и погребенъ въ своемъ саду, гдѣ на могилѣ его доселѣ „стоитъ каменный столбъ. Этотъ садъ, одинъ изъ огромнѣйшихъ и „богатѣйшихъ публичныхъ садовъ, послѣ отошелъ въ казну и со-„держится въ образцовомъ порядкѣ. Имѣеть безчисленное множество „фруктовыхъ деревьевъ, богатый виноградникъ и превосходную оран-„жерею, воспитываетъ миллионы шелковичныхъ червей и славится „училищемъ садоводства. Въ немъ одинъ недостатокъ: посреди его „стоитъ озеро или нѣчто въ родѣ рѣки, раздѣленной на нѣсколько „рукавовъ и поросшей камышемъ. Вода, не имѣя свободнаго истока „лѣтомъ покрывается плесенью и испускаетъ не совсѣмъ пріятныя „испаренія.

„Обратимся къ саду кн. Потемкина... Онъ первоначально раз-„веденъ тремя запорожскими казаками—Глобою, Каплуномъ и Кор-„жемъ, которые жили въ немъ вмѣстѣ, подъ одною крышею. Остат-„ки ихъ сада и теперь можно видѣть внизу, въ огромныхъ дере-„вьяхъ, называемыхъ по здѣшнему „осокорь“. Теперь онъ замѣча-„теленъ только по своему прекрасному, живописному мѣстоположе-„нію. Онъ весь почти на горѣ, надъ самымъ Днѣпромъ. Дикіе и уте-„систые берега, безподобные виды, открывающіеся на всѣ стороны, „особенно на живописныя окрестности, и на Днѣпровское судоход-„ство, цѣлительный нагорный воздухъ, дѣлають прогулку въ этомъ „саду въ высшей степени пріятною. Видно, князь Потемкинъ съ боль-

¹⁾ Екатер. Юбил. лист. № 21 отъ 24 мая 1887 г., стр. 204.

„шимъ умомъ соединялъ большой вкусъ. Но, при всѣхъ своихъ при-
„родныхъ достоинствахъ, коими садъ кн. Потемкина обладает те-
„перь, онъ не имѣетъ той красоты, которую имѣлъ при своемъ пер-
„вомъ хозяинѣ. Когда здѣсь жилъ князь Таврической, въ саду его
„говорять, со всѣхъ странъ свѣта были собраны всѣ замѣчательнѣй-
„шіе деревья и цвѣты“ (письма изъ Екатеринослава Г. Титова, изд.
въ Одессѣ въ 1849 году, стр. 31—34-я).

О казенномъ (ныне „городскомъ“) садѣ Николай Рындовскій въ
своемъ письмѣ въ редакцію Екатеринославскаго юбилейнаго листка
сообщилъ еще слѣдующее: „Капитальною достопримѣчательностью
„Екатеринослава въ 20, 30, 40 годахъ (XIX столѣтія), а вѣроятно и
„прежде, въ 10 годахъ, былъ садъ, тогда называвшійся казеннымъ.
„Одна часть его теперь составляетъ городской садъ, а другая—такъ
„называемый техническій садъ. Прежній казенный садъ представлялъ
„достопримѣчательность не только въ, такъ сказать, количественномъ,
„но и въ качественномъ отношеніи. Подъ нимъ было, кажется, 40 де-
„сятинъ; границами его были: съ сѣвера такъ называемая, Болотная
„площадь съ запада—Острожная площадь, съ востока—Екатеринин-
„скій проспектъ (и съ запада и съ востока до самой Болотной пло-
„щади), съ юга дворы и сады теперешнихъ владѣльцевъ: Ульмана,
„Зее (кажется, что и они прежде составляли часть казеннаго сада) и
„смежнаго съ дворомъ теперешней католической церкви домовладѣль-
„ца (Щекутина). Въ настоящее время значительная часть прежняго
„казеннаго сада распродана по частямъ и застроена частными по-
„стройками). Въ прежнее время садъ этотъ содержался въ отличномъ
„состояніи, благодаря преимущественно своему садовнику Гуммелю,
„который представлялъ идеаль прежняго типа нѣмца по честности,
„трудолюбію, неутомимой заботливости о ввѣренномъ ему дѣлѣ и от-
„личному знанію своего дѣла. Садъ былъ наполненъ какъ дикими
„такъ, и и отличными фруктовыми деревьями. Кромѣ того, въ немъ
„были обширные огороды и парники. Былъ тамъ и виноградникъ, и
„заведеніе для разведенія и воспитанія шелковичныхъ червей. Было
„при немъ и училище садоводства, въ которомъ обучались преиму-
„щественно дѣти помѣщичьихъ крестьянъ. Оно для тогдашнихъ по-
„мѣщиковъ приготовляло искусныхъ и знающихъ садовниковъ и
„огородниковъ. Выдающеюся достопримѣчательностью въ этомъ саду
„было отдѣленіе,—не помню, какъ оно технически называлось,—пре-
„имущественно состоявшее изъ деревьевъ, доставленныхъ изъ Аме-
„рики. Оно находилось внутри сада, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь
„лѣтнее помѣщеніе англійскаго клуба (въ 1887 году англійскій клубъ

„имѣлъ лѣтнее помѣщеніе въ городскомъ саду кажется тамъ, гдѣ теперь ресторанъ противъ главнаго входа), бильярдная клуба, буфетъ для нечленовъ клуба и проч. Было оно огорожено высокимъ плетнемъ. Вотъ что я слышалъ о происхожденіи этого отдѣленія сада: въ 1821, 22 или 23 году, въ Россію пріѣзжали изъ Америки два квакера (именъ ихъ теперь не припомню, а о путешествіи ихъ въ Россію была напечатана статья въ „Русской Старинѣ“, или въ „Русскомъ Архивѣ“, не помню за какой годъ, между 1870—1884). Первоначально они пріѣхали въ Петербургъ. Въ то время въ Россіи вообще, а въ Петербургѣ въ особенности, въ высшемъ кругу преобладало религіозно-мистическое настроеніе, котораго нечуждъ былъ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ, а бывшій оберъ-прокуроромъ Св. Синода и министромъ народнаго просвѣщенія, кромѣ того занимавшій и другія высшія должности, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ всецѣло былъ во власти этого настроенія. Квакеры были приняты въ Петербургѣ очень предупредительно и благосклонно. Они удостоились милостиваго приѣма у ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА. Изъ Петербурга они отправились на Югъ Россіи, имѣя въ виду, между прочимъ, познакомиться съ ученіемъ сектантовъ—духоборцевъ и молоканъ, особенно первыхъ, жившихъ тогда богатыми поселеніями въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губерніи. Изъ Петербурга послано было распоряженіе губернаторамъ по пути въ Таврическую губернію, чтобы гостей этихъ возможно любезнѣе принимали и оказывали имъ содѣйствіе къ болѣе удобному путешествію. Когда они пріѣхали въ Екатеринославъ и остановились здѣсь на нѣсколько дней, то губернаторъ, при выполненіи распоряженія изъ Петербурга, былъ поставленъ въ немалое затрудненіе: чѣмъ занять дорогихъ гостей? Екатеринославъ того времени представлялъ очень мало для этого ресурсовъ. Выйти изъ этого затрудненія помогъ хозяину губерніи казенный садъ и особенно его пѣстунъ, садовникъ Гуммель. Губернаторъ повезъ гостей въ садъ, и тамъ Гуммель умѣлъ такъ заинтересовать почтенныхъ гостей всѣмъ, что имъ было показано и рассказано, что, прощаясь съ Гуммелемъ, они просили его указать, чѣмъ они могутъ быть полезны ему или завѣдываемому имъ саду? Гуммель на это любезное предложеніе просилъ ихъ, если можно, прислать изъ Америки особенно замѣчательныхъ деревьевъ, которые онъ посадить въ садъ и постарается акклиматизировать. Квакеры обѣщали исполнить эту просьбу. Если вспомнить, что въ тогдашнее время не было еще ни пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ и что пути сообщенія

„вообще, а въ Россіи въ особенности, были весьма „несообщительны“ „то просьба Гуммеля, естественно, покажется смѣлою и рискованною, „но она-то и указываетъ на то, что Гуммель душою и тѣломъ все- „цѣло былъ преданъ своему саду. Прошло около году; быть можетъ, „кромѣ Гуммеля, всѣ знавшіе объ обѣщаніи квакеровъ забыли уже „о немъ, какъ вдругъ получается изъ Одессы извѣщеніе о полученіи „тамъ для Екатеринославскаго казеннаго сада изъ Америки деревьевъ „и приглашеніе явиться для полученія ихъ. Деревья были благопо- „лучно доставлены въ Екатеринославъ и Гуммель съ разрѣшенія „Помологическаго комитета“,—распорядительной тогда инстанціи по дѣ- „ламъ, касающимся сада,—устроилъ въ срединѣ сада особое отдѣле- „ніе для американскихъ деревьевъ и отлично ихъ культивироваль. „ Впослѣдствіи, со смертію Гуммеля и съ переходомъ сада въ вѣдом- „ство министерства государственныхъ имуществъ, отдѣленіе это,— „какъ и вообще весь садъ,—приходило все болѣе и болѣе въ за- „пущеніе, опустошеніе и разореніе. Но еще лѣтъ 20—16 тому на- „задъ я видѣлъ въ саду остатки американскихъ деревьевъ, и бывший „тогда садовникъ Завадскій по возможности охранялъ ихъ. На нѣ- „которыхъ изъ нихъ имъ были прибиты дощечки съ названіемъ де- „ревьевъ и съ объясненіемъ на нѣкоторыхъ, что это единственные „экземпляры во всей южной Россіи. Но въ настоящее время не оста- „лось, кажется, уже ни одного изъ этихъ заморскихъ къ намъ пере- „селенцевъ“. (Екатерин. юб. лист. № 5 отъ 19 апр. 1887 г., стр. 41—42). Въ примѣчаніи Редакціи Екат. юбил. листка сказано, что любитель- „садоводъ М. Я. Масловичъ показывалъ въ городскомъ саду по лѣвую „сторону у конца дорожки, ведущей на площадку сада одно американ- „ское дерево „гимнокладъ“.

Относительно провалыа между Потемкинскимъ дворцомъ (домомъ дворянства Екатеринославской губ.) и архіерейскимъ домомъ архі- „епископъ Гавріиль (Розановъ) оставилъ слѣдующія воспоминанія: „близъ княжескаго Потемкинскаго дворца, по правую сторону онаго, „незамедлили построить и домъ (деревянный) для гражданскихъ въ „Екатеринославѣ губернаторовъ. Тутъ они дѣйствительно, каждый въ „свою чреду и жили до 1803 года. А въ этомъ году домъ поступилъ „въ вѣдомство Екатеринославскихъ епархіальныхъ архіереевъ для „всегдашняго ихъ тутъ пребыванія, которое точно они нынѣ тамъ и „имѣють, исправивъ, конечно, и передѣлавъ уже многое. Итакъ Екате- „ринославскіе архіереи пользуются теперь, наравнѣ съ бывшимъ двор- „цомъ княжескимъ, прекраснымъ мѣстоположеніемъ съ фруктовымъ об- „ширнымъ садомъ но съ сѣверной стороны дома оказался ужасный зем-

„ли проваль, который по самому вѣрному измѣренію, глубины имѣеть „не менѣе 13 сажень. До 1808 или 1810 года провала сего вовсе не „было, а лежала отъ Потемкинскаго дворца къ нынѣшнему архі- „ерейскому дому прямая и безопасная дорога; при чемъ и сѣзды „быль съ горы внизъ къ Днѣпру самый удобный; но вотъ неприя- „ности! Около сего времени, вмѣсто ограды, садъ княжескій окопали „небольшою канавкою, не оградивъ ее ни камнемъ, ни кирпичемъ. „По елику же грунтъ земли здѣсь рыхлый, то канавка размываясь „съ года на годъ водою, сдѣлалась послѣ чрезвычайно глубокою „ямою, которая расширяясь во всѣ стороны, и открыла тотъ про- „валь“¹⁾).

По прїѣздѣ въ Екатеринославъ въ 1886 году я засталъ въ немъ два главныхъ сада: городской по проспекту (между Садовою улицей и Озерною площадью) и Потемкинъ за каедральнымъ Преображен-скимъ соборомъ на сѣверо-восточной окраинѣ горы, рядомъ съ го-родскимъ садомъ ближе къ Озерной площади былъ еще такъ назы-ваемый „технической садъ“ (гдѣ теперь районъ Южно-Русской Об-ластной Выставки), въ которомъ находилось училище (или школа) садоводства, уже упраздненное, а на озерѣ или вѣрнѣе сказать прудѣ устраивался въ зимнее время года катокъ съ особою платой за входъ, на каткѣ игралъ оркестръ военной музыки. Нѣмецкій садъ (юго-восточный уголъ Елисаветградской улицы и Пушкинскаго про-спекта) и садъ Екатер. Общ. Сибранія, садъ „Акваріумъ“ другіе еще болѣе мелкіе увеселительные сады возникли уже впоследствии.

Городской садъ. За отсутствіемъ, въ то время, отдѣльнаго сада при англійскомъ клубѣ, наоборотъ, самый Англійскій клубъ и его бу-фетъ помѣщались кажется въ лѣтніе месяцы въ зданіи, выстроен-номъ въ городскомъ саду, мѣстная интеллигенція и поклонники свѣт-скихъ гуляній направлялись, почти исключительно въ городской садъ, гдѣ вся масса публики толпилась, обыкновенно, только на одной до-вольно широкой, излюбленной аллеѣ, шедшей отъ лѣтняго деревян-наго театра параллельно проспекту въ направленіи къ техническому саду. Остальныя дорожки были пустыни и ходить по нимъ счита-лось неприличнымъ. Большой нынѣшней открытой площадки среди сада не было и вообще весь садъ былъ болѣе тѣнистымъ (уже при мнѣ въ саду вырубилъ много деревьевъ), чѣмъ теперь. Была правда

¹⁾ „Продолженіе очерка о Новороссійскомъ краѣ“— статья архіеп. Гавріила въ 5 томѣ записокъ Одесск. Общества исторіи и древностей, стр. 438.

площадка у подошвы горы съ цѣлымъ рядомъ скамеекъ гдѣ устраивался фейерверкъ, но по окончанія послѣдняго публика сейчасъ-же вновь спѣшила къ своей оставленной на время любимой аллеѣ. Во время гуляній въ саду игралъ обыкновенно оркестръ военной музыки; былъ въ саду и буфетъ, а также были павильоны для продажи прохладительныхъ напитковъ. По продолженію Казачьей улицы въ смежности и къ юго-западу отъ городского сада небольшой участокъ земли занятъ городскимъ питомникомъ.

Потемкинъ садъ, посѣщался мѣстною интеллигенціей обыкновенно только два раза весной, послѣ чего вся интеллигенція, какъ бы открывъ въ немъ лѣтній сезонъ перекочевывала въ городской садъ. Причиной такого отношенія къ садамъ было, вѣроятно то, что Потемкинъ садъ, доставляя отдыхъ глазу, не давалъ, при этомъ, никакихъ другихъ удобствъ: даже лавочекъ для сиденья было мало и въ вечернее время садъ не освѣщался, тогда какъ городской садъ, наоборотъ, привлекалъ лѣтнимъ театромъ, буфетомъ, вообще внѣшнимъ благоустройствомъ, а можетъ быть еще и центральнымъ расположеніемъ въ городѣ, что при отсутствіи въ то время столь удобнаго сообщенія какъ электрической трамвай тоже могло имѣть не послѣднее значеніе. И вотъ аристократія предпочитала идти въ передній путь и возвращаться назадъ (вѣдь трамвая тогда еще не было, а на извозчикѣ ѣхать не всякому по средствамъ по пыльнымъ бульварамъ Екатеринскаго проспекта въ безводный городской садъ. Правда, была попытка придать благоустройство Потемкину саду, часть сада отгородили, поставили въ ней лавочки, устроили буфетъ, вечеромъ было электрическое освѣщеніе, играла музыка, была чуть ли не открытая сцена, но въ загороженную часть публики приходило мало, а изъ остальной части являлось подъ конецъ гулянья много безбилетныхъ посѣтителей перелѣзавшихъ черезъ ограду изъ неогороженной части сада и въ общемъ предприниматель прогорѣлъ, постройки снесены, электрическое освѣщеніе снято и садъ обратился въ прежнее состояніе. Въ 1909 году сдѣлана новая попытка отдать часть Потемкина сада въ арендное пользованіе; только сами арендаторы поступили уже иначе, ограда арендуемой части начинается теперь прямо отъ наружной входной калитки и бесплатнаго входа нѣтъ; днемъ взымается съ гуляющихъ по 7, а вечеромъ, во время игры музыки, по 15 к. съ человѣка. Арендованная часть сада приведена въ большой порядокъ: устроены три террасы, расчищены дорожки, посажены новыя деревья, разбиты цвѣточныя клумбы, выстроены: ресторанъ, новая

бесѣдка, эстрада для музыки съ большимъ полукруглымъ навѣсомъ, строится, повидимому, еще другой ресторанъ, заведено и разставлено много скамеекъ, въ вечернее время установлено электрическое освѣщеніе, будущее должно показать насколько удачными окажутся всѣ эти нововведенія.

Лежащій противъ Потемкина сада Богомоловскій островъ имѣвшій въ теченіе многихъ лѣтъ только одну дачу стоящую на солнцепекѣ въ самой возвышенной сѣверо-западной части острова въ послѣдніе годы обстроился нѣсколькими дачами и въ низменной своей части; теперь и самый яхтъ-клубъ бывшій вначалѣ у берега Потемкина сада перенесенъ на открытую сѣверо-восточную часть Богомоловскаго острова. Кромѣ яхтъ-клубскихъ моторныхъ и обыкновенныхъ лодокъ, ѣздить на которыхъ составляетъ право членовъ яхтъ-клуба, для катанія публики имѣется у берега Потемкина сада достаточное число частныхъ лодокъ. Одно время были въ Потемкинскомъ саду еще и купальни; частныя купальни посѣщаемыя жителями Екатеринослава находятся въ концѣ Юрданской улицы, но въ виду сильнаго обмеленія Днѣпра у берега путь къ нимъ бываетъ иногда очень далекъ по длиннымъ, деревяннымъ мосточкамъ. Заканчивая очеркъ о Потемкинскомъ садѣ слѣдуетъ упомянуть еще о такъ называемомъ „бычкѣ“—особенно быстромъ теченіи у противоположной саду сѣверо-западной оконечности крутого берега Богомоловскаго острова. Побывать въ лодкѣ на „бычкѣ“ составляетъ удовольствіе не только юной учащейся молодежи, но также и нѣкоторыхъ лицъ болѣе зрѣлаго возраста; между тѣмъ опасность здѣсь немалая: благодаря сильному встрѣчному теченію возлѣ подводныхъ камней, лодкѣ, особенно въ половодье, недолго опрокинуться, а любителямъ безумной удали потонуть на глазахъ гуляющей публики.

Х. Способы передвиженія

Когда я пріѣхалъ въ Екатеринославъ (въ 1886 году) главнымъ и почти единственнымъ способомъ передвиженія были пароконные извозчики. Видъ одноконныхъ экипажей былъ настолько непривлекательный, что ѣздить на нихъ считалось неудобнымъ для мало-мальски приличнаго человѣка, да и насчитывались они, должно быть, только единицами. Впрочемъ ходили еще пароконныя линейки съ мѣстами для сидѣнья устроенными вдоль линейки, такъ что пассажиры усаживались спинами одинъ къ другому, надъ линейкой былъ плоскій верхъ въ видѣ потолка. Путь слѣдованія этихъ линеекъ былъ

отъ вокзала по Екатерининскому проспекту до подошвы горы противъ нынешней Городской управы, гдѣ стояла маленькая кирпичная водоразборная будка, а плата взималась за конецъ по 10 копеекъ съ человѣка. Когда подымалась рѣчь объ устройствѣ дешеваго сообщенія съ окраинами города, сразу говорили, что, при крутизнѣ соборной горы, только и возможенъ электрической трамвай. Концессія на устройство и проведеніе трамвая была сдана Белгійскому Анонимному Обществу и въ июль мѣсяцѣ 1897 года были пущены въ движеніе первые вагоны электрическаго трамвая. Такимъ образомъ Екатеринославъ опередилъ, въ этомъ отношеніи, кажется многіе другіе рускіе города, но зато и вагоны трамвая оказались не столь усовершенствованными какъ находящіеся теперь въ обращеніи въ столичныхъ городахъ Москвѣ и Петербургѣ; главное же неудобство обоихъ нашихъ трамваевъ: бельгійскаго общества и городского состоитъ въ отправленіи, въ зимнее время года, такихъ же открытыхъ вагоновъ, которые ходятъ и лѣтомъ. Кромѣ ординарныхъ и даже еще чаще ихъ отправляютъ двойные вагоны, т. е. задній вагонъ прицѣпной; скамейки для сидѣнья распределены поперекъ вагона, при чемъ на каждой скамейкѣ по четыре мѣста. Выходъ изъ вагона, съ правой стороны, останавливаются вагоны передъ каждою поперечною улицей (только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже проѣхавши улицу) весь путь слѣдованія отъ вокзала до конца соборной линіи трамвай проходитъ около 35 минутъ. Въ первое время только немногіе вагоны доходили до конца соборной линіи (уголь нынѣшнихъ улицъ: Мѣткой и Лагерной), а большая ихъ часть имѣя надпись „Потемкинъ“ оканчивали движеніе у Соборнаго переулка за алтаремъ Каѳедральнаго Собора, послѣ чего ихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи оттуда переводили на другой путь и они возвращались обратно. Отъ этого происходили частыя недоразумѣнія: фактически была права трамвайная прислуга, но неприятно было платиться за оплошность и невнимательность и самимъ пассажирамъ, особенно если погода была морозная или дождливая. Въ устраненіе такого неудобства и въ виду небольшой разницы въ разстояніи рѣшили всѣ безъ исключенія вагоны отправлять до конца линіи. Кромѣ линіи бельгійскаго общества „вокзаль-соборная“ съ пересадкою: „на пристань“ (только для ѣдущихъ съ горы, пересадка у Провіантской улицы) или „на базарную“ (только для ѣдущихъ съ горы, пересадка у Александровской улицы) другою линію „пристань-базарная“ и „на Иорданскую“ (пересадка у Торговой улицы), въ послѣдствіи городъ уже самъ проложилъ линію

„отъ вокзала до конца Казанской улицы, гдѣ на новыхъ планахъ строится Вознесенская церковь“ и „отъ Городской Управы (уголь проспекта и Управской улицы) до Брянскаго завода“. Ѳдущимъ отъ Городской Управы можно брать пересадочные билеты на вокзалъ или на Казанскую улицу. Плата какъ въ вагонахъ Бельгійскаго общества, такъ и Городскаго трамвая по 5 копѣекъ за конецъ; съ учащихъ, имѣющихъ при себѣ удостовѣреніе Учебнаго Начальства Бельгійскаго общества въ теченіе всего дня, а городской трамвай чуть ли только не до 4 часовъ пополудни и при томъ кажется лишь въ будни взимають по 2 копейки; съ воинскихъ нижнихъ чиновъ Бельгійскаго общества беретъ по 3 коп. за конецъ.

Въ самые послѣдніе годы въ Екатеринославѣ появилось нѣсколько автомобилей употребляемыхъ, повидимому, больше для удовольствія, а не для дѣловыхъ поѣздокъ ¹⁾.

Велосипедистовъ (появились уже несколько лѣтъ назадъ) въ Екатеринославѣ сравнительно немного и кажется больше любителей, чѣмъ служащихъ.

XI. Иллюминація и уличное электрическое освѣщеніе.

а) Иллюминація.

Въ дни царскихъ праздниковъ, кромѣ донинѣ сохранившагося обычая освѣщать каждое изъ оконъ казенныхъ и общественныхъ учрежденій двумя зажженными свѣчами я засталъ еще „плошки“— черепяные стаканчики— (шкалики), наливавшіеся саломъ и снабжавшіеся толстымъ фитилемъ. Эти плошки разставляли по бульварамъ Проспекта прямо на землѣ, возлѣ кустарника, на извѣстномъ разстояніи одну отъ другой; наполнявшее ихъ сало растапливалось во время горѣнія на открытомъ воздухѣ, пылало и можно представить себѣ какой чадъ распространялся, особенно въ вѣтренную погоду отъ подобнаго рода иллюминаціи ²⁾. Выставлялись въ окнахъ и разно-

¹⁾ Впрочемъ между Екатеринославомъ и уѣзднымъ городомъ Новомосковскомъ (Екатеринославской губ.) установилось автомобильное сообщеніе.

²⁾ Проживъ, во время ученья, около 10 лѣтъ въ Петербургѣ, припоминаю, что и тамъ на панеляхъ улицъ, не исключая самого Невскаго проспекта, выставлялись такія же плошки; этотъ обычай былъ, въ то время, вѣроятно общимъ и повсемѣстнымъ. Вспомнивъ объ иллюминаціи Петербурга, припоминаю еще о другомъ, также уже отжившемъ, видѣ бывшей тамъ иллюминаціи съ примѣненіемъ для нея газоваго освѣщенія, которымъ въ то время освѣщались главныя улицы Петербурга. И надо отдать справедливость, что газовая иллюминація была тоже

цвѣтные транспоранты съ вензелевыми изображеніями. Въ 1896 году въ дни празднованія священнаго коронованія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА и ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ для иллюминаціи было примѣнено, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, также и электрическое освѣщеніе: сообенно красивъ былъ соединенный вензель ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ изъ электрическихъ лампочекъ двухъ цвѣтовъ у губернаторскаго дома (уголь Проспекта и Воскресенской улицы).

Въ пасхальную ночь Свѣтлаго Христова Воскресенія освѣщаются только церкви преимущественно Успенская, Каѳедральный Преображенскій соборъ и Троицкая, при чемъ, насколько припоминаю, Успенская церковь, бывала освѣщена, почти во всѣ года, лучше остальныхъ. Въ ея верхнемъ ярусѣ не занятомъ колоколами ставится съ давняго времени (видѣлъ я еще въ 1888 году, было оно и въ текущемъ 1910 году) прозрачный транспорантъ изображающій воскресшаго Спасителя, этотъ транспорантъ освѣщается сзади фонаремъ. Съ наружной стороны трехъ упомянутыхъ храмовъ прибивали разной формы деревянныя звѣзды, которыя, до примѣненія для иллюминаціи электричества, снабжали (въ проволочныхъ основаніяхъ) цветными стаканчиками шкаликами наливаемыми масломъ. Кромѣ того, въ Успенской церкви по обѣимъ сторонамъ колокольни спускались длинныя нити съ небольшими цвѣтными фонариками, въ Троицкой церкви такія же нити шли отъ нижняго яруса колокольни къ фонарнымъ столбамъ главнаго входнаго крыльца, въ Каѳедральномъ соборѣ отъ колокольни къ тротуару и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соборной ограды; у того-же Каѳедрального собора я самъ видѣлъ въ 1888 году, еще бумажные фонари, развѣшенные по сторонамъ панели (тротуара) отъ главныхъ воротъ до входа въ церковь. Затѣмъ, на площадяхъ возлѣ Успенской церкви, у Каѳедрального собора зажигались, также,

довольно красива: уступая электричеству, прежде всего по силѣ свѣта, а потомъ по отношенію цвѣтной окраски (была одноцвѣтная представляя обычный цвѣтъ огня), она имѣла еще то неудобство, что нѣкоторые изъ мелкихъ газовыхъ рожковъ задувались вѣтромъ и представляли неполные вензеля и фигуры звѣздъ. Въ дни иллюминаціи обыкновенно снимали фонари и вмѣсто нихъ привинчивали звѣзды разной формы и величины; большіе вензеля устанавливались на балконахъ отдѣльно. Вѣнецъ иллюминаціи составляло электрическое солнце устанавливаемое на башнѣ адмиралтейства въ концѣ Невскаго проспекта. Установку тамъ такого соднца я помню еще въ 1878 году. Конечно, въ Петербургѣ не скупились на зажиганіе въ разныхъ мѣстахъ бенгальскихъ огней и сильно свѣтящейся ленты „магнія“.

смоляныя бочки—тоже уже отжившій видъ иллюминаціи. Въ 1893 году шествиѣ пасхальнаго крестнаго хода вокругъ Каѳедрального собора было освѣщено бенгальскими огнями, а въ 1899 году снаружи собора на колокольнѣ едва-ли не впервые заблесталъ крестъ составленный изъ яркихъ бѣлыхъ электрическихъ лампочекъ. Но, особенно красиво была иллюминирована Успенская церковь въ текущемъ 1910 году, будучи, какъ говорится, вся залита огнями: отъ креста, вѣнчающаго стройную и довольно высокую колокольню, были спущены по сторонамъ двѣ нити, шедшія къ верхней части церковной ограды и густо усѣяныя цветными электрическими лампочками. Кромѣ того вверху колокольни красовались двѣ начальныя буквы „Х. В.“ пасхальнаго приветствія „Христосъ Воскресе“, арки въ разныхъ ярусахъ самой колокольни, три пояса вокругъ колокольни, главный входъ въ церковь и верхняя часть ограды со стороны Проспекта (со стороны Торговой улицы), все это было уставлено электрическими лампочками. Мнѣ говорили, что всѣхъ электрическихъ лампочекъ было до 500 штукъ и что въ одной семьѣ трудились около недѣли надъ окраской лампочекъ въ разные цвета, желая придать послѣднимъ побольше нѣжности въ тонахъ. Я видѣлъ только предварительное убранство наружной иллюминаціи и уже по нему судить, какую могла казаться Успенская церковь въ пасхальную ночь Свѣтлаго Христова Воскресенія; отъ бывшихъ же на самой иллюминаціи слышалъ, что картина получилась, действительно, чудная.

Вспомнивъ про пасхальную иллюминацію, невольно припоминаю и иного рода картину: въ четвергъ страстной недѣли великаго поста по окончаніи въ десятомъ часу вечера чтенія спасительныхъ страстей Господа нашего Иисуса Христа (утреня великаго пятка, за которою читаются 12-ть страстныхъ евангелій, начинается, обыкновенно, въ 6 часовъ вечера и совершается въ Каѳедральномъ соборѣ большею частью при участіи мѣстнаго епархіального архіерея) народъ расходится изъ Каѳедрального собора по разнымъ направлениямъ, неся въ рукахъ восковыя свѣчи, затепленныя святымъ огнемъ. Многіе богомольцы для отнosa свѣчей домой и сохраненія ихъ въ дорогъ зажженными, заботливо устраиваютъ цветные бумажные фонари самыхъ разнообразныхъ формъ и различной величины. Видъ этой картины былъ еще красивѣе когда обширная прежняя „Ярмарочная“ площадь оставалась незастроенною и на ней не было Горнаго училища, 1-ой городской женской гимназіи и цѣлой серіи частныхъ домовъ. Красиво бывало смотрѣть слѣдуя по сѣверо-западному краю этой пло-

щади (по нынѣшней Полтавской улицѣ), какъ въ нижней части города мелькали, вдали, огоньки обозначавшіе людей возвращавшихся отъ службъ изъ приходскихъ церквей Троицкой и Успенской, то слѣдовавшихъ по Екатерининскому Проспекту, улицамъ: Полицейской и Нагорной, то пересѣкавшихъ, вдали, эти улицы. Съ высокой соборной горы замѣтны бывають еще подобные же огни, собранные сначала всѣ вмѣстѣ возлѣ сельской церкви Игрени на противоположномъ берегу рѣки Днѣпра, а потомъ по окончаніи и тамъ службы постепенно раздѣляющіеся и, въ видѣ мерцающихъ искорокъ, разносимые въ разныхъ направленіяхъ по ближнимъ и дальнимъ хаткамъ тамошнихъ сельскихъ жителей.

б) Освѣщеніе улицъ въ ночное время.

Я уже упомянулъ вначалѣ своихъ воспоминаній, что, въ годъ моего пріѣзда, освѣщеніе въ ночное время улицъ отличалось большою скудостью свѣта. Уличное электрическое освѣщеніе введено въ Екатеринославѣ около 14 лѣтъ назадъ и слѣдуетъ отнести къ чести городского управленія, что у насъ освѣщаются электричествомъ не какія нибудь избранныя улицы: центральныя или главныя, но весь городъ съ его окраинами не исключая ближайшихъ балокъ съ ютящимися въ нихъ домиками бѣднаго люда. Первоначально, были поставлены, для электрическихъ фонарей, деревянные столбы, но потомъ ихъ замѣнили очень высокими чугунными столбами, стоящими и теперь; согнутыми вверху для подвѣски самыхъ фонарей; стекла у фонарей матовыя.

ХII. Климатъ Екатеринослава и нѣкоторыя оставшіяся для меня особенно памятными измѣненія въ состояніи погоды.

Многіе, относя Екатеринославъ къ сравнительно южнымъ городамъ, надѣются найти въ немъ пріятный климатъ полезный для здоровья, случалось, что сюда стремились даже чахоточные больные. Между тѣмъ, Екатеринославъ кажется совсѣмъ не можетъ похвалиться своимъ климатомъ: особенно вредны слишкомъ быстрые и весьма рѣзкіе переходы отъ тепла къ холоду, а затѣмъ еще и пронзительныя вѣтры. Не разъ случалось слышать рассказы пріѣзжихъ лицъ изъ другихъ мѣстностей: „чего другого, а холода и вѣтра мы не боимся, у насъ тоже бывали сильныя вѣтры“. Но стоило такимъ лицамъ пробыть въ Екатеринославѣ годъ, другой, какъ ихъ мнѣніе сильно измѣнялось и сами они спѣшили обзавестись болѣе теплою

одеждой говоря: „трудно понять какъ и одеваться, идти жарко, а между тѣмъ всего такъ и понижить“.

Въ лѣтніе мѣсяцы, благодаря вѣтру, особенно когда долгое время не бываетъ и капельки дождя, всюду несетъ страшнейшую пыль, бывшую особенно сильною въ прежніе годы при незастроенныхъ тогда обширныхъ площадяхъ: прежняя Ярмарочная (на Соборной горѣ), Острожная (нынѣ Тюремная) и Цыганская (теперешая Александро-Невская) какъ говорится, отъ этой пыли зги не было видно. Мнѣ самому случалось подъѣзжать къ Екатеринославу въ вѣтренную, пыльную погоду и изъ окна вагона желѣзной дороги съ противоположнаго лѣваго берега Днѣпра совсѣмъ не было видно города: пысь несло, буквально, выше колоколенъ приходскихъ церквей: Троицкой и Успенской. Въ зимнее время благодаря вѣтру снѣгъ рѣдко когда ляжетъ ровнымъ слоемъ, а въ особенности, если снѣгъ выпадетъ мелкій, а не крупными хлопьями, вѣтеръ сейчасъ-же соберетъ его къ какой нибудь одной сторонѣ: въ одномъ мѣстѣ идешь по совершенно обнаженной землѣ и сухія песчинки твердой пыли больно бьютъ по лицу, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ иногда съ трудомъ пробираешься черезъ сугробы наметеннаго снѣга. Слѣдуетъ упомянуть еще, что въ Екатеринославѣ зимой бывають довольно частыя гололедицы: на слежавшійся и хорошо утопанный снѣгъ выпадаетъ мелкій дождь, который, съ наступленіемъ быстро слѣдующаго за нимъ мороза, начинаетъ сейчасъ же леденѣть и вскорѣ обращается въ сплошной гладкій слой на подобіе скользкаго паркета. Передвигаться пѣшеходамъ во время гололедицы крайне затруднительно, въ особенности по разнаго рода буграмъ и косогорамъ; жалко бываетъ смотреть и на, выбивающихся изъ силъ, лошадей. Въ послѣдніе годы начались такъ называемыя гнилыя зимы: частыя оттепели, какая то сырость и мгла въ воздухѣ, нерѣдко даже туманы, чего въ прежнее время какъ будто не было.

Весна въ Екатеринославѣ начинается различно. Фруктовый деревья цвѣтутъ, обыкновенно, въ первой половник апрѣля, а бѣлая акація (особенно много ея на бульварахъ Екатерининскаго проспекта) въ маѣ мѣсяцѣ.

Изъ частныхъ измѣненій погоды у меня остались въ памяти слѣдующія: въ годъ моего пріѣзда въ Екатеринославъ (1886 г.) еще въ двадцатыхъ числахъ декабря мѣсяца не было снѣга и по улицамъ и площадямъ несло пыль при рѣзкомъ восточномъ вѣтрѣ.

За то слѣдующая зима 1887 -1888 г.г. была, наоборотъ, очень снѣжная; 20 декабря 1887 года снѣгъ выпалъ чуть не по колѣни, по-

томъ еще прибавлялось снѣга, такъ что временами снѣжные сугробы доходили, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, до вышины заборовъ. 1-го марта 1888 года была полнѣйшая оттепель и съ горы неслись бурные потоки отъ обилія растаявшаго снѣга, ночью съ 1 на 2 марта сдѣлался морозъ, а къ утру 2 марта разыгралась страшнѣйшая метель: ¹⁾ и, въ общемъ, снѣгъ лежалъ еще до половины марта.

Въ 1888 году вечеромъ 10 октября снѣгъ выпалъ густыми хлопьями на вполнѣ еще зеленые листья бѣлой акаціи, такъ что на бульварахъ Екатерининскаго проспекта много вѣтвей обломилось отъ тяжести повисшаго на нихъ снѣга, потомъ весь снѣгъ растаялъ и еще въ концѣ мѣсяца было тепло.

Въ 1891 году когда я уѣзжалъ въ Петербургъ въ концѣ октября мѣсяца Днѣпръ уже покрылся льдомъ, хотя можетъ быть и не во всѣхъ мѣстахъ, а мѣсяць спустя о льдѣ не было и помину, погода стояла столь теплая, что парадъ 26 ноябрю по случаю кавалерскаго праздника в. м. Георгія былъ произведенъ войскамъ мѣстнаго гар-

¹⁾ О метеляхъ, бывавшихъ въ Екатеринославѣ въ прежнее время А. Н. Молчанова сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее: „Зимы были прежде суровыя, метели очень частыя; помню, какъ однажды мужъ мой возвращался „со всенощной изъ архіерейскаго дома, вдвоемъ съ діакономъ теноромъ Пасхаловымъ, который, какъ женатый пѣвчій, имѣлъ квартиру въ городѣ; вышли они „часовъ въ восемь изъ монастыря (такъ зовутъ здѣсь архіерейскій домъ), а до „мой къ намъ (т. е. на уголь проспекта и нынѣшней Гоголевской (Волосской), „гдѣ жила Молчанова) пришли часу въ четвертомъ ночи; ни дороги, ни свѣту „Божьяго не видно было, зданій по горѣ никакихъ, дорогу потеряли совсѣмъ, и „особенно боялись попасть въ огромную яму неудавшагося колодца, въ которой „погибло много разнаго скота и даже нѣсколько людей и которая была въ той „мѣстности, гдѣ теперь новые кварталы передъ военною церковью“ (т. е., вѣроятно, нынѣшній районъ между продолженіемъ проспекта, казармами Симферопольскаго полка, продолженіемъ Мѣткой улицы (третьимъ казарменнымъ переулкомъ) и Лагерною улицей). „Боясь этого колодца, мой мужъ со своимъ спутникомъ все „забирали вправо, постоянно ощупывая дорогу тростями, пока подошли къ про- „валю, что было на Мусманской горѣ, тогда только они сообразили, гдѣ они и „куда слѣдуетъ идти. Бѣдный Пасхаловъ такъ былъ напуганъ этимъ ночнымъ „блужданіемъ, что отдыхая у насъ, даже плакалъ, и, немного отдышавшись, по- „спѣшилъ домой успокоить жену. Такія метели были тогда еще и тѣмъ страшны, „что ночью не ходили конные патрули, а пѣшимъ гдѣ-жъ поспѣтъ повсюду? Эти „конные полицейскіе патрули останавливали всякаго идущаго и ѣдущаго, и если „человѣкъ былъ неизвѣстенъ полиціи, то забирали его въ часть до утра; безъ „этой конной стражи фабричные рабочіе разграбили-бы весь городъ“ (Екатерин. юбил. лист. № 21 отъ 24 мая 1887 г., стр. 203—204). Воспоминанія Молчановой относятся къ тридцатымъ и сороковымъ годамъ XIX столѣтія.

низона у военной (бригадной) церкви возлѣ казармъ Симферопольскаго полка въ однихъ мундирахъ, зато на слѣдующій день съ утра 27 ноября стали идти снѣжокъ и началась зима.

Въ 1891 и 1892 г.г. лѣтомъ было по одному сильному ливню, причинившему много бѣдствія особенно бѣднѣйшей части населенія, ютившейся по балкамъ; были и человѣческія жертвы.

Въ 1893 году начало апрѣля было холодное и еще 14 апрѣля шелъ мелкій снѣжокъ, который правда сейчасъ же таялъ и только съ 19 апрѣля наступила окончательно теплая погода.

Кажется въ 1895 году въ день преполовенія св. пятидесятницы воду освящали не въ Днѣпрѣ куда нельзя было дойти, а въ концѣ самой Иорданской улицы, часть которой была залита прибылою водой.

Не помню въ какомъ именно году, только знаю, что 29 ноября подъ праздникъ въ честь св. ап. Андрея перевозваннаго была сильная снѣжная мятель: ходившіе въ гости брали съ собой прислугу и заставляли ее расчищать снѣгъ лопатою, послѣ чего путь снова заметало снѣгомъ.

Въ 1899 году уже съ первыхъ чиселъ апрѣля наступила очень теплая погода, 9 апрѣля термометръ показывалъ въ 9 часовъ утра на солнцѣ $+31^{\circ}$ по Реомюру, а въ маѣ мѣсяцѣ стояла такая сушь, что на городскомъ выгонѣ для скота солнцемъ пожгло всю траву, зато въ іюнѣ перепадали дожди.

Въ 1903 году въ свѣтлое Христово воскресеніе (6 апрѣля) была такая страшная пыль, что многіе совершенно отказались отъ визитованія, а ѣздившіе съ визитами настолько кутались и закрывались, что у нихъ были видны, буквально, только одни глаза; въ этомъ году весна была ранняя и въ концѣ апрѣля температура была $+27^{\circ}$, $+31^{\circ}$, по Реомюру. Въ этомъ же году съ 10—12 мая и до 23 іюня почти ежедневно шли дожди, подъ конецъ почва настолько пропиталась влагою, что на городскомъ выгонѣ для скота мѣстами выросли небольшіе грибы. Въ томъ же 1903 году 5 октября съ утра была мгла и временами падали самыя мелкія дождевыя капли, пополудни небо стало проясняться, а съ 3—4 часовъ выглянуло даже солнце. Въ шестомъ часу вечера я услышалъ ударъ грома, немного погодя блеснула молнія и снова послышался ударъ грома. Заинтересованный такимъ явленіемъ я поспѣшилъ на Соборную площадь: весьма красиво было наблюдать съ одной стороны темное небо съ сіяющими на немъ

яркими звѣздами, а съ другой стороны отблески молніи. Оставленный на открытомъ воздухѣ термометръ показалъ $+13^{\circ}$ по Реомюру. На слѣдующій день было $+17^{\circ}$ въ тѣни, а съ 7 октября начались уже осенніе дни.

Въ 1906 г. первый снѣгъ шель вечеромъ 13 сентября, но падая на землю зейчасъ же таялъ, я самъ видѣлъ какъ прислуга принесла въ рукѣ небольшой комокъ шедшаго снѣга. Всю ночь на 14 сентября бушевалъ страшный вѣтеръ, утромъ 14 сентября дулъ сильный холодный вѣтеръ, термометръ показывалъ всего $+2^{\circ}$ тепла по Реомюру. Въ виду непогоды обычный ежегодный въ этотъ день парадъ 133 пѣх. Симферопольскаго полка, по случаю дня его полкового праздника былъ отмѣненъ и полкъ принималъ поздравленіе начальства въ казармахъ, во флигелѣ 1-го баталіона. Днемъ 14 сентября нѣсколько разъ срывался снѣжокъ. Зима 1906—1907 г.г. была обильная снѣгомъ (съ 6 декабря сразу установился хорошій санный путь и снѣгъ, то прибавляясь, то убывая, пролежалъ, въ общемъ, до конца марта) и довольно холодная: морозы въ 13° и въ 18° держались долго, а 6 января 1907 года общій крещенскій парадъ войскъ мѣстнаго гарнизона былъ, по случаю холода, отмѣненъ; на Иорданъ ходили только знаменныя роты съ полковыми знаменами и регаліями¹⁾.

Въ 1907 году разливъ Днѣпра былъ довольно значительный; 26 апрѣля я самъ переѣзжалъ въ лодкѣ черезъ деревянный заборъ отдѣляющій, обычное время года, архіерейскій садъ отъ Потемкинскаго сада и катался въ лодкѣ по аллеямъ архіерейскаго сада обротившимся въ импровизированные каналы.

Въ 1908 году въ послѣднихъ числахъ іюня и первыхъ іюля стояла жаркая и сухая погода, потомъ начался періодъ почти ежедневныхъ дождей или грозъ, 16 іюля наступила снова жара и въ воздухѣ стояла какая-то мгла. Въ первыхъ числахъ августа прошло опять нѣсколько дождей, благодаря чему въ полѣ еще въ августѣ мѣсяцѣ сохранилась невыжженная зеленая трава чего въ прежніе годы, кажется, не бывало; обыкновенно къ августу мѣсяцу въ степи уже все выжжено солнцемъ и всюду пыль.

Въ 1909 году весна была сухая, жара въ концѣ апрѣля доходила до $+30^{\circ}$ по Реомюру и выше, но были вначалѣ мая и дни съ болѣе

¹⁾ Въ прежнее время въ полкахъ было по 4 знамени: по одному на баталіонѣ, но въ 1881 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе оставить въ полевыхъ полкахъ по одному знамени, а остальные баталіонныя знамена хотя и хранить но считать только регаліями.

умеренной температурой $+8^{\circ}$, 10° , иногда при свѣжемъ вѣтрѣ дожди начались только въ концѣ мая послѣ почти двухмѣсячной засухи. Въ садахъ въ этомъ году появилась такая масса гусеницъ, что многія деревья въ Потемкинскомъ саду и въ городскомъ лѣсу (вблизи Тихвинскаго женскаго монастыря) стояли все лѣто совершенно безъ зелени, а въ городскомъ лѣсу огромныя, старыя деревья остались безъ листвы и въ нынѣшнемъ 1910 г. какъ будто-бы они совсѣмъ высохли или какъ будто теперь зима, а не лѣто; ихъ черный видъ съ обнаженными отъ листвы вѣтвями производить тяжелое впечатлѣніе. Такого обилія гусеницъ какъ въ прошломъ 1909 году я не припомню за весь періодъ своего жительства въ Екатеринославѣ, начиная съ 1886 года. Въ 1909 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ кажется не было ни одного дождя; всѣ дороги въ степи были измелъчены, отъ ѣзды, въ порошокъ и всюду несло при вѣтрѣ такую пыль, что 2 октября войска мѣстнаго гарнизона, вишедшія для производства стрѣльбы на стрѣльбищномъ полѣ, находящемся у южной опушки городского лѣса (возлѣ Тихвинскаго женскаго монастыря) были вынуждены, не окончивъ ее, прекратить стрѣльбу, такъ какъ облака пыли поминутно застилали всѣ цѣли и выставленныя мишени оставались невидимыми изъ за несшихся облаковъ пыли. Октябрь мѣсяцъ стоялъ настолько теплый, что еще 17 октября въ саду росли въ грунтѣ цвѣты.

Окончивъ свѣдѣнія о состояніи погоды, слѣдуетъ упомянуть, что въ Екатеринославѣ весной съ наступленіемъ жаркихъ дней появляется особый сортъ самой мелкой мошки, которая лѣзетъ въ ротъ, въ носъ, въ уши, въ глаза. Иногда мошки бываетъ очень много и она становится столь надоѣдливой, что нѣкоторые надѣвають на лицо особаго рода сѣтки связанныя изъ мелкихъ веревочекъ и пропитанныя смолой или гвоздичнымъ масломъ; такія сѣтки часто продаются, кромѣ магазиновъ, прямо на бульварѣ или на улицахъ.

ХІІІ. Наиболе красивыя виды изъ города и на самый городъ.

Екатеринославъ отличается весьма пріятною и удобною для туристовъ особенностью, а именно тѣмъ, что здѣсь для созерцанія какаго нибудь красиваго вида нѣтъ необходимости подыматься на высокую колокольню церковей быть можетъ съ утомительными ступенями, нѣтъ нужды предпринимать дорогое или далекое загородное путешествіе, не надо идти даже въ какое нибудь только одно строго определенное мѣсто; наоборотъ, всякій любитель природы можетъ

наслаждаться здѣсь ея красотами на весьма и весьма значительномъ разстояніи, наслаждаться тамъ откуда для него удобнѣе. Для этого ему стоитъ только пройти къ провалю между архіерейскимъ домомъ и городской больницей, обойти сзади (съ юго-восточной стороны) казармы Симферопольскаго полка или побывать на Севастопольскомъ кладбищѣ (къ югу за церковью), чтобы его взору открылись чудные, величественные виды на Днѣпръ съ его прибрежными селами: Игренью (на противоположномъ лѣвомъ берегу), Лоцманскою Каменкой ¹⁾, Старыми Кайдаками (на правомъ берегу внизъ по теченію рѣки), Чапли (опять на лѣвомъ берегу противъ Старыхъ Кайдакъ), Становымъ островомъ (противъ селенія Мандриковки) покрытымъ лѣсомъ и селеніемъ Рыбальскимъ при устьи Самары на лѣвомъ берегу послѣдней. Изъ Потемкина сада красивый видъ на близлежащій Богомолковскій островъ и на противоположный берегъ Днѣпра отъ желѣзнодорожнаго моста (онъ виденъ въ лѣвой сторонѣ) до селенія Игрень.

Съ площадей выше (юго-западнѣе) и ниже (сѣверо-восточнѣе) городского кладбища открывается видъ на привокзальную часть города и на Соборную гору.

Съ раскопанной могилы въ концѣ Лагерной улицы (между новыми казармами Θεодосійскаго полка и лагеремъ 34 пѣх. дивизіи) хотя глазъ и обнимаетъ обширное пространство, но общей цѣльной картины не получается: въ сѣверо-западномъ направленіи отлично видна строящаяся на Новыхъ планахъ Вознесенская церковь и Троицкая слободка, потомъ уже значительно хуже видна прилегающая къ ней часть города до приходской Троицкой церкви включительно и вдали желѣзнодорожный мостъ черезъ Днѣпръ; затѣмъ все скры-

¹⁾ Селеніе „Лоцманская Каменка“ получила свое названіе вѣроятно въ отличіе отъ другой Каменки находящейся вблизи Екатеринослава вверхъ по лѣвому берегу Днѣпра, а также еще потому, что тутъ живутъ лоцмана, обязанность которыхъ проводить суда и плоты черезъ „Днѣпровскіе пороги“. Подробнѣе объ этомъ я упомяну въ следующей XIV главѣ, а пока ограничусь сообщеніемъ, что въ Николаевской церкви с. Лоцманской Каменки я видѣлъ въ 1890 году небольшой образъ Божіей Матери, помѣщавшійся наверху арки отдѣляющей среднюю часть храма отъ входной. По словамъ мѣстнаго священника риза на иконѣ, хотя и безъ пробы, но серебряная вызолочена, а на оборотѣ деревянной доски иконы сдѣлана чернилами надпись, изъ которой видно, что икона пожертвована Полторацкимъ, тѣмъ Полторацкимъ, который будучи старшимъ лоцманомъ благополучно провель въ 1787 году черезъ Днѣпровскіе пороги всю царскую флотилію (галеры) и за это получилъ отъ Государыни Императрицы Екатерины II-й чинъ поручика.

вають собой новыя казармы Феодосійскаго полка, далѣ снова прерывається небольшою участокомъ поверхъ Лагерной улицы съ уходящею далью низменнаго берега Днѣпра и бѣлѣющимися въ видѣ едва примѣтныхъ точекъ церквами города Новомосковска (до Новомосковска считается около 28 верстѣ) Николаевскаго Самарскаго монастыря ¹⁾). Дальнѣйшій видъ возобновляется восточнѣе казармъ Симферопольскаго полка, еще разъ прерывається небольшою рощицею у дивизионной ставки, послѣ которой уже непрерывно слѣдуютъ: селенія „Лоцманская Каменка“ и „Старые Кайдаки“, рядъ кургановъ по горизонту среди которыхъ особенно замѣтны двѣ могилы „близнецы“ ²⁾, растительность городскихъ дачъ, городского (монастырскаго) лѣса и опять строящаяся Вознесенская церковь.

1) Обширная даль лѣваго низменнаго берега Днѣпра съ едва замѣтными бѣлѣющимися точками церковей г. Новомосковска и Николаевскаго Самарскаго монастыря видна съ Лагерной улицы при ея пересѣченіи продолженіемъ проспекта даже простымъ глазомъ невооруженнымъ биноклемъ, конечно, въ ясную солнечную погоду.

2) Андр. Кашенко на стр. Екатер. юбил. листка сообщилъ слѣдующее: „Могилы „Близнецы“ находятся верстахъ въ 4-хъ къ юго-востоку отъ городскихъ „екатеринославскихъ дачъ, влѣво отъ новой почтовой дороги изъ Екатеринослава въ Никополь и верстахъ въ 3-хъ къ югу отъ Лоцманской Каменки. Могилы „эти прекрасно видны съ (прежней) ярмарочной площади Екатеринослава и такъ „же хорошо—со станціи Могильной на Никопольской почтовой дорогѣ, т. е. и „съ сѣвера и съ юга на разстояніи 10—12 верстѣ; съ востока же, т. е. съ лѣвой „стороны Днѣпра—на разстояніи до 40 верстѣ. По своимъ размѣрамъ они, безъ „спорно, наибольшія въ окрестностяхъ Екатеринослава... къ сожалѣнію, я ни „когда не имѣлъ необходимыхъ инструментовъ, чтобы опредѣлить высоту (на 3-хъ „верстной картѣ Екатеринославской губ. общая высота мѣстности показана—77,9) „и окружность кургановъ. Преданіе о происхожденіи могилъ Близнецовъ записано „мною въ 1883 году со словъ солдата—уроженца Сурскихъ хуторовъ. Боясь иска- „зить легенду, я не рѣшаюсь переводить ее на литературный языкъ и привожу „дословно: „Живъ тутъ (въ окрестностяхъ Екатеринослава) колысь якийсь ту- „рецькій, а може й иншій, царь. У его було багато жинокъ, але одна найкраси- „виша и найлюбиша ему. Тильке не було у его одѣ неї дитей. Стало тимъ (ин- „шимъ) жинкамъ заздритно, що царь такъ любе ту жинку, и почалы вони ему „на неї наговарюваты, але царь имъ виры не йнявъ. А у того царя бувъ ликаръ „и живъ при ему таки (при царѣ) якийсь чужестранецъ. Отъ ти жинки и намо- „вылы ликаря, щобъ винъ скривдывъ ту жинку. Прыйшовъ ликаръ до царя, тай „каже, що такъ и такъ, твоя жинка значытъ зрадныця, вона съ чужестранцемъ „живе и тебе обдурюе. Чимъ же, каже царь, ты мини докажышь?—А отъ, каже „чимъ докажу: у тебе одѣ ей, скільки вже годъ ты зъ нею живешъ, дитей не бу- „ло, а отъ же теперъ я кажу, що вона важка и якъ приведе тоби близьнать, то „тимъ запевнышся, що вона зъ двома жеве, а якъ роде одного, або зовсимъ не „роде, тоди твоя воля мини голову одняты!“—Ну, гляды-жъ, каже царь, не вдер-

Что касается видовъ на самый городъ, то наиболѣе красивыми являются виды съ противоположная лѣваго берега рѣки Днѣпра. Такъ, подъѣзжающимъ по желѣзной дорогѣ со стороны станціи „Синельниково“, Екатеринославъ представляется во всей его красѣ уже съ желѣзнодорожнаго моста черезъ рѣку Самару (вскорѣ за станціей Игрень) и многіе, узнавъ отъ попутчиковъ, что именно это Екатеринославъ, предполагають, не будетъ-ли сейчасъ самая станція „Екатеринославъ“ до которой, однако, остается еще 22 версты съ тремя (для нѣкоторыхъ поѣздовъ) остановками: „постъ-Мостъ“ (полустанокъ) станція „Нижне-Днѣпровскъ“ (прежняя станція „Екатеринославъ“ до постройки и освященія въ 1884 году желѣзнодорожнаго моста черезъ Днѣпръ) и „постъ Амуръ“ (полустанокъ). Правда, потомъ городъ мѣстами скрывается небольшимъ лѣсом и постройками поселка „Нижне-Днѣпровскъ“, но, спустя нѣкоторое время Екатеринославъ снова виденъ изъ окна вагона желѣзной дороги. Зато подъѣзжающимъ къ Екатеринославу по желѣзной дорогѣ съ противоположной западной стороны (со стороны городовъ Одессы, Кіева и Варшавы или ѣдущимъ изъ за границы со станціи „Волочискъ“ городъ совсѣмъ не виденъ, будучи скрытымъ ближайшею къ полотну желѣзной дороги возвышенною мѣстностью.

„жыця твоя голова на плечахъ.—Черезъ яке время разсыпалася царева жинка и „справди близнецымы. Розлютовався царь. Звеливъ одвести жинку съ дитьмы на „гору и закопаты тамъ у землю живцемъ. Мынуло скільки роківъ и правда вы„плывла. Чи жинки посварылысь, чи що,—тильке прызналыся, що то вони пид„мовылы ликаря звесты ту царыцю зъ свиту. Тоди царь розлютовався на ликаря „и звеливъ ему насыпаты заразомъ дви могылы: одну на тимъ мисци, де люба „жинка захована зъ дитьмы, а другу, поручъ для себе. Почавъ ликарь носыты „землю на ти могылы. Носе рікъ, носе два, тры—вже ажъ онъ яки могылы насы„павъ, а все жеве не вмирае. Царь дывуетця и лютуе. (Винь хотивъ его тією „роботою заморыты, щобъ винь умерь, а той все жеве). Тоди нараялы цареви „тому, щобъ винь у ликаря уси его зилля поодбывравъ. (Довидалыся значить, що „винь себе тимъ зиллемъ пидживляе). Якъ одибралы у его зилля, такъ винь и „вмерь. Тоди поховалы его пидъ тією другою могылою. Зъ того дни що року, „кажуть, у ночи зъявляецця на одній могылы у вогни царыця и держе на рукахъ „своихъ близнятокъ, а на другій могылы, де ликаря поховалы, горыть стовпъ ог„невый“. По объясненію разказчика, царица похоронена, если смотрѣть отъ Ека„теринослава, въ правой могилѣ, а докторъ—въ лѣвой. Къ какому вѣку слѣдуетъ „отнести происхождение настоящей легенды—предоставляю судить людямъ болѣе „меня въ этомъ компетентнымъ; съ своей же стороны я исполниль лишь долгъ „каждаго, кому дорогъ родной край и угасающія о немъ народныя преданія“.

(Екатер. юбил. лист. отъ 21 апр. 1887 г., № 6, стр. 52—53).

Плывущимъ по Днѣпру на пароходѣ ¹⁾ (подразумѣваю ѣдущихъ изъ Кіева и Кременчуга и исключая маленькіе пароходы перевозящіе публику на противоположный лѣвый берегъ Днѣпра въ посе-

¹⁾ „Возникновеніе пароходства на Днѣпрѣ относится къ первой четверти „прошлаго (т. е. XIX) столѣтія. Первый пароходъ, появившійся въ водахъ Днѣпра, принадлежалъ князю М. С. Воронцову и былъ построенъ въ 1823 году; въ „его имѣніи Мошнахъ, Кіевской губ., съ цѣлью буксировать барки; но уже черезъ два года онъ былъ переведенъ черезъ пороги (а слѣдовательно проплылъ „и мимо нашего Екатеринослава?) и болѣе не возвращался на среднее теченіе „Днѣпра. Въ 30-хъ годахъ, составила пароходная компанія, получившая привилегію на 10 лѣтъ. Она приобрѣла два парохода, которые служили для перевозки камня при постройке Кіевской крепости и Броварскаго шоссе. Затемъ, въ „1846 году, появились на Днѣпрѣ пароходы генерала Мальцева, построенные въ „с. Людиновѣ, на р. Болвѣ (притокъ Десны), а съ 1850 года, между Кременчугомъ и Пинскомъ, стали совершать правильные рейсы пароходъ „Висла“, принадлежавшій помѣщику Пусловскому. Наконецъ, въ 1858 году, возникло нынѣ „существующее (такъ называемое „первое“) „Общество пароходства по Днѣпру и „его притокамъ“, владѣющее въ настоящее время значительнымъ числомъ пассажирскихъ пароходовъ (46) и содержащее правильные рейсы на всемъ почти судноходномъ протяженіи Днѣпра и его важнѣйшихъ притоковъ (выше пороговъ). „Въ 1892 году, образовалось еще новое „Второе общество пароходства по Днѣпру и его притокамъ“, имѣющее въ настоящее время 28 пароходовъ. Оба общества въ настоящее время работаютъ совмѣстно, по соглашенію между собою. „Ниже пороговъ пассажирское пароходное движеніе поддерживается пароходами „Русскаго Общества Пароходства и Торговли“. Сверхъ того, днѣпровскія воды „бороздятъ по всѣмъ направленіямъ пароходы товарно-пассажирскіе, принадлежащіе частнымъ лицамъ и различнымъ торговымъ домамъ. Число всѣхъ пароходовъ, работающихъ на Днѣпрѣ и его притокахъ, достигло въ 1900 году 292 „шт.“. (Изъ книги „Днѣпръ и его бассейнъ“ инженера путей сообщенія Н. И. Максимовича, Кіевъ 1901 г., стр. 326—327).—Относительно вышеупомянутаго парохода Мальцева, на страницахъ Екатер. юбил. листка Николай Рындовскій сообщилъ еще слѣдующее: „кажется (за вѣрное не выдаю, но это очень правдоподобно), пароходъ появился въ Екатеринославѣ въ 40-хъ, а можетъ быть, „и въ концѣ 30-хъ годовъ. Извѣстный заводчикъ Мальцевъ (котораго магазинъ „чугунныхъ и стеклянныхъ издѣлій есть и теперь въ Екатеринославѣ), весной, на „собственномъ маленькомъ пароходѣ былъ здѣсь проѣздомъ,—изъ Орловской или „Калужской губерніи, кажется,—въ Крымъ, гдѣ у него было имѣніе, на южномъ „берегу. Мальцевъ прожилъ здѣсь нѣсколько дней; съ нимъ былъ и его хоръ „пѣвчихъ, который подъ его управленіемъ, въ одинъ воскресный день и пѣлъ въ „Успенской церкви. Въ томъ-же году, осенью, Мальцевъ, на томъ-же пароходѣ, возвращался по Днѣпру, мимо Екатеринослава изъ Крыма. Объ этомъ, конечно, знаютъ многіе изъ здѣсь живущихъ, такъ какъ это было не очень давно. Я самъ тогда не жилъ въ Екатеринославѣ, но о проѣздѣ Мальцева на пароходѣ и о пребываніи его въ Екатеринославѣ знаю изъ писемъ ко мнѣ моихъ родныхъ, здѣсь жившихъ, которые видѣли пароходъ Мальцева и слышали его хоръ пѣвчихъ. По-

локъ Амуръ и въ селеніе Игрень) Екатеринославъ также мало виденъ, такъ какъ пароходная пристань расположена у самаго желѣзнодорожнаго моста, гдѣ, въ виду, начинающихся у селенія Старые Кайдаки, Днѣпровскихъ пороговъ, прекращается верховое пароходное сообщеніе, возобновляемое лишь 99 верстъ ниже по Днѣпру въ „Шенвизѣ"—предмѣстїи уѣзднаго города Александровска, Екатеринославской губ.

XIV. Лагерь войскъ мѣстнаго гарнизона, городскія дачи и окрестности г. Екатеринослава.

Военный лагерь. Отъ офицеровъ прежняго времени я слышалъ, что раньше лагерь войскъ мѣстнаго гарнизона находился между балками Фабричной и Жандармской возлѣ Никопольской дороги, вблизи западнаго отрога Жандармской балки, гдѣ теперь свалочное мѣсто; я еще самъ засталъ тамъ слѣды валиковъ для лагерныхъ холщевыхъ палатокъ¹⁾. Тамошнимъ мѣстоположеніемъ лагеря вѣроятно слѣ-

стоянное-же пароходство по Днѣпру къ Екатеринославу, съ коммерческою цѣлью, установилось, кажется, въ 50-хъ годахъ. (Екатер. юбил. лист. № 5 отъ 19 апр. 1887 г., стр. 40-я—письмо въ редакцію).

Съ своей стороны невольно припоминаю то время когда пароходныя общества 1-ое и 2-е сильно конкурировали между собой и плату за проѣздъ пассажировъ отъ Екатеринослава до Кіева довели до баснословной дешевизны. Мнѣ говорили, что въ дни слѣдованія конкурентныхъ пароходовъ съ пассажировъ III класса брали кажется за весь путь 15 или 20 коп., при чемъ нѣкоторые говорили, смѣясь, что за эту цѣну давали пассажиру еще по одной булкѣ. Таковы были рассказы, но теперь могу сообщить, что въ 1897 году я самъ заплатилъ на конкурентномъ пароходѣ за билетъ въ общей каютѣ II класса отъ Екатеринослава до Кіева (везли 2¹/₂ сутокъ) всего лишь 80 копеекъ, тогда какъ за пароконнаго извозчика въ самомъ Екатеринославѣ я обыкновенно платилъ отъ своей квартиры (жилъ на соборной горѣ) до пароходной пристани 1 рубль, т. е. 20 копейками больше, чѣмъ теперь заплатилъ за весь водяной путь въ количествѣ 471 версты. Въ дни отхода конкурентныхъ пароходовъ другое пароходное общество обыкновенно сбавляло цѣны наполовину и за билетъ отъ Екатеринослава до Кіева въ общей каютѣ II класса вместо 4 рублей брали по 2 рубля. Я хорошо помню, что конкурентные пароходы уходили по понедѣльникамъ, но можетъ быть ихъ отправляли еще и въ другіе дни? Обыкновенно ко дню ихъ отправленія собиралась масса народа, а въ особенности пассажировъ III класса съ которыми впрочемъ, мало церемонились: когда нашъ пароходъ сѣлъ въ пути на мель пассажировъ III класса сейчасъ же высадили на берегъ и имъ предложили пройти пѣшкомъ довольно значительное разстояніе.

¹⁾ Въ прежнее время по краямъ на поверхности земли насыпали небольшіе земляные валики, а дно палатокъ углубляли въ землю на довольно значи-

дуетъ объяснить отводъ стрѣльбишнаго поля (гдѣ прежде былъ стрѣлковый валъ ¹⁾), требовавшійся старымъ наставленіемъ для обученія стрѣльбѣ) у южной опушки городского (монастырскаго) лѣса, отъ которой до нынѣшняго лагеря около 4 версты, т. е. въ два раза дальше чѣмъ отъ стараго лагеря. На нынѣшнемъ мѣстѣ лагерь 34-й пѣхотной дивизіи возникъ, какъ мнѣ передавали, уже послѣ русско-турецкой войны 1877—78 г.г. Я засталъ еще въ ея сѣверо-западномъ углу огромное, деревянное зданіе такъ называвшейся дивизионной ставки. Сколько припоминаю ея крыша была желѣзная, а вся юго-восточная стѣна состояла чуть-ли не снизу до верха изъ деревянныхъ переплетовъ со стеклами, что придавало особенно характерный видъ всей постройкѣ. Мнѣ говорили, что въ бытность начальникомъ 34-й пѣх. дивизіи генераль-лейтенанта Корфа впослѣдствіи Приамурскаго генераль-губернатора, пользовавшагося большою любовью покойнаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II-го здѣсь устраивались танцевальные вечера привлекавшіе массу городской публики. Эта стеклянная ставка разобрана уже при мнѣ, позже 1890 года и на ея мѣстѣ выстроено новое зданіе самаго обыкновеннаго вида. Въ лагерь имѣется водопроводъ. Лагерь 34-й пѣхотной дивизіи расположенъ между Севастопольскимъ кладбищемъ и городскими дачами на возвышенности къ западу отъ селенія Мандриковки.

34-я пѣшая артиллерійская бригада становилась бивакомъ сначала въ мѣстности нынѣшнихъ кварталовъ новыхъ частныхъ построекъ (въ районѣ Лагерной улицы и казарменныхъ переулковъ 4-го и 6-го), а въ послѣдніе годы она располагается лагеремъ между лагеремъ 34-й пѣх. дивизіи и Жандармскою балкой, къ юго-западу отъ новыхъ казармъ Θεодосійскаго полка. Здѣсь съ осени 1909 года приступлено къ устройству постоянного лагеря для артиллерійской бригады: все пространство окопано канавой и на немъ произведена

тельное разстояніе такъ что люди помѣщались (на нарахъ) въ ямѣ и, входя въ палатку, приходилось спускаться внизъ, куда при сильномъ дождѣ могла затекать вода. Такое положеніе было признано вреднымъ для здоровья и, кажется, въ 1890 году ямы засыпали. Въ настоящее время дно палатокъ не только не углублено, но наоборотъ, предварительно, дѣлаютъ присыпку изъ земли въ видѣ возвышенной площадки, на которую, вмѣсто земляныхъ валиковъ, ставятъ квадратные деревянные щиты и уже надъ ними разставляютъ холщевыя палатки.

¹⁾ Отъ старыхъ офицеровъ я слышалъ, что когда то стрѣлковый валъ былъ въ мѣстности 6-го казарменнаго переулка (между новыми казармами Θεодосійскаго полка и военнымъ кладбищемъ) и здѣсь производили стрѣльбу боевыми патронами.

посадка молодых деревьевъ, только ихъ посадили очень близко шаговъ на 5—6 одно отъ другого.

Припоминаю еще то время, когда въ былые годы въ Екатеринославъ приходила на августъ мѣсяцъ еще бригада кавалерійской дивизіи, стоявшей въ городѣ Елисаветградѣ (Херсонской губ.) и конныя батареи 13 и 14-я, Конныя батареи стояли бивакомъ одинъ годъ на прежней Ярмарочной площади (приблизительно гдѣ теперь зданіе первой городской женской гимназіи), а въ другой разъ на продолженіи Проспекта (между угловымъ домомъ Кожаіа и заборомъ губернской земской больницы); гдѣ же квартировали кавалерійскіе полки не помню.

Лагерь 210 Перекопскаго резервнаго полка (прежде 54-й пѣх. кадроваго резервнаго баталіона) находился, до послѣдняго времени почти въ самомъ городѣ занимая юго-западный уголь улицъ: Короткой и Пороховой и только года два какъ располагается на пусто-порожномъ (большую часть лѣтнихъ мѣсяцевъ) участкѣ лагеря 34-ой пѣхотн. дивизіи, занимаемомъ въ августѣ мѣсяцѣ 136 пѣх. Таганрогскимъ полкомъ.

Городскія дачи, начинаясь въ разстояніи около полуторы версты къ югу отъ теперешней конечной остановки линіи Соборнаго трамвая (уголь Лагерной и Мѣткой улицъ), тянутся въ юго-западномъ направленіи на протяженіи $8\frac{1}{2}$ верстъ пересѣкая Ново-Никопольскую дорогу („дачный проходъ“) и не доходя до Старо-Никопольской дороги („боенскій проходъ“). Когда я пріѣхалъ въ Екатеринославъ (въ 1886 г.) большинство дачевладѣльцевъ обращали очень мало вниманія на свои владѣнія и только немногіе жили на нихъ ¹⁾. Самые дачные участки были обнесены лишь земляными валиками съ наружной стороны которыхъ проходила канава. Главнымъ недостаткомъ дачъ было какъ и теперь малое количество воды и затрудненіе въ полученіи ея изъ нѣсколькихъ колодцевъ. Однако въ послѣднее время, несмотря на такой существенный недостатокъ, дачи какъ-бы ожили: нѣкоторые дачевладѣльцы (напримѣръ покойный І. І. Герболинскій, дача котораго была ближайшею къ лагерю 34 пѣх. дивизіи и первоначально занимала чуть ли не 10 десят. земли) продали часть своихъ

¹⁾ При посѣщеніи покойнаго І. І. Герболинскаго († 1904 г.) въ 1902 году для сбора свѣдѣній объ иконѣ „Плачущаго Спасителя“, находящейся въ Екатеринославскомъ каедральномъ Преображенскомъ соборѣ и составляющей глубоко-чтимую святыню всего православнаго населенія города Екатеринослава, І. І. Герболинскій между прочимъ сообщилъ мнѣ, что онъ уже 33 года живеть зиму и лѣто на своей дачѣ.

участковъ другимъ лицамъ, появились новыя постройки и прежніе земляные валики уже на большомъ протяженіи замѣнились деревянными рѣшетчатыми заборчиками. Сами городскіе жители уже начинаютъ мало по малу перѣезжать на лѣто на дачи. Въ послѣднее время, для удобства сообщенія, стали ходить между дачами и конечною остановкой вагоновъ трамвая Соборной линіи особыя линейки съ платоу по 20 копеекъ съ человѣка за конецъ; линейки ходятъ до 8 часовъ вечера, а по особому заказу и позже, опредѣленнаго часа для отправленія ихъ съ какого нибудь пункта нѣтъ.

Старыя бойни находились южнѣе городского (монастырскаго) лѣса при Старо-Никопольской дорогѣ (обѣ дороги выходятъ изъ города одновременно въ концѣ Александровской и Казанской улицъ и идутъ вмѣстѣ до конца новаго еврейскаго кладбища гдѣ раздѣляются: старая проходила черезъ „боенскій проходъ“, а новая отдѣляется на юго-востокъ и прорѣзаетъ городскія дачи и дачный проходъ) и помѣщались въ деревянныхъ зданіяхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ эти бойни закрыты (постройки остаются пустыми) и перенесены на другое мѣсто ближе къ Брянскому Александровскому (въ честь ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III-го) южно-россійскому рельсопрокатному железо-дѣлательному и механическому заводу, открытому 10 мая 1887 года ¹⁾ и находящемуся у сѣверо-западной окраины г. Екатеринослава.

Городской лѣсъ, болѣе извѣстный у жителей г. Екатеринослава подъ названіемъ „монастырскаго“, находится въ южной оконечности Фабричной балки и составляетъ одно изъ любимыхъ мѣстъ для устройства маевокъ на лонѣ природы. Монастырскимъ онъ называется, вѣроятно, вслѣдствіе его сосѣдства съ Тихвинскимъ женскимъ монастыремъ. Весной 1909 года этотъ лѣсъ пострадалъ подобно Потемкинскому саду отъ обилія гусеницы объѣвшей молодую листву, благодаря чему многія деревья простояли все лѣто оголенными подобно зимѣ безъ всякой зелени, а верхушки нѣкоторыхъ остались оголенными и въ нынѣшнемъ 1910 году. Лѣтомъ прошлаго 1909 года городской (монастырскій) лѣсъ окопанъ, со всѣхъ сторонъ, глубокою канавой.

Жандармская балка. Въ начальные годы своего пребыванія въ Екатеринославѣ (1886—1890 г.г.) я довольно часто ходилъ по Жандармской балкѣ отъ угла Мѣткой и Волосской (нынѣ „Гоголевской“ улицъ къ городскому (монастырскому) лѣсу. Видъ балки, насколько

¹⁾ Екатер. юбил. Лист. отъ № 18 17 мая 1887 г., стр. 174.

припоминаю, былъ тогда совершенно другой чѣмъ теперь; если кирпичные заводы и существовали, то ихъ было всего два, три, по верхнему возвышенному, крутому (восточному) берегу балки шли три пѣшеходныхъ тропинки огибавшихъ небольшіе овраги и расширенія, для переѣзда и то съ очень большими затрудненіями (въ виду крутости спуска) было лишь одно мѣсто въ сѣверо-восточной части, балки гдѣ отходятъ три развѣтвленія одно на сѣверъ, другое на востокъ и третье на югъ (противъ теперешнихъ Троицкой слободки и лагеря 34 пѣш. артиллерійской бригады); самая балка была почти необитаема. Въ послѣдніе годы Жандармская балка значительно расширилась увеличившимся числомъ кирпичныхъ заводовъ и другихъ построекъ и вблизи ея югозападнаго отвѣтвленія (немного сѣвернѣе новаго еврейскаго кладбища черезъ балку проложена удобная дорога для вывозки въ городъ кирпича съ заводовъ по двумъ главнымъ направленьямъ: вдоль городскихъ дачъ и по Никопольской дорогѣ.

Городъ Новомосковскъ и Николаевскій Самарскій монастырь. Любителямъ старины рекомендую, воспользовавшись автомобильнымъ сообщеніемъ, посѣтить уѣздный городъ Новомосковскъ (Екатеринославской губ.) съ его деревяннымъ, девятиглавымъ Троицкимъ соборомъ оригинальной архитектуры и находящейся вблизи Новомосковска пустынно-Николаевскій Самарскій монастырь. Послѣ Кіевского Межигорскаго монастыря-завѣтную святыню запорожскихъ казаковъ. Въ обоихъ мѣстахъ: какъ въ Троицкомъ соборѣ города Новомосковска, такъ и въ Самарскомъ монастырѣ сохранилось довольно много предметовъ церковной старины временъ казачества.

Къ сѣверу отъ села Подгородняго расположеннаго при дорогѣ между Екатеринославомъ и Новомосковскомъ находится группа кургановъ извѣстная подъ однимъ общимъ именемъ „Майдана“ и отмѣченная на 3-хъ верстной картѣ Екатеринославск. губ. общєю высотой 55,3.— Предпринимать сюда отдѣльное специальное путешествіе конечно нѣтъ расчета, но кому случится быть вблизи тотъ не пожалѣетъ труда положеннаго для подъема на гору, такъ какъ сверху возвышенности открывается, дѣйствительно, чудный видъ на окрестную даль (виденъ Екатеринославъ, видны могилы „Близнецы“, лѣсъ по теченію рѣки Самары, церкви г. Новомосковска и др.) и только въ западномъ направленіи видъ немного меньше, чѣмъ въ остальныя стороны.

Днѣпровскіе пороги. Одною изъ особенностей Днѣпра является его порожистая часть находящаяся между Екатеринославомъ и Алек-

сандровскомъ. Большихъ пороговъ насчитываютъ десять: 1) *Старо-Кайдакскій* (на 1715 верстѣ отъ истока р. Днѣпра ¹⁾) и верстахъ въ 13-ти ниже г. Екатеринослава. 2) *Сурской* (на 1723 в.). 3) *Лаханскій* (на 1725 в.). 4) *Звонецкій* (на 1729 в.). 5) *Ненасытецкій* (на 1737 в.). 6) *Волнигскій* (на 1751 в.). 7) *Будиловскій* (на 1753 в.). 8) *Лишиній* (на 1769 в.). 9) *Вильный* (на 1775 в.) и 10) *Явленный* (на 1777 верстѣ отъ истока рѣки). До главнаго изъ нихъ „Ненасытецкаго“ отъ Екатеринослава около 30 верстѣ, сообщеніе производится лошадьми, плата по взаимному соглашенію. Возлѣ Ненасытецкаго порога расположено большое селеніе Николаевка, гдѣ можно переночевать, но надо имѣть въ виду, что мѣстные крестьяне любятъ чтобы имъ хорошо платили за ночлегъ. Длина Ненасытецкаго порога около 575 сажень, общее паденіе 2,65 с. ширина рѣки 500 саж. Относительно пороговъ мнѣ говорили, что, кто не стѣсненъ временемъ, Ненасытецкій порогъ интереснѣе смотреть въ половодье (тогда видъ его особенно грозный), а остальные пороги, наоборотъ, когда вода уже спадетъ; лично мнѣ удалось посѣтить пороги: Старо Кайдакскій, Звонецкій, Лаханскій, Ненасытецкій и Волнигскій ²⁾.

¹⁾ Приложение къ сочиненію „Днѣпръ и его бассейны“ Н. И. Максимовича, стр. 91.

²⁾ Краткія свѣдѣнія о порожистой части рѣки Днѣпра заимствую изъ „путеводителя по р. Днѣпру и его порогамъ“ состав. Ив. Ник. Каргопольцовымъ Екатер. 1888 года.—, *Пороги*. Третью характеристическую часть Днѣпра составляютъ Днѣпровскіе пороги, т. е. 70-ти верстное протяженіе Днѣпра между г.г. „Екатеринославою и Александровскомъ, здѣсь Днѣпръ пересѣкаетъ Урало-Карпатскую возвышенность, которая, начинаясь отъ Карпатскихъ горъ, прорѣзываетъ южную часть Россіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ пересѣкая на своемъ пути порогами и скалами Днѣстръ, Бугъ и Днѣпръ, послѣдній на протяженіи 70-ти верстѣ и оканчивается у сѣвернаго берега Азовскаго моря. Отъ с. Старые-Кайдаки, лежащаго въ 8-ми верстахъ ниже Екатеринослава до кол. Кичкасъ, эти скалы начинаютъ пересѣкать русло рѣки; кристаллическія породы глубоко врѣзываются въ русло рѣки, образуя рядъ пороговъ и заборъ въ уѣздахъ Екатеринославскомъ и Александровскомъ. На всемъ этомъ протяженіи рѣка заливаемой долины почти не имѣетъ. Берега здѣсь обрывисты, гранитъ составляетъ здѣсь огромныя скалы, въ видѣ отдѣльныхъ горъ, достигающихъ вышины до 30 саж. надъ уровнемъ воды. Въ самомъ руслѣ встрѣчается рядъ острововъ, частью скалистыхъ, частью покрытыхъ мелкимъ дубовымъ лѣсомъ; возвышеніе этихъ острововъ, во многихъ случаяхъ, довольно значительно, такъ что многіе изъ нихъ въ весеннее время не заливаются водою. Ширина рѣки на 1,753 в. у Козлова острова достигаетъ до 965 с., ниже рѣка начинаетъ постепенно суживаться и у кол. Кичкасъ на 1793 вер. она достигаетъ только 86 с., далѣе же опять начинается постепенно расширяться; собственно пороги состоятъ изъ отдѣльныхъ

XV. Глава дополнительная.

Перечитавъ еще разъ свои воспоминанія, мнѣ захотѣлось частью дополнить ихъ новыми свѣдѣніями, частью нѣсколько подробнѣе изложить то, о чемъ уже велась рѣчь и, наконецъ, упомянуть о мѣстностяхъ, происхождение названій которыхъ для меня хотя и неизвѣстно, но которыя какъ сохранившіяся до настоящего времени могли бы быть объяснены другими лицами, которымъ извѣстна, близка и дорога прошлая судьба нашего города.

Церковь в.-м. и побѣдоносца Георгія въ 210 пѣх. Резервномъ Перекопскомъ полку. Еще въ 1904 году въ одномъ изъ частныхъ домовъ по Скаковой улицѣ (кажется тамъ, гдѣ теперь офицерское собраніе для 34 артиллерійской бригады) была устроена для 210 пѣх. Перекопскаго полка временная церковь во имя в.-м. и победоносца Георг-

„камней, какъ бы сидящихъ на возвышенномъ или выпукломъ днѣ рѣки. Эти ка-
„меня своими верхушками иногда торчатъ изъ воды широкими грядами, протяну-
„тыми поперекъ всего русла рѣки отъ одного берега до утесовъ другого. Стремле-
„ніе воды по нимъ производитъ постоянно огромное и широкое волненіе. Пороги
„составляютъ наиболѣе опасное и неудобное мѣсто для судоходства по Днѣпру.
„На разсматриваемой части Днѣпра, кромѣ пороговъ, часто встрѣчаются заборы.
„Пониженіе или паденіе пороговъ различно, самое большое паденіе имѣетъ Не-
„насытецкій порогъ, а самое малое паденіе у порога „Лишній“. Всѣхъ значитель-
„ныхъ пороговъ на Днѣпрѣ 9-ть: Старо-Кайдакскій, Сурской, Лоханскій, Звонец-
„кій, Ненасытецкій, Волнигскій, Будиловскій, Лишній и Вильный. Камни и скалы
„пороговъ состоятъ изъ разныхъ видовъ гранита и гнейса, а мѣстами предста-
„вляютъ чистый кварцъ. Русло рѣки состоитъ изъ чистаго крупнаго песку, ко-
„торый отъ быстрога теченія рѣки, образуетъ большія косы и дюны, перемежня-
„ющія свое мѣсто, почти, съ каждымъ годомъ и потому измѣняющія фарватеръ
„особенно-же противъ самага Екатеринослава. На всемъ порожистомъ протяже-
„ніи Днѣпра, до острова Хортицы, берега Днѣпра, состоятъ изъ отвѣсныхъ
„скаль, мѣстами до 35-ти саж. надъ уровнемъ воды. Пороги представляютъ зна-
„чительное препятствіе для судоходства; взводное же судоходство черезъ нихъ
„ни въ какое время невозможно по чрезвычайной быстринѣ воды. Правительство
„уже съ давнихъ поръ предприняло мѣры къ устраненію препятствій для про-
„хода судовъ черезъ пороги, но несмотря на произведенныя работы проходъ су-
„довъ въ порогахъ очень затруднителенъ. Для прохода судовъ черезъ пороги
„существуютъ казенные лоцмана, живущіе по берегамъ Днѣпра въ селеніяхъ и
„хуторахъ. Изъ пристаней въ этой части Днѣпра важна только пристань Лоц-
„манско-Каменская и Екатеринославская“ (стр. 19—21-я). Желающіе имѣть о по-
„рогахъ и о рѣкѣ Днѣпрѣ болѣе подробныя свѣдѣнія могутъ найти ихъ въ выше-
„упомянутомъ „путеводителѣ по р. Днѣпру и его порогамъ“ Ив. Ник. Каргополь-
„цова и въ особенности, въ обширномъ трудѣ Н. И. Максимовича „Днѣпръ и его
„бассейнъ“ изд. въ Кіевѣ въ 1901 году.

гія, передававшаяся на время ухода полка на Дальній востокъ въ 278 пѣх. Бердянскій полкъ второй очереди, который оставался въ Екатеринославѣ. Въ 1908 году уже на другомъ мѣстѣ (с.-з. уголь Александро-Невской площади и Александро-Невскаго переулка) одна изъ казарменныхъ построекъ (вторая отъ угла) была специально приспособлена для помѣщенія въ ней полковой церкви Перекопскаго полка просуществовавшей до текущаго года: послѣдняя литургія совершена въ ней въ день сошествія Св. Духа на апостоловъ 7 іюня 1910 г., послѣ чего въ виду предстоящаго расформированія 210 пѣх. Перекопскаго полка церковь подлежить упраздненію, а ея имущество передачѣ: частью въ Крестовоздвиженскую церковь при 1-й бригадѣ 34-й пѣх. дивизіи, а частью для отправления въ С.-Петербургъ. Нѣкоторые образа (довольно значительнаго размѣра) въ иконостасѣ церкви были написаны въ 1904 году самими офицерами Перекопскаго полка. Церковь освѣщалась электричествомъ.

Троицкая старообрядческая церковь и кладбище. Мнѣ говорили, что около 100 лѣтъ назадъ въ Екатеринославѣ уже существовала старообрядческая часовня избѣгшая невзгодъ постигшихъ многія другія старообрядческія молельни. Она была посвящена свв. апп. Петру и Павлу и кажется во весь періодъ своего существованія не была закрываема. Около 30 лѣтъ назадъ эта или другая выстроенная на ея мѣстѣ часовня была обращена въ нынѣшнюю Троицкую старообрядческую церковь. Троицкая церковь деревянная, находится противъ и къ с. в. отъ Яковлевскаго сквера и скрыта окружающими ее деревьями; возлѣ церкви имѣется отдѣльная тоже деревянная колокольня, или вѣрнѣе сказать, довольно высокій крытый навѣсъ для колоколовъ. Къ церкви ведетъ тѣнистая дорожка при началѣ которой противъ Яковлевскаго сквера стоятъ деревянные ворота, увѣнчанныя крестомъ; на воротахъ образа: со стороны сквера—св. Троицы, съ противоположной свв. апп. Петра и Павла.

Старообрядческое кладбище находится противъ городского православнаго на с.-з. углу улицъ: Херсонской и Ульяновской (входъ съ Херсонской улицы); Какъ мнѣ передавали оно существуетъ тоже около 100 лѣтъ. На кладбищѣ имѣется лишь домикъ для сторожа, часовнищѣ, могилъ немного и вообще кладбище не имѣетъ правильной планировки.

Караимское кладбище. О немъ (кратко было упомянуто въ отдѣлѣ III, теперь же я случайно отыскала дополнительный свѣдѣнія при новомъ просмотрѣ номеровъ Екатеринославскаго юбилейнаго листка).

С. С. Сообщилъ въ № 2 Екатер. юбил. лист. отъ 12 апр. 1887 г. слѣдующее: „я посѣтилъ мѣстное караимское кладбище, если можно „такъ выразиться, съ чисто научной цѣлью. Кладбище это, на- „ходящееся смежно съ еврейскимъ (т. е. со старымъ еврейскимъ „возлѣ Жандармской балки?), почти все усѣяно памятниками, имѣю- „щими большею частью форму правильныхъ квадратовъ въ горизон- „тальномъ положеніи. Обиліе титуловъ и дивирамбовъ, которыми „испещрены памятники людей, бывшихъ, вѣроятно, при жизни про- „стыми торговцами и не отличавшихся какими-нибудь выдающимися „добродѣтелями, нѣсколько шокируетъ безпристрастнаго наблюдателя „и производитъ несовѣмъ выгодное впечатлѣніе. Древнѣйшій изъ „памятниковъ отмѣченъ 1843 годомъ и находится на могилѣ нѣкаго „Ромули, который, какъ мнѣ положительно извѣстно, первый поло- „жилъ основаніе караимской колоніи въ Екатеринославѣ ¹⁾, приобрѣлъ „отъ города клочекъ земли для отдѣльнаго кладбища и первый же „нашелъ вѣчный покой на этомъ мѣстѣ. Но изъ всѣхъ памятниковъ „особенно выдается одинъ, находящійся на могилѣ одного малоиз- „вѣстнаго караимскаго ученаго, не отмѣченнаго даже еврейскимъ пи- „сателемъ А. Б. Готтлоберомъ въ его сочиненіи „Vikoveth Ietoldath „hakaraim“ (историко-критическое изслѣдованіе о караимахъ), въ ко- „торомъ находится алфавитный списокъ и краткіе біографическіе „черки всѣхъ караимскихъ ученыхъ. Мы говоримъ объ Авраамѣ „Іосифовичѣ Луцкомъ, который случайно забрелъ въ нашъ городъ, „гдѣ онъ и умеръ отъ холеры въ 1855 году. При жизни онъ былъ „извѣстенъ у караимовъ подъ названіемъ Ibn Iaschar, что предста- „вляеть собою абривиатуру изъ еврейскихъ словъ Авраамъ бенъ „Іосифъ Соломо раби ²⁾. Луцкій самъ при жизни написалъ эпитафію, на- „характеризующую его жизнь и дѣятельность. Къ этой эпитафіи, на- „писанной чистымъ библейскимъ языкомъ, однимъ изъ его учени-

¹⁾ „Въ Екатеринославѣ почти всѣ караимы, за рѣдкимъ исключеніемъ, при- „надлежатъ къ зажиточному классу общества, а нѣкоторые ведутъ очень обшир- „ную торговлю табакомъ, бакалейными и мануфактурными товарами („Екат. юбил. Лист.“ стр. 90).

²⁾ „Отецъ его Іосифъ Соломонъ Луцкій, авторъ книги „Tirath Kesef“ (се- „ребряный замокъ), умершій въ глубокой старости въ Евпаторіи, имѣеть особен- „ныя заслуги предъ русскими караимами тѣмъ, что въ 1827 году былъ однимъ „изъ энергичныхъ делегатовъ, исходатайствовавшихъ для караимовъ у Импера- „тора Николая 1-го извѣстныя льготы и освобожденіе отъ рекрутчины, продол- „жавшееся вплоть до 1874 года, когда обнародованъ былъ указъ о всеобщей во- „инской повинности“ (Екат. юбил. лист. № 2 отъ 12 апр. 1887 г., стр. 16-я).

„ковъ былъ только прибавленъ день и годъ смерти. Память Луцкаго —отца и сына особенно дорога для караимовъ тѣмъ, что они безъ „всякихъ личныхъ и корыстныхъ цѣлей поддерживали престижъ національнаго авторитета у караимовъ“ (стр. 15—16).

„*Потемкинскій дворець*“—нынѣ домъ дворянства Екатеринославской губерніи. Многимъ можетъ, весьма справедливо, показаться страннымъ почему такая достопримѣчательность Екатеринослава (если не по старинѣ, то по связаннымъ съ ея названіемъ воспоминаніями) какъ Потемкинскій дворець отнесена мною къ послѣдней, дополнительной случайной главѣ. Произошло это потому, что собраннаго о дворцѣ матеріала я считалъ недостаточнымъ—мнѣ хотѣлось написать подробнѣе, но теперь чтобы, не обойти его полнымъ молчаніемъ я рѣшилъ, въ виду недостатка времени, предложить вниманію читателей то, что оказалось подъ руками. По воспоминаніямъ Николая Рындовскаго (Екатерин. юбил. лист. № 5 отъ 19 апр. 1887 г.) состояніе Потемкинскаго дворца было въ 1826 году въ такомъ видѣ: „домъ—бывшій „дворецъ князя Потемкина представлялъ однѣ стѣны съ отлично „сохранившеюся на нихъ штукатуркою, безъ крышъ, потолковъ, половъ и балокъ. Дворецъ князя Потемкина въ этомъ состояніи, а „равно и садъ при немъ,—который ничѣмъ не былъ огражденъ и ни „къмъ не оберегался и не охранялся,—служилъ для многихъ лицъ „духовнаго вѣдомства бесплатнымъ постоялымъ дворомъ: обыкновенно „лица эти, пріѣзжая въ Екатеринославъ къ 15-му іюля за дѣтьми „своими, обучавшимися въ семинаріи и духовномъ училищѣ, чтобы „взять ихъ на вакаціи домой, останавливались въ развалинахъ дворца „Потемкина, вѣзжали съ лошадьми и повозками въ поросшія „густымъ и высокимъ бурьяномъ залу и смежныя комнаты и тамъ „ходили для себя удобный и бесплатный пріютъ, а лошади ихъ безвозбранно паслись въ саду. Въ 1837 году покойный ГОСУДАРЬ „ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ былъ въ Екатеринославѣ, видѣлъ развалины этого дворца и подарилъ ихъ съ садомъ „Екатеринославскому дворянству, которое и реставрировало дворець и „приспособило его къ настоящему его назначенію. Въ саду этомъ, „въ концѣ 20-хъ или началѣ 30-хъ годовъ (XIX столѣтія), нѣсколь- „ко учениковъ семинаріи или духовнаго училища нашли въ дуплѣ „одного дерева нѣсколько тысячъ рублей денегъ,—говорили, около „15 тысячъ рублей. Долго, болѣе десятка лѣтъ, шли розыски хозяина „къ этимъ деньгамъ, но хозяина не нашлось, и деньги,—всѣ, или

„часть ихъ,—были выданы нашедшимъ ихъ. Объ этомъ дѣло должно „быть въ губернскомъ правленіи ¹⁾“ (стр. 41).

Григор. Яковл. Титовъ въ своихъ письмахъ изъ Екатеринослава (1848—1849 г.г.) писалъ: „въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ собора къ „востоку, стоитъ великолепный домъ Григорія Александровича. Вре- „мя, не видя въ немъ долго ни одного живого существа, хотѣло бы- „ло обратить его въ развалины; но ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ „НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ отдалъ его во владѣніе Екатеринослав- „скаго дворянства и теперь этотъ домъ возобновленъ, или лучше, „перестроенъ, съ небольшими измѣненіями своего прежняго плана. „Въ немъ особенно замѣчательна зала, по своей обширности. При „перестройкѣ дома, она сокращена, или перегороджена стѣною; но и „теперь служить предметомъ удивленія для всѣхъ, кто только бы- „ваетъ въ ней; а въ первобытномъ своемъ видѣ, она могла-бы, ка- „жется, вмѣстить въ себѣ целый полкъ конницы. Кромѣ обыкновен- „ного убранства, зала украшена двумя богатѣйшими портретами— „ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II и ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА „НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА. Оба писаны въ Академіи Художествъ“ (письмо 2-е стр. 32—33).

А. Н. Молчанова въ своихъ воспоминаніяхъ сообщила на стра- ницахъ Екатерин. юбил. листка слѣдующее: „Въ первые годы жизни „моей въ Екатеринославѣ, мнѣ не разъ приходилось слышать, что „изъ дворца Потемкина есть къ Днѣпру подземный ходъ, что въ „концѣ этого хода подъ скалами когда-то стояла прикованная лодоч- „ка и что, будто-бы, князю Потемкину однажды пришлось восполь-

¹⁾ „А прежній домъ дворянскаго собранія, деревянный съ мезониномъ и съ „лятью колоннами, находился, гдѣ нынѣ (въ 1887 году) домъ купца Приходько, „на углу Александровской и Полицейской улицъ. Объ этомъ домѣ, по поводу „пяти колоннъ въ немъ, рассказывали, что, когда Императоръ Николай Павло- „вичъ, бывши еще Великимъ Княземъ, въ 1818 г. былъ въ Екатеринославѣ, то ему „какъ генераль-инженеру, бросилось въ глаза это отступленіе отъ архитектур- „ныхъ правил, и онъ тогда-же указалъ на него губернатору или губернскому „предводителю дворянства. А когда, въ 1826 году, по случаю коронаціи, губер- „нскіе предводители дворянства были въ Москвѣ, то при представленіи Государю „Императору екатеринославскаго предводителя дворянства, Его Величество вспо- „мнилъ о 5-ти колоннахъ и спросилъ: сняли-ли уже лишнюю колонну, и въ от- „вѣтъ получилъ, что пятая колонна тогда же снята. Домъ этотъ въ концѣ 20-хъ „или началѣ 30-хъ годовъ (XIX столѣтія) сгорѣлъ“ (письмо въ редакцію Екатер. юбил. листка Николая Рындовскаго, № 5-й. Екатер. юбил. Лист. отъ 19 апрѣля 1887 г., стр. 41).

„зываются этимъ путемъ, чтобы спастись отъ какого-то нападения. „Этимъ расскажем я не вѣрила, потому что покойный мужъ мой „называлъ ихъ праздною выдумкой; но вначалѣ шестидесятыхъ годовъ (XIX столѣтія), когда новые обвалы провалья подошли близко „къ юго-восточному крылу дворца, тогда еще стоявшему въ *полураз-* „*рушенномъ* видѣ, открылось отверстіе подземнаго хода, выложеннаго „изъ кирпича въ видѣ арки; многіе пробовали ходить въ него, но „дальше десяти сажней не могли, потому что свѣчи и фонари гасли и „дышать было очень трудно. Когда я высказывала мнѣніе, что это, долж- „но быть труба для отвода нечистотъ, то мнѣ возражали, что такія „трубы никогда такъ не дѣлались, что подобной трубѣ не нужно бы- „ло бы давать изгибовъ, какъ здѣсь, и что она шла бы прямо изъ „подъ дворца, а этотъ ходъ шелъ сначала на югъ, а потомъ пово- „рачивалъ поды прямымъ угломъ къ Днѣпру. Кто-то даже предпола- „галъ, что этотъ ходъ идетъ не изъ дворца, а начинается откуда-то „выше. Какъ-бы то ни было, но я думаю, что это обстоятельство за- „служиваетъ того, чтобы его подробнѣе разслѣдовали.

„Вѣдь вотъ же до конца пятидесятыхъ годовъ (XIX столѣтія) „не знали, что поды среднимъ корпусомъ дворца есть подвальный „этажъ, потому что со стороны сада земля возлѣ дворца была высо- „ка и скрывала поды собой двери; а когда однимъ лѣтомъ жилъ во „дворцѣ предводитель дворянства г. Миклашевскій, то эту землю при- „казано было срѣзать, чтобы возлѣ дома развести цвѣтникъ, и тогда „то были открыты двери въ подвальный этажъ, въ одной изъ ком- „натъ котораго, говорятъ, было найдено какое-то старое оружіе и „два скелета. Быть можетъ, и разслѣдованіе подземнаго хода дало-бы „какіе-нибудь любопытные въ историческомъ отношеніи результаты“ (Екатерин. юбил. лист. № 22 отъ 27 мая 1887 г., стр. 212).

А. С. Синявскій въ своемъ сообщеніи „Потемкинскій садъ въ археологическомъ отношеніи“ (Лѣтопись Екатерин. Ученой Архивной Комиссіи годъ I-й стр. 233—237-я) между прочимъ упоминаетъ, что „въ 1901 году, при розыскахъ слѣдов пещеры, о которой суще- „ствуетъ мѣстная легенда, былъ найденъ у выхода архіерейскаго ов- „рага каменный молотъ, а затѣмъ—остатки древнихъ сосудовъ“, вы- „сказываетъ предположеніе, подтвержденное профес. В. Б. Антонови- „чемъ, гр. П. С. Уваровой и Е. Н. Мельникъ, „что въ нынѣшнемъ По- „темкинскомъ саду мы имѣемъ ясные слѣды поселенія—стоянки че- „ловѣка каменнаго вѣка“ и добавляетъ, „что въ Потемкинскомъ „саду были разновременны, находимы: скребки, стрѣлы, молоты,

„черепки съ характернымъ для неолитической эпохи каменнаго вѣка „орнаментомъ, масса черепковъ, такъ называемыхъ, кухонныхъ остатковъ, съ колотыми костями разныхъ животныхъ, а также рыбъ и „каменныхъ стрѣлокъ, ножинокъ и массу остатковъ самыхъ различныхъ періодовъ жизни человѣчества: каменнаго и бронзоваго вѣковъ, а также слѣды скиѣскаго періода и античной культуры и даже остатки запорожскаго быта, въ видѣ кафель отъ „грубъ“—печей и проч.“

Накець въ № 20-мъ Екатерин. юбил. листка отъ 21 мая 1887 г. (стр. 191-я) помѣщена въ отдѣлѣ хроники еще слѣдующая замѣтка неизвѣстнаго автора: „разсказываютъ, что бывший Екатерин. губернаторъ Фабръ (1847—1858 г.г.) основаль, между прочимъ, въ Екатеринославѣ и „музей древностей Екатеринославской губерніи“, весьма „богатый не только коллекціями минераловъ и разныхъ остатковъ „старины, но и обиліемъ предметовъ растительнаго и животнаго „царства. По недостатку помѣщенія въ городской думѣ, помѣщавшейся тогда въ наемной квартирѣ, музею отведено было мѣсто въ „Потемкинскомъ дворцѣ, при дворянскомъ депутатскомъ собраніи. „Дальнѣйшая судьба музея неизвѣстна“.

Впослѣдствіи уже на моей памяти въ нѣсколькихъ комнатахъ Потемкинскаго дворца помѣщался нынѣшнѣй Областной музей имени А. Н. Поля о чемъ кажется еще до сихъ поръ сохранилась табличка близъ входныхъ воротъ въ Потемкинскій садъ. Что касается самаго зданія Потемкинскаго дворца, то оно въ послѣдніе 25 лѣтъ кажется не перестраивалось и я засталъ его въ 1886 году вѣроятно въ томъ же видѣ въ какомъ оно находится и теперь. Въ главномъ залѣ имѣются хоры и къ стѣнамъ прибиты бѣлыя мраморныя доски о посѣщеніяхъ членами ИМПЕРАТОРСКОЙ фамиліи, а также другія доски съ послѣдовательнымъ спискомъ губернскихъ предводителей дворянства Екатеринославской губерніи. Въ залахъ дворца бывали картинныя и другого рода выставки, очень рѣдко устраивались концерты и базары-лоттереи, иногда происходили (въ маломъ залѣ) публичныя засѣданія, а во время послѣдней русско-японской войны 1904—1905 г.г. здѣсь же собирались мѣстныя жительницы для кройки и шитья бѣлыя отправлявшагося для нуждъ арміи въ далекую Манчжурію.

Предполагаемая учебныя заведенія. Въ ближайшемъ будущемъ въ Екатеринославѣ предполагено открыть: 1) Учительскій институтъ 2) Вторую классическую гимназію и 3) Третью городскую женскую гимназію (послѣднюю на капиталъ завѣщанный городу Ю. І. Нестелей). Упоминаю о нихъ, чтобы отгнѣнить, что въ первой половинѣ 1910 года эти учебныя заведенія еще не существовали.

Яковлевскій скверъ находится къ сѣверо-западу отъ Европейской гостинницы между Екатерининскимъ проспектомъ и продолженіями улицъ: Садовой, Старо-Дворянской и Петербургской. Свое названіе онъ получилъ, если не ошибаюсь въ честь бывшаго Екатеринославскаго гордскаго головы Двора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА камеръ-юнкера Ивана Михайловича Яковлева (†1893 г.). Мѣстность занимаемая этимъ скверомъ на планѣ (1885 г.) межевого инженера Пупырникова названа „Качельною площадью“ въ юго-западномъ углу которой показано зданіе цирка. Яковлевскій скверъ устраивался, насколько припоминаю, уже при мнѣ, т. е. не раньше 1886 года. Этотъ скверъ оставался долгое время какъ бы въ пренебреженіи будучи посѣщаемъ больше прислугою. Въ послѣднее время, когда въ городскомъ саду участились платныя гулянья обратили вниманіе и на Яковлевскій скверъ являющійся въ настоящее время едва-ли не единственнымъ благоустроеннымъ, но бесплатнымъ (до 1910 года входъ въ Потемкинскій садъ былъ также бесплатный, но съ нынѣшняго года въ виду сдачи въ аренду значительной части сада и тамъ взимается плата со всѣхъ входящихъ) мѣстомъ гуляній. Посрединѣ сквера среди большой, круглой, цвѣточной клумбы обнесенной желѣзною рѣшеткой устроенъ фонтанъ. Въ скверѣ имѣются ресторанъ, будка для прохладительныхъ напитковъ и продажи мороженаго, небольшая эстрада для музыкантовъ съ крытымъ полукруглымъ верхомъ, тиръ для стрѣльбы, пять качелей въ видѣ лодокъ повѣшенныхъ на канатахъ и, въ разныхъ мѣстахъ, масса скамеекъ. Деревья въ скверѣ уже настолько разрослись, что даютъ густую, обильную тѣнь. Вмѣсто прежняго низкаго заборчика изъ длинныхъ продольныхъ жердей, скверъ обнесенъ нѣсколько лѣтъ назадъ деревяннымъ рѣшетчатымъ заборомъ, въ которомъ устроены двое воротъ: одни посрединѣ со стороны Екатерининскаго проспекта, другія противъ нихъ. Въ обновленномъ благоустроенномъ видѣ Яковлевскій скверъ открытъ для публики весной текущаго 1910 года.

Караимская улица. Этимъ названіемъ именовалась кажется теперешняя Торговая улица идущая отъ Екатерининскаго проспекта къ приходской Успенской церкви. Свое прежнее названіе она получила, вѣроятно, въ честь поселившихся въ Екатеринославѣ караимовъ¹⁾.

¹⁾ Краткія свѣдѣнія о караимахъ, поселившихся въ Екатеринославѣ находятся въ замѣткѣ С. С. „Нѣсколько словъ о караимахъ“ (Екатер. юбил. лист. № 2-й отъ 12 апр. 1887 г., стр. 15-16).

Мостовая улица идетъ параллельно и восточнѣе Широкой улицы, соединяя Екатерининскій проспектъ съ Петербургскою улицей. Когда и почему получила она свое названіе мнѣ неизвѣстно. Кажется бы слѣдовало предположить, что она была вымощена раньше всѣхъ остальныхъ городскихъ улицъ или что на ней мостовая самая лучшая примѣчательная чѣмъ нибудь особеннымъ, но кажется ни того, ни другого не случилось. Наоборотъ насколько припоминаю эту улицу начали мостить только въ 1908 году, а раньше она была кажется совѣмъ не мощеною.

Продолженіе проспекта (составляетъ продолженіе Екатерининскаго проспекта) отъ углового дома Кажайа на Лагерной улицѣ и с.-з. угла Губернской Земской больницы въ юго-восточномъ направленіи къ Мандриковкѣ. Прежде продолженіе проспекта называлось „Мандриковскимъ спускомъ“, ширина его 35 сажень; эта часть проспекта остается еще и въ настоящее время совершенно неблагоустроенною: о какомъ либо бульварѣ нѣтъ и помину и самая улица оставаясь немощеною покрывается въ лѣтнее время, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ нѣтъ ѣзды, зеленою травой; оканчивается продолженіе проспекта началомъ провалья (между городскою больницей и с.-в. угломъ казармъ Симферопольскаго полка), которое стараются забросать мусоромъ. Между домами Кажайа и казармами Симферопольскаго полка въ какомъ именно году не помню, только знаю что уже позднѣе 1891 года выстроены паровой химическій красильный заводъ Зайденера (теперь Ласкаваго). Многихъ удивило какъ позволили строить заводъ среди жилыхъ городскихъ построекъ. Припоминая, что по этому поводу говорили, что будто-бы благодаря названію въ то время „продолженіе проспекта“ „Мандриковскимъ спускомъ“ считали, что и самый заводъ будетъ строиться гдѣ то на Мандриковкѣ.

„*Каменья*“—мѣстность между Потемкинскимъ садомъ (къ сѣверо-западу отъ него) и Литейною улицей. Происхожденіе этого названія мнѣ неизвѣстно.

„*Млинки*“—мѣстность между улицами: Троицкою, Базарною и городскимъ кладбищемъ. Происхожденіе ея названія мнѣ неизвѣстно; со своей стороны полагаю, не стояли-ли здѣсь когда-нибудь вѣтренныя мельницы расположенію которыхъ могла способствовать мѣстность въ полугорѣ. Въ 1886 году я засталъ тутъ кузницы, а теперь между улицами Троицкой и Первозвановской (къ юго-западу отъ Базарной) совершенно пустопорожнее мѣсто, на ю.-з. углу Перво-

звановской и Базарной улицъ строится каменный домъ союза русскаго народа, а между Троицкой и Казанской улицами по ю.-з. Стронѣ Базарной улицы выстроены въ 1909 году каменный флигель для лавокъ. Мѣстность „Млинки“ показана и на планѣ изданномъ (позднѣе 1885 года) В. Е. Алексѣевымъ.

„Старый Куть“ — Мѣстность сосѣдняя съ „Млинками“, сѣверо-западнѣе ихъ, между ними и улицами Базарною и Херсонскою. Происхожденіе названія мнѣ неизвѣстно. О мѣстностяхъ: „Млинки“ и „Старый Куть“ упомянулъ потому, что онѣ какъ застроенныя въ послѣдніе годы другими зданіями, могутъ вскорѣ совсѣмъ исчезнуть изъ памяти мѣстнаго населенія.

Сѣнная площадь прежде находилась между городскимъ кладбищемъ и Базарною улицей, а теперь (указать точно годъ не могу) продажа сѣна производится выше по горѣ, на другой площади, прилегающей къ городскому кладбищу съ юго-западной стороны и находящейся между Первозвановскою улицей и продолженіями улицъ: Вознесенской и Безулевской.

Новые Планы. Подъ общимъ названіемъ „Новыхъ Плановъ“ извѣстна вся мѣстность къ юго-западу отъ нынѣшней Старогородней улицы и Городского кладбища. Самое названіе улицы „Старогороднею“ произошло, вѣроятно, оттого, что ею или, вѣрнѣе сказать, начинавшимся вмѣсто нея полемъ оканчивались, въ прежнее время, съ юго-западной стороны, послѣднія городскія постройки. На планѣ Екатеринослава составленномъ въ 1885 г. межевымъ инженеромъ Пупырниковымъ этой улицы совсѣмъ нѣтъ. Въ настоящее же время здѣсь возникли цѣлые кварталы частныхъ построекъ съ улицами: Вознесенскою, Новосельскою, Юрьевскою и Конечною и пересѣкающими ихъ также новыми улицами: Угловатою, Безулевскою и Кладбищенскою и продолжившимися прежними улицами: Первозвановскою, Троицкою, Казанскою, Александровскою и Степною. Относительно заселенія мѣстности „Новыхъ Плановъ“ въ изданіи Б. Б. Буравого „весь Екатеринославъ“ — справочная книга на 1898 годъ помѣщена характерная въ бытовомъ и весьма цѣнная въ историческомъ отношеніи нижеслѣдующая статья: „что касается екатеринославскихъ ка-„питалистовъ, среди которыхъ есть весьма крупные, то они предпо-„читаютъ всему другому отдавать свои капиталы подъ закладныя; это „надежно, прибыльно и неголоволмно. Однако, все развивается по-„слѣдовательно, своимъ чередомъ. Новымъ обывателямъ требовались „квартиры и послѣднія стали въ Екатеринославѣ сильно дорожать.

„Явилась необходимость въ новыхъ постройкахъ, а подь постройки „нужны были мѣста, цѣны на которыя стали также возрастать съ „неимовѣрной быстротой. Однако мѣста раскупались нарасхватъ. „Лучшія позиціи пріобрѣтались богатыми людьми, которые стали „быстро выводить на нихъ новые дома; хотя дома эти и строились „съ претензіями на нѣкоторый внѣшній шикъ, но, къ сожалѣнію, съ „весьма ограниченными внутренними достоинствами: при такихъ „скоропалительныхъ сооруженіяхъ имѣется въ виду, какъ водится, „гораздо больше ихъ возможная доходность, чѣмъ удобства и тре- „бованія гигиены. Въ Екатеринославѣ можно найти массу квартиръ „съ темными и полутемными комнатами, съ сырыми стѣнами и про- „чими атрибутами самоновѣйшаго строительства.

„Въ то самое время, когда люди со средствами, побуждаемые „основательными видами на барыши, строились на собственный „страхъ ¹⁾, люди бѣдные вовлечены были въ эту строительную го- „рячку, поощряемые къ тому, съ одной стороны, крайней дорого- „визной квартиръ, а съ другой,—городской думой. Послѣднее случи- „лось такъ. Въ Екатеринославѣ съ давнихъ поръ практиковался въ „широкихъ размѣрахъ захватъ разными лицами городской земли. „Борьба городской управы съ этимъ зломъ давала мало результа- „товъ: захватъ производился, большею частью, бѣдняками, съ кото- „рыхъ брать было нечего, да и разорять которыхъ не легко было. „Между тѣмъ захватъ этотъ, помимо убыточности своей для город- „ской кассы, смущалъ городское управление еще и другимъ обсто- „ятельствомъ: захватывая на окраинахъ города участки земли, и про- „изводя это со всевозможной поспѣшностью, новые поселенцы всего „менѣе заботились о какомъ либо порядкѣ,—земля захватывалась, „какъ придется, и обстраивалась вкривь и вкось; это безобразило „окраины, и при непрерывно практиковавшемся произвольномъ за- „селеніи, угрожало въ будущемъ окончательно ихъ изуродовать.

¹⁾ Невольно припоминаю по поводу вышесказаннаго, какъ нѣкоторые буду- чи вовлечены въ строительную горячку, но, не имѣя, однако, достаточныхъ средствъ для доведенія дѣла до конца, сами разорились и ихъ дома стояли неоконченными: довольно долго строился угловой домъ (ю.-з. уголъ Мѣткой и Лагерной улицъ), а одинъ изъ каменныхъ двухэтажныхъ домовъ подь № 17 по Лагерной улицѣ (между 1 и 2 казарменными переулками) стоялъ нѣсколько лѣтъ выстроеннымъ только вчера, съ пустыми окнами и дверями безъ стеколъ и безъ рамъ; оконныя впадины были кажется даже заколочены деревянными досками. Въ настоящее время оба достроены и сдаются въ наемъ.

„Серьезно призадумалось городское управление: ему предстояло создать такую комбинацию, которая примирила бы интересы города с интересами незаконных, но все-же жалких поселенцев.

„Комбинация эта была придумана, при чем на скорейшее и болѣе энергичное проведение ея имѣло рѣшительное вліяніе слѣдующее случайное обстоятельство. Лѣта 1891 и 1892 годовъ ознаменовались въ Екатеринославѣ двумя грандіозными ливнями, затопившими оба раза городъ и причинившими ему массу бѣдствій (были и человѣческія жертвы). Особенно пострадавшими оказались низменные части города, въ которыхъ бурнымъ теченіемъ воды понашивало все то, что не отличалось излишней устойчивостью; само собою разумѣется, что всѣхъ больше и чувствительнѣе пострадали бѣдные люди, лишившіеся крова и жалкаго, но необходимаго для нихъ имущества. Явилась неотложная необходимость прійти на помощь разореннымъ. И вотъ, помимо сбора частныхъ пожертвованій въ ихъ пользу, предпринятаго по инициативѣ тогдашняго городского головы (г. Толстикова), городское управление рѣшило отдавать въ аренду пострадавшимъ и вообще недостаточнымъ лицамъ участки городской земли на крайне льготныхъ условіяхъ. Для этого обширная площадь въ Нагорной части города была разбита на правильные участки, извѣстные теперь, подъ названіемъ „Новые Планы“.

„Вотъ въ этомъ то и заключается вышеупомянутая комбинація; ею городское управление убило сразу двухъ или даже трехъ зайцевъ: 1) оказало существенную помощь разореннымъ отъ ливней бывшимъ мелкимъ домовладѣльцамъ, 2) спасло окраины отъ хаотическаго ихъ заселенія и дало возможность лицамъ, имѣвшимъ въ виду захватъ городской земли, строиться законно, а слѣдовательно болѣе цѣлесообразно и съ большими для себя выгодами и, кромѣ того, 3) уступая на льготныхъ условіяхъ участки земли почти всѣмъ желающимъ, оно вообще дало сильный толчекъ дѣлу заселенія прежде пустовавшей обширной площади, что, само по себѣ, имѣло немаловажное значеніе и помимо перечисленныхъ выше двухъ цѣлей.

„И такъ Екатеринославъ застраивается и, начиная со времени упомянутыхъ ливней, застраиваніе это совершается безостановочно, и особенно энергично по настоящее время. Конечно, не будь этихъ ливней, Екатеринославъ также обстраивался бы, понуждаемый къ этому весьма достаточной причиной—притокомъ новыхъ элементовъ народонаселенія; однако, разрушительные ливни 91 и 92 годовъ, все-

„же, несомнѣнно, послужили дополнительнымъ сильнымъ толчкомъ къ „созидательной дѣятельности въ сказанномъ отношеніи“. (Стр. 33 -36)

Балка „Лекарская“, а по другимъ планамъ Екатеринослава „Аптекарская“ идетъ параллельно и западнѣе Фабричной балки и оканчивается возлѣ Фабричнаго кладбища и Трамвайной улицы. Происхожденіе ея названія мнѣ неизвѣстно; со своей же стороны полагаю, не были ли посажены здѣсь какія-нибудь лекарственныя растенія, не существовалъ-ли тутъ новый городской питомникъ насаженный въ половинѣ пятидесятихъ годовъ XIX столѣтія, или не принадлежала ли эта мѣстность кому-нибудь изъ лицъ медицинскаго персонала?

Балка Жандармская начинается за городомъ къ сѣверо-западу отъ городскихъ дачъ и оканчивается теперь у Нагорной улицы, а прежде, даже на моей уже памяти, доходила до Екатерининскаго проспекта, гдѣ противъ городской управы стоялъ старый деревянный заборъ и находился плохонькій (нынѣ каменный трехэтажный) домъ Петрова—содержателя магазина надгробныхъ памятниковъ и бюро погребальныхъ процессій. Кто знаетъ, не протекала ли по дну этой балки, въ стародавніе годы, маленькая рѣчка, быть можетъ, носившая названіе прежняго поселенія на мѣстѣ Екатеринослава—„Половицы“? На возможность такого предположенія отчасти указываетъ названіе одной изъ ближайшихъ къ Днѣпру улицъ „Колодезною“: мѣстные жители не желая утруждать себя хожденіемъ за водой въ рѣку Днѣпръ и чувствуя недостатокъ воды въ протекавшей возлѣ нихъ небольшой рѣчкѣ могли сами вырывать колодцы особенно принявъ во вниманіе близость подпочвенной воды. Я слышалъ отъ многихъ жителей Екатеринослава, что въ мѣстности нынѣшней приходской Успенской церкви въ нѣкоторыхъ домахъ является, повременамъ, въ погребахъ подпочвенная вода, а въ 1902 году, какъ упомянуто выше въ отдѣлѣ II при перечнѣ храмовъ г. Екатеринослава, былъ упраздненъ изъ за подпочвенной воды нижній Николаевскій придѣлъ Успенской церкви. Объ этой же мѣстности упоминаетъ въ своей обширной статьѣ „продолженіе очерка о Новороссійскомъ краѣ“ и покойный преосвященный Гавріиль Розановъ († 1858 г.): излагая исторію построения каедральнаго Преображенскаго собора, онъ приводитъ свидѣтельство, что мѣстность гдѣ хотѣли въ концѣ 30-хъ годовъ XIX столѣтія строить нынѣшній каедральный Преображенскій соборъ (его думали построить на тогдашней площади съѣстныхъ припасовъ вблизи стараго нынѣ несуществующаго деревяннаго Ус-

пенскаго собора ¹⁾ и теперешней приходской каменной Успенской церкви) „по низменности своей, зыбкому грунту земли и по очевидной тѣснотѣ оказалась совсѣмъ неудобною для предполагавшагося „каменнаго величественнаго строенія“. ²⁾ Происхожденіе названія балки—„Жандармскою“ мнѣ неизвѣстно. Существуетъ предположеніе, что прежде эта балка называлась „казначейскою“ (Екатер. юбил. лист. № 5 отъ 19 апр. 1887 г., стр. 45-я).

Балка Невѣнчанная находится въ районѣ между Екатерининскимъ проспектомъ и улицами: Новодворянскою, Крутогорною, Приказною и Кудашевскою (по плану 1885 года „Подгороднею“). О ней покойный Иванъ Манжура сообщилъ на страницахъ Екатеринославскаго юбилейнаго листка слѣдующее: „О происхожденіи названія этой „части города у екатеринославцевъ сохранилось два преданія. Одно „говоритъ, что названіе это („Невѣнчанная балка“) она получила отъ „невѣнчанныхъ парь бѣглыхъ бурлакъ, селившихся въ этой части— „въ то отдаленное время, когда Екатеринославъ былъ еще чуть-ли „не самымъ крайнимъ русскимъ городомъ юга. Въ то время въ жизни „ни подобныхъ бурлакъ онъ игралъ такую же роль, какъ позднѣе „играли Аккерманъ, Кишиневъ и другіе города крайняго русскаго „Юга, т. е. служилъ для нихъ такимъ спасительнымъ убѣжищемъ, „гдѣ слѣды бѣглаго крѣпостнаго бурлаки совершенно терялись для „его владѣльца и гдѣ бурлака считалъ уже себя въ полной безопасности.

¹⁾ Жители, бывшей на мѣстѣ города Екатеринослава, слободы „Половицы“ принадлежали до 1779 года приходомъ къ Николаевской церкви (въ то время города, а нынѣ селенія) „Новые Койдаки“, а въ названномъ году обратились съ ходатайствомъ дозволить имъ устроить у себя отдѣльную церковь. Выстроенная ими Петропавловская церковь сгорѣла 6 августа 1783 года, не будучи еще освященною. Въ 1786 году при вторичномъ устроеніи храма онъ былъ освященъ, по походному антиминому уже въ честь Казанской иконы Божіей Матери. Въ 1791 г. рядомъ съ Казанской церковью поставили перевезенную изъ Екатеринослава I-го праздную католическую церковь, которую освятили также въ честь Казанской иконы Божіей Матери. Наконецъ, вмѣсто первой Казанской церкви упраздненной въ 1793 году, поставили въ 1797 г. деревянную церковь перевезенную изъ упраздненнаго Преображенскаго Сокольскаго монастыря (нынѣ местечко Соколка Полтавской губ., Кобелякскаго уѣзда и освятили ее въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы. Эта послѣдняя церковь и сдѣлалась въ послѣдствіи кафедральнымъ Успенскимъ соборомъ, упраздненнымъ въ 1852 году по причинѣ его ветхости. На мѣстѣ престола Успенскаго собора среди роши находящейся восточнѣе нынѣшней приходской Успенской церкви поставленъ большой крестъ съ соотвѣтствующею на немъ надписью.

²⁾ Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей, томъ V, стр. 481.

„Другое же преданіе носить болѣе поэтической колоритъ. По „этому преданію разсказывается, что первыми поселенцами на этой „балкѣ были какіе-то кумъ и кума. Кумы эти жили въ большомъ „согласіи и, наконецъ, полюбили другъ друга. Но такъ какъ по на- „шему православному уставу, да и по народному убѣжденію, духов- „ное родство считается выше кровнаго, то ни одинъ священникъ и „не разрѣшилъ имъ повѣнчаться. Тогда влюбленные кумы согласи- „лись жить „гражданскимъ бракомъ“. Но небо не потерпѣло такого „грѣха и страшно покарало нечестивцевъ. Въ одинъ день разверзлась „вдругъ земля и преступная пара была поглощена ею, какъ погло- „щены были нѣкогда библейскіе Дафанъ и Авиронъ. На Невѣнчан- „ной балкѣ и до сей поры можно видѣть обвалы, оставшіеся будто „бы съ того времени предостережемъ будущимъ поколѣніямъ“. (Екат. юбил. лист. № 14 отъ 7 мая 1887 г., стр. 125).

Слободки: Троицкая и Вознесенская находятся: первая по Жан- дармской балкѣ къ югу отъ стараго Еврейскаго (караимскаго) кладби- ща, а послѣдняя, кажется, на противоположной восточной сторонѣ Жандармской балки, южнѣ Дачной улицы. Время заселенія и про- исхожденіе ихъ названій мнѣ неизвѣстны. Жителями Вознесенской слободки сооружена въ каѳедральный Преображенскій соборъ не- большая икона Вознесенія Господня ежегодно въ праздникъ Возне- сенія Господня приносимая въ Вознесенскую слободку для служенія предъ ней молебна.

Надеждино—участокъ земли возлѣ Аптекарской (Лекарской) балки къ сѣверу отъ Тихвинскаго женскаго монастыря нынѣ застро- енный частными постройками. Время его заселенія и причина назва- ній мнѣ неизвестны.

Православное кладбище. Недавно я слышалъ, что на кладбищѣ сѣверо-западнѣ Аптекарской балки между нею и новыми бойнями, гдѣ прежде хоронили бесплатно (такъ какъ на Фабричномъ кладби- щѣ мѣста большею частью уже всѣ платныя), теперь, не очень дав- но, стали съ нѣкоторыхъ взимать плату за мѣста для могилъ. На планѣ Екатеринослава изданномъ В. Е. Алексѣевымъ это кладбище показано существующимъ. Для новаго православнаго кладбища въ виду тѣсноты кладбищъ городского и Севастопольскаго городомъ намѣченъ участокъ кажется между новымъ еврейскимъ кладбищемъ и юго-западною окраиной города къ сѣверо-западу отъ Никопольской дороги. Въ указанной мѣстности я видѣлъ участокъ земли обнесен- ный небольшимъ валикомъ, но погребеній тамъ еще не произво- дилось.

Землетрясенія. Хотя оба землетрясенія: одно 1793 г. и другое 1838 г. были значительно ранѣе моего прїѣзда, но я рѣшилъ для возможно большей полноты свѣдѣній о прошлой жизни гор. Екатеринослава упомянуть и о нихъ. О первомъ землетрясеніи заимствую свѣдѣнія изъ книги М. М. Владимірова „Первое столѣтіе города Екатеринослава“. „Вчерашняго числа съ полдня въ 8-мъ часу въ городѣ „Екатеринославѣ было землетрясеніе два раза чрезъ одну минуту, о „чемъ намѣстническому правленію сія управа благочинія рапортуетъ? „Такъ писалъ городничій Василій Шостакъ 28 ноября 1793 г. Землетрясеніе это чувствовалось въ Полтавѣ, Кременчугѣ, Елизаветградѣ „и другихъ мѣстахъ. (Дѣло губ. правленія за 1793 г. № 4), (стр. 152 153-я).

На другое землетрясеніе указываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. Н. Молчанова ¹⁾. Объ этомъ же землетрясеніи мнѣ удалось случайно, отыскать въ архивѣ Екатеринославской духовной консисторіи офиціальный документъ нежеслѣдующаго содержания: „Преосвященному Анастасію Епископу Екатеринославскому и Таганрогскому и „Кавалеру градскихъ церквей Благочиннаго Катедральнаго Протоіерея Максима Моторнаго Рапортъ. Сего мѣсяца 11-го числа отъ случившагося въ здѣшнемъ городѣ землетрясенія, оказались въ каменномъ катедральномъ Преображенскомъ соборѣ трещины въ сводахъ „обоихъ предѣловъ и въ таковыхъ же противоположныхъ онымъ, „смежныхъ съ трапезою, а также въ аркѣ, раздѣляющей храмъ отъ „трапезы. Трещины сіи хотя незначительны, однакожь довольно при- „мѣтны. О чемъ, по долгу моему, всепочтеннѣйше докладывая Вашему Преосвященству испрашиваю архипастырской резолюціи. Вашего Преосвященства нижайшій послушникъ Катедральный протоіерей Максимъ Моторный. Генваря 14 дня 1838 года № 2-й“. Вверху этого рапорта положена слѣдующая резолюція: „Генваря 14. 1838. „Оказавшіеся трещины посредствомъ г. Архитектора освидѣтельствовать, отъ какихъ причинъ онѣ произошли, отъ случившагося ли

¹⁾ „На слѣдующій годъ зимой, въ генварѣ мѣсяцѣ, было у насъ землетрясеніе, сильно напугавшее всѣхъ насъ. Подъ вечеръ сижу я въ спальнѣ и дитя „кормлю, вдругъ чувствую, что все вокругъ меня качнулось, двери въ сосѣднихъ „комнатахъ закрипѣли и затворились, чайная посуда зазвенѣла. Мой мужъ, крикнувъ старшимъ дѣтямъ, чтобъ они молились Богу, выбѣжалъ на галерею; но, „слава Богу, колебаніе больше не повторилось; на другое утро ко мнѣ приходила „знакомая (г-жа Осиповская) и рассказывала, какъ она испугалась этого колебания и какъ у нея деньги, поставленныя на столѣ столбиками, рассыпались и раз- „бѣжались по комнатамъ“. (Екатер. юбил. лист. № 21 отъ 24 мая 1887 г., стр. 204).

„нынѣ землетрясенія или отъ другихъ причинъ. По учиненіи чего о. „протоіерею общебратственно донестъ мнѣ съ приложеніемъ Архитекторскаго свидѣтельства. Анастасій Е. Е.“¹⁾ (т. е. епископъ Екатеринославскій).

Окончивъ изложеніе личныхъ воспоминаній обнимающихъ періодъ времени съ 1886 по 1910 годъ считаю нужнымъ высказать, что я озаглавилъ свою статью о гор. Екатеринославѣ только воспоминаніями потому, что она, несмотря на кажущееся быть можетъ разнообразіе при ея относительной пространности является, все-таки, въ значительной степени, одностороннею: о многомъ упомянуто въ ней слишкомъ поверхностно, а о нѣкоторомъ и совсѣмъ ничего не сказано. Можетъ быть поставлено мнѣ въ вину еще дословное приведеніе пространныхъ выдержекъ изъ воспоминаній другихъ лицъ относящихся въ большинствѣ случаевъ, къ годамъ болѣе раннимъ чѣмъ избранный мною періодъ времени и, слѣдовательно, совсѣмъ не отвѣчающихъ заголовку статьи, но это я сдѣлалъ изъ единственнаго желанія дать читателю болѣе интересный и возможно полный матеріалъ о быломъ—прошломъ гор. Екатеринослава.

Въ заключеніе скажу, что своими воспоминаніями мнѣ хотѣлось послужить, въ посильной для себя степени, и принести отъ себя нѣкоторую лепту общему дѣлу изученія прошлаго того города, въ которомъ судьба опредѣлила мнѣ служить, а затѣмъ этими же воспоминаніями вызвать поправки и разъясненія со стороны тѣхъ лицъ, которымъ то или другое почему либо извѣстно полнѣе и лучше чѣмъ мнѣ а, при благопріятныхъ условіяхъ вызвать, можетъ быть, еще и ихъ личныя воспоминанія не появившіяся въ печати²⁾. Наконецъ,

¹⁾ Архивъ Екатеринославской Духовной Консistorіи, связка дѣлъ за 1838 годъ по Екатеринославскому уѣзду.

²⁾ Редакція Екатеринославскаго юбилейнаго листка издававшагося въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ 1887 года еще въ первомъ номерѣ своего изданія обратилась ко всѣмъ лицамъ, учреждениямъ и вѣдомствамъ съ просьбой сообщить матеріалъ соотвѣтственно объявленной программѣ листка при чемъ для облегченія работы сама задавала вопросы: 1) Чьи самыя старѣйшіе магазины: золотыхъ и серебряныхъ вещей, посудные, мануфактурныхъ товаровъ, готоваго платья, бакалейныхъ товаровъ? 2) Чьи булочныя, мясныя, овощныя и фруктовыя лавки? 3) Чьи заведенія: каретныя, бондарныя, столярныя, слесарнымъ, мѣдно-лудильныя? 4) Чьи мастерскія: сапожныя, портняжныя, швейныя? 5) Чьи переплетныя, фотографіи, аптеки? 6) Чьи торговли железомъ, лѣсомъ? 7) У кого раньше другихъ стали продаваться: дрова, каменный уголь, керосинъ? и 8) Кому извѣстно о „Черевковомъ хуторѣ“ бывшемъ на мѣстѣ домовъ г.г. Алымова, Григорьева (Абрамова) въ концѣ XVIII и въ самомъ началѣ XIX столѣтій? 9) О происхожденіи названій улицъ;

попутно со всѣмъ этимъ, я имѣлъ въ виду сгруппировать, хотя въ нѣкоторой степени, весьма интересный, но крайне разбросанный на страницахъ Екатеринославскаго юбилейнаго листка матеріаль состоящій изъ воспоминаній мѣстныхъ старожиловъ и присоединить къ нему еще нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія другихъ писателей о городѣ Екатеринославѣ.

В. Машуковъ.

9 іюня 1910 года,
г. Екатеринославъ.

Желѣзная, Казачья, Скаковая, Философская, и др.? Со своей стороны добавлю, что крайне желательно знать причину названія улицъ, кромѣ только что упомянутыхъ, еще: Гимнастической, Керосинной, Литейной, Приказной (названа вѣроятно потому что въ началѣ XIX столѣтія на мѣстѣ Волоцкого стоялъ домикъ „приказа общественнаго призрѣнія“), Рабочей, Старовѣровской и Меткой.

**Указатель топонимов к книге
В. Д. Машукова
«ВОСПОМИНАНИЯ О ГОРОДЕ
ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ»
(1887–1910 г.г.)**

Данный указатель воспроизводится с издания Евг. Саминский «Первые книги Екатеринослава», Днепр, «Лира», 2018. Документ дополнен современными названиями улиц (третий столбец таблицы). Опущены топонимы, к которым Саминский не делает ни единого примечания.

Название у Машукова	Название у Саминского (середина 2000-х годов)	Современное название	Упомянуется на стр.
Абрамовича пл.	Застроена		26-27
Александровская ул.	Артема	Сечевых Стрельцов	29-31, 34, 37, 52, 69, 76, 81
Алекса́ндро-Невская (Цыганская) пл.	Застроена		3, 11, 27, 35, 42, 57, 73
Алекса́ндро-Невский пер.	Калинина пер.	Сечевой пер.	73
Алекса́ндро-Невский спуск	Калинина спуск	Ярмарочный спуск	8
Аптекарская балка	То же	Аптекарская балка	27, 39, 84, 86
Архиерейская пл.	Застроена		38
Архиерейская ул.	Дмитрия Донского	Дмитрия Донцова	4, 9, 28, 40
Архиерейский сад	У Саминского отсутствует	Район пер. Феодосия Макаревского (ранее – пер. Советский)	10, 27, 29, 60
Базарная ул.	Чкалова	Святослава Храброго	4, 9, 27, 80-81
Безулевская ул.	Застроена		81
Богомолковский (Монастырский) остров	Комсомольский остров	Монастырский остров	51, 62
Болотная пл.	См. Озерная пл.	Район центрального рынка	7-8, 13, 26, 30, 46, 49
Брянский завод	Им. Петровского	ЕВРАЗ Днепр. Мет. Завод	53, 69
Военная ул.	См. Пушкинский пр.	Пушкина пр.	У Саминского отсутствует
Вознесенская ул.	XXII съезда КПСС	Вознесенская	10, 81
Волосская ул.	См. Гоголевская	Гоголя	29, 32, 38, 38, 58, 69
Воскресенская ул.	Ленина	Воскресенская	9-10, 14, 25, 35, 37
Гимназическая ул.	Куйбышева	Владимира Винниченко	9
Гимнастическая ул.	Шмидта	Шмидта	7, 26, 89
Гоголевская ул. (Волосская)	То же	Гоголя	29, 32, 38, 58, 69
Городской (Монастырский) лес	У Саминского отсутствует	У Машукова (стр. 9): «вероятно речь идет про лес возле Тихвинского женского монастыря»	9, 61, 67, 69
Городской сад	Парк им. Глобы	Парк им. Лазаря Глобы	23, 25, 31, 42-50

Название у Машукова	Название у Саминского (середина 2000-х годов)	Современное название	Упоминается на стр.
Дачная ул.	Гусенко	Гусенко	29, 86
Еврейская ул.	Шолома Алейхема	Шолома Алейхема	14
Екатериненский пр.	К. Маркса пр.	Проспект Дм. Яворницкого	3, 4, 8, 24-26, 28-37, 40-41, 46, 50, 52-53, 55-58, 79-80, 84-85
Елисаветградская ул.	Савченко	Юрия Савченко	12, 41, 49
Жандармская балка	Красноповстанческая балка	Длинная балка	20, 66-67, 69- 70, 74, 84-86
Железная ул.	Миронова	Европейская	37-89
Заводская ул.	См. Управская – Исполкомовская	Исполкомовская	12-13, 16, 26- 28, 38, 62, 68, 80
Извилистая ул.	То же	Извилистая	7
Иорданская ул.	Коцюбинского	Коцюбинского	10, 51-52, 59
Казанская ул.	К. Либкнехта	Михаила Грушевского	9-10, 31, 35, 37, 53, 69, 81
Казарменная пл.	Застроена		39
Казарменные пер:	1-й Железняк пер. 2-й Академика Чекмарева ул. 3-й Чернышевского ул. (часть) 4-й и 5-й - застроены	Железняк пер. Академика Чекмарева Чернышевского	38 38 41, 58 67
Казачья ул.	Комсомольская	Староказацкая	10, 26, 34, 41, 50, 89
Караимская ул.	См. Торговая - Ширшова	Вячеслава Липинского	28, 52, 55, 79
Керосинная ул.	Леваневского	Леваневского	19, 89
Кладбищенская ул.	С. Лазо	Кулишевская	34, 81
Клубная ул.	См. Проточная – Ленина (часть)	Воскресенская (часть)	37
Колодезная ул.	То же и часть ул. Поля	Поля	84
Конечная ул.	Димитрова	Михаила Драгоманова	4, 81
Короткая ул.	Чичерина	Надежды Алексеевко	23, 27, 68
Крутогорная	Рогалева	Крутогорный спуск	10, 85
Кудашевская (Подгородная) ул.	Баррикадная	Баррикадная	29, 85
Лагерная ул.	Гагарина пр.	Гагарина пр.	3, 4, 27, 29-31, 37-41, 52, 58, 62, 63, 67-68, 80, 82

Название у Машукова	Название у Саминского (середина 2000-х годов)	Современное название	Упомянуется на стр.
Литейная ул.	То же	Литейная	10, 80, 89
Меткая ул.	Столыпинская Чернышевского	Чернышевского	3-4, 37-39, 41, 52, 58, 68-69, 82, 89
Московская	То же	Владимира Мономаха	28, 37
Мостовая	То же	Мостовая	80
Нагорная ул.	Паторжинского	Паторжинского	10, 29, 38, 56, 84
Надеждино	Район ул. Чичерина		86
Невенчанная балка	Район Баррикадного пер.		85-86
Никопольская дорога	Ул. Героев Сталинграда	Проспект Богдана Хмельницкого.	20, 22, 40, 63, 66, 68-70, 86
Новодворянская ул.	Дзержинского	Владимира Вернадского	10, 13, 24-25, 29, 85
Новосельская ул.	Дарвина	Дарвина	4, 81
Озерная пл.	См. Болотная пл.	Район централь- ного рынка	7-8, 13, 26, 30, 46, 49
Павловская слободка	Район автовокзала	Район автовокзала	7
Первозвановская ул.	Короленко	Короленко	4, 10, 29, 36, 80-81
Петербургская ул.	Ленинградская	Ярослава Мудрого	34, 79-80
Полевая ул.	Кирова пр.	Проспект Александра Поля	26
Полицейская ул.	Шевченко	Шевченко	19, 26, 56, 76
Полтавская ул.	Кирова	Гончара	26, 30, 39, 56
Пороховая ул.	Кавалерийская	Кавалерийская	11, 39, 68
Потемкинский пер.	Фучика ул.	Ивана Акинфиева	8
Потемкинский сад	Парк им. Шевченко	Парк им. Шевченко	10, 29, 42-46, 48-51, 60-62, 75, 77-80
Приказная ул.	Я. Самарского	Якова Самарского	85, 89
Провиантская ул.	Пастера	Пастера	11, 52
Проточная ул.	См. Клубная – Ленина (часть)	Воскресенская (часть)	7, 11, 23, 26, 41, 49
Пушкинский пр. (Военная ул.)	То же	Пушкина пр.	У Саминского отсутствует
Рабочая	То же	Рабочая	27, 89
Садовая ул.	Серова	Андрея Фабра	13, 25, 29, 41, 49, 79
Севастопольская пл.	Застроена		39
Семинарская	К. Цеткин	Владимира Моссаковского	9
Сенная пл.	Застроена		27, 81
Симферопольская пл.	Застроена		38

Название у Машукова	Название у Саминского (середина 2000-х годов)	Современное название	Упомянуется на стр.
Скаковая ул.	Свердлова	Владимира Антоновича	11-12, 72, 89
Соборная пл.	Октябрьская пл.	Соборная пл.	20, 26, 28, 40-41, 59
Соборный пер.	Октябрьский пер.	Ул. Дмитрия Яворницкого	52
Солдатская слободка	Южная часть Чечелевки	Южная часть Чечелевки	7
Староверовская ул.	Застроена (район автовокзала)		89
Старгородная ул.	Светлова	Светлова	4, 81
Стародворянская ул.	Плеханова	Князя Владимира Великого	79
Степная ул.	Володарского	Олександра Кониского	81
Струковский пер.	Урицкого пер.	Струковский пер.	30
Технический сад	Парк им. Глобы (часть)	Парк им. Лазаря Глобы (часть)	У Саминского отсутствует
Торговая ул.	См. Караимская – Ширшова	Вячеслава Липинского	28, 52, 55, 79
Трамвайная ул.	Боброва	Боброва	12, 84
Троицкая ул.	Красная	Троицкая	9-10, 36-37, 80-81
Угловатая ул.	Застроена		81
Украинская ул.	То же	Украинская	У Саминского отсутствует
Ульяновская ул.	То же	Ульяновская	14, 73
Управская ул.	См. Заводская – Исполкомовская	Исполкомовская	24, 29, 37, 53
Философская ул.	То же	Философская	89
Херсонская ул.	То же	Херсонская	73, 81
Центральная ул.	То же	Центральная	28
Цыганская (Александр-Невская) пл.	Застроена		3, 11, 27, 35, 42, 57, 73
Чечелевки:	1-я – Калинина пр. 2-я – Бабушкина 3-я – Красночечелевская 4-я – Камчатская 5-я – Нестерова	Нигояна Романа Шухевича Александра Черникова Камчатская Нестерова	8, 19 8 8 8 8
Широкая ул.	Горького	Княгини Ольги	80
Юрьевская ул.	Шпиндяка	Симона Петлюры	4, 20, 81
Яковлевский сквер (Качельная пл.)	Район Театра оперы и балета	Район Театра оперы и балета	25, 29, 31, 73, 79
Ярмарочная пл.	Застроена		3, 26, 39, 55, 57, 68

Науково-популярне видання

ЛАЗЕБНИК Валентина Іванівна

НЕСКУЧНИЙ КАТЕРИНОСЛАВ

Редактор *Гусаров І. Б.*

Художнє оформлення *Ожуг В. І.*

Комп'ютерна верстка *Ожуг В. Є.*

Підписано до друку 00.00.2021 р. Формат 60x84¹/₁₆. Папір офсетний.
Друк цифровий. Ум.-друк. арк. 13,75. Обл.-вид.арк. 12,79. Тираж 100 прим.
Зам. № 245.

Видавництво «Журфонд»

м. Дніпро, пр. Д. Яворницького, 60

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру

ДК № 684 від 21.11.2001 р.

Віддруковано: ПП «Ліра ЛТД»,

49107, м. Дніпро, вул. Наукова, 5.

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру

ДК № 6042 від 26.02.2018 р.

Лазебник В. І.

Л117 Нескучний Катеринослав. (Серія «Придніпровська старина» започаткована у 2021 році. Автор проєкту І. Б. Гусаров) – Дніпро: Журфонд, 2021. – 220 с.

ISBN 978-966-934-324-6

У книзі об'єднано два літературні джерела. Це підбірка статей відомого історика, завідуючої відділом Дніпропетровського Національного історичного музею ім. Дм. Яворницького Валентини Лазебник та репринтне видання книги краєзнавця-любителя кінця XIX – початку XX століття, Володимира Машукова «Воспоминания о городе Екатеринославе (1887–1910 г.г.)» (вперше відтворюється з видання 1910 р.). Обидва джерела розповідають про один і той же період історії Катеринослава та прекрасно доповнюють один одного. Книга ілюстрована фотоматеріалами з фондів Національного історичного музею ім. Дм. Яворницького і розрахована на широке коло читачів.

УДК 82-94